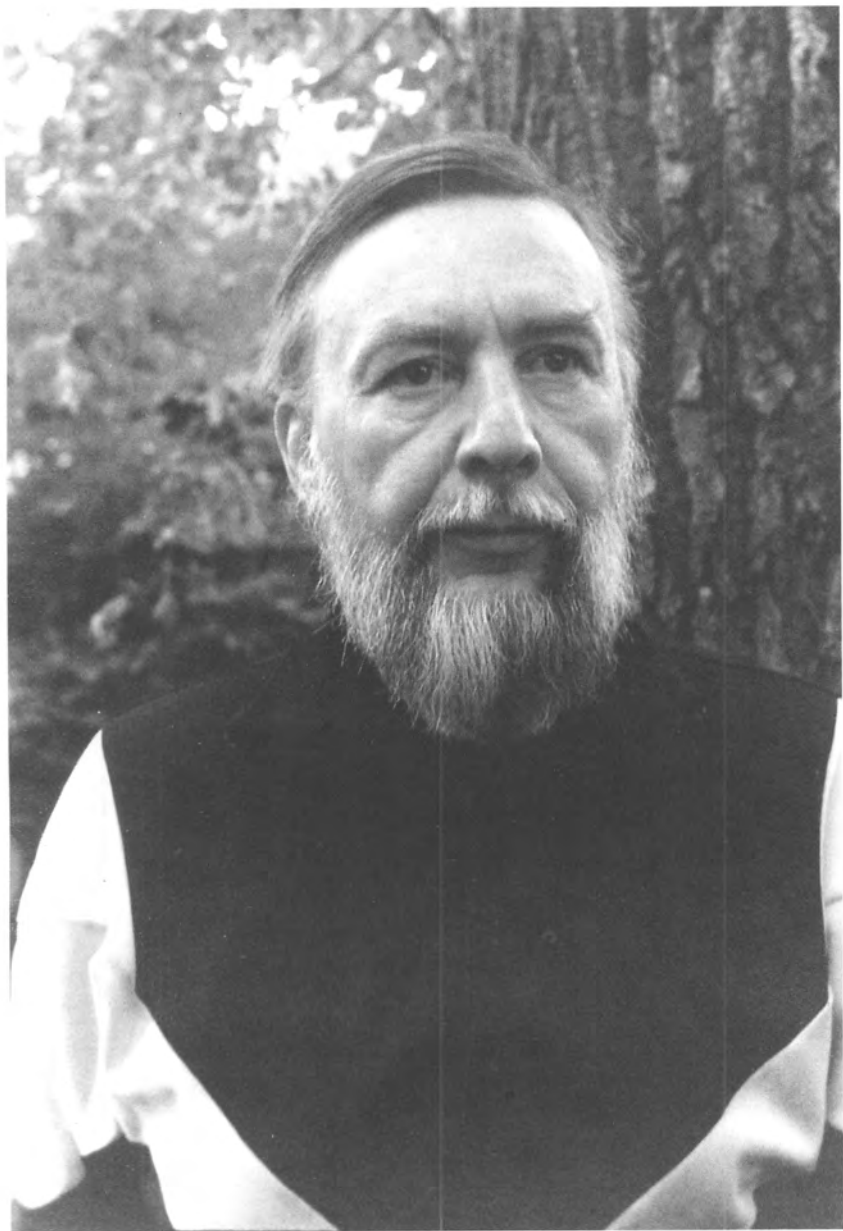

А. А. Гугнин

**СЕРБОЛУЖИЦКАЯ
ЛИТЕРАТУРА
XX ВЕКА**

**Москва
2001**

Российская академия наук
Институт славяноведения

А. А. Гутнин

**СЕРБОЛУЖИЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА
XX ВЕКА
В СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКОМ КОНТЕКСТЕ**

*Ответственный редактор
В. А. Хорев*

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2001

Рецензенты:

Л. Н. БУДАГОВА
доктор филологических наук

Д. ШОЛЬЦЕ
доктор филологических наук,
директор Серболужицкого института (ФРГ)

Гугнин А.А.

Серболужицкая литература XX века в славянско-германском контексте.
М., 2001. – 180 с.

В монографии впервые делается попытка рассмотреть серболужицкую литературу как метасистему, включающую в себя верхнелужицкую и нижнелужицкую литературы. Автор обосновывает принципы историко-контекстуального подхода к изучению серболужицкой литературы, специфика которой требует досконального исследования славянского и германского контекстов, одинаково важных для обеих литератур, а также учета региональных особенностей, обусловивших типологические несоответствия в историческом развитии верхнелужицкой и нижнелужицкой литератур. В Приложении публикуется библиография работ автора, приуроченная к его 60-летию.

ISBN 5-85759-153-8

© Издательство «Индрик» 2001

© А. А. Гугнин, 2001

Литературовед – в каком-то идеальном смысле – тоже писатель, который стремится данными ему средствами (логическими и образными) "реконструировать" историко-литературный процесс. Писатель "синтезирует" две реальности: реальность объективного мира и реальность собственного восприятия этого объективного мира. Литературовед тоже никак не может устраниваться от собственной личности (субъективности) – иначе откуда-бы взяться постоянно возникающим различиям в оценках отдельных произведений, писателей, литературных течений и т. д.? Литературовед имеет дело по крайней мере с тремя реальностями: исторической реальностью объективного мира, субъективной реальностью художественного мира писателя и с реальностью своей собственной психики, которая по-своему воспринимает и окружающую действительность и художественный мир писателя. Даже если литературовед попытается создать имманентную историю литературы, основанную лишь на принципе интерпретации последовательно расположенных текстов, то его субъективность (личность) все равно обнаруживается: а) в отборе самих текстов для интерпретации; б) в игнорировании одних авторов и предпочтении других; в) в содержательных и оценочных моментах, которых не может избежать никакая интерпретация, ибо никакая интерпретация не может охватить всех аспектов рассматриваемого текста, а акцентирует внимание лишь на тех его сторонах, которые представляются важными самому интерпретатору.

Но литературовед XXI века, гораздо больше знающий о своей неизбежной субъективности, чем литературовед позитивистского XIX века и "смутного" XX века, имеет хотя бы одно бесспорное преимущество, состоящее именно в том, что он это знает. Поэтому ему нет нужды скрывать свои исходные позиции...

Будучи профессиональным германистом, я с 1960-х годов усиленно изучал немецкую литературу – от "Песни о Хильтибранте" до наших дней, пытаюсь с помощью языка и исторического контекста понять как творчество отдельных писателей, так и закономерности историко-литературного процесса. Наткнувшись на феномен многовариантности немецкого романтизма, я вынужден был констатировать существенные различия литературного процесса в Пруссии и Вюртемберге, в Баварии и Саксонии, различия, которые диктовали необходимость более внимательного изучения регионального контекста. Изучая прусский и саксонский региональные контексты, я столкнулся с еще более загадочным феноменом – сербо-

ким этносом, никогда не имевшим ни собственной государственности, ни даже культурной автономии и тем не менее в условиях постоянной дискриминации создавшим свою собственную национальную культуру. Этот феномен увлек меня, частично отвлек от германистики, заставил находить время для сбора и изучения первоисточников; чтение серболужицких книг потребовало знания языка, хотя бы даже и пассивного. Работа в Институте славяноведения волей-неволей заставляла приглядываться к общеславянскому контексту. Но все же до сих пор, к сожалению, германскую составляющую серболужицкого историко-литературного контекста я ощущаю органичнее, чем славянскую. Недостает более основательных знаний западнославянских литератур – прежде всего чешской, словацкой и польской. Да и нюансы самих серболужицких текстов я до сих пор понимаю хуже, чем смысловые оттенки немецких текстов. Поэтому, будучи убежденным в продуктивности историко-контекстуального подхода к изучению серболужицкой литературы (см. Введение), я в то же время вынужден констатировать, что сам еще далеко не в полной мере соответствую мною же выдвигаемым требованиям. Но и с этими оговорками эта книжка, представляющая собой, по сути, доработанные варианты уже апробированных работ, может быть полезной. Известные мне рецензии на прежние книжки (Р. Лешинский, Ю. Ритчик, Л. Лаптева, М. Фёлькель, Д. Шольце и др.) пока лишь убеждают меня в правомерности дальнейшей разработки историко-контекстуального подхода и в перспективности рассмотрения серболужицкой литературы как метасистемы, в которую входят верхнелужицкая и нижнелужицкая литературы. В первых двух главах я – впервые в мировой сорабистике – пытаюсь дать наглядное представление о продуктивности подобной метасистемы. Остальные главы носят скорее обзорный характер, хотя я и стремился распределить материал хотя бы по основным жанрам. Библиографические разделы тоже заметно пополнены по сравнению с первыми публикациями.

8 февраля 2001, Новополоцк

* Серболужицкая словесность в эпоху Просвещения. Новополоцк, 1994; Серболужицкая литература в эпоху романтизма. Новополоцк, 1994; Верхнелужицкая литература в эпоху национального возрождения XIX века. Вводная глава. Новополоцк, 1995; История серболужицкой литературы. Краткий очерк с библиографией. М., 1996; Введение в историю серболужицкой словесности и литературы от истоков до наших дней. М., 1997.

**ИСТОРИКО-КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД
К ИЗУЧЕНИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ТЕЗИСЫ И ПОЯСНЕНИЯ**

1. Всякая национальная литература создается и развивается в обширном историко-культурном контексте – природно-космическом, национальном, региональном и мировом. Все эти контексты, постоянно изменяясь и взаимодействуя, так или иначе сохраняют свое присутствие на протяжении всей обозримой истории, определяя изменчивость форм конкретной общественной реальности и многоярусно пронизывающей ее человеческой культуры. Литература, по сути представляющая собой определенную историческую стадию развития языка (устного и письменного) и немыслимая вне предоставленных языком способов коммуникации, являет собой сложный многофункциональный общественный механизм, в котором изначально господствует *коммуникативная* функция – какие бы оттенки эта функция на протяжении доступной наблюдению истории ни принимала.

2. Сравнительно-исторические и типологические исследования литературного процесса при всей их очевидной важности, на наш взгляд, слишком далеко уведут литературоведение в сферу глобальных обобщений, зачастую лишая эти обобщения конкретно-эмпирической достоверности. Например, многочисленные истории немецкой литературы, продолжающие создаваться и в наши дни, практически почти полностью игнорируют факт длительной исторической раздробленности Германии и тех реальных последствий, которые имела эта раздробленность для судеб немецкой литературы и культуры. Создается приглаженная и обобщенная картина некоего логического и последовательного литературного развития, которая, однако, становится безжизненной, схематичной и искусственной, как только мы начинаем пристальнее вглядываться в реальное литературное развитие в 300-х немецких государствах с их специфическими историческими традициями, условиями и возможностями, с их соперничеством и враждой, постоянно разводившей их по разные стороны баррикад. История немецкой литературы может быть на самом деле адекватно изображена как сложная метасистема, внутри которой самостоятельно пульсируют многочисленные подсистемы, определяемые своими собственными

локальными, региональными и национальными контекстами. В рамках таких локальных и региональных контекстов, самостоятельно породивших, к примеру, с конца XVIII в. невиданное в других странах количество романтических центров, кружков, течений и школ, совершенно естественно выглядит и серболужицкий романтический кружок, возникший в 1814 г. в Лейпцигском университете в студенческом обществе Сорабия. Верхнелужицкий предромантизм и романтизм формировался вплоть до 1820-х годов исключительно в серболужицко-немецком протестантском и протестантско-пиетистском контексте.

3. С помощью историко-контекстуального подхода, то есть в данном случае конкретного учета переменчивого славянско-германского контекста серболужицкой литературы, на наш взгляд, удастся вполне удовлетворительно уточнить периодизацию историко-литературного процесса в Сербской Лужице и, в первую очередь, провести более четкие границы литературных эпох и направлений: Просвещения, романтизма, национально-го возрождения, реализма и модернизма.

4. С позиций историко-контекстуального подхода очевидна необходимость самостоятельной разработки истории верхнелужицкой и нижнелужицкой литератур и теперь уже вне всякой зависимости от разноречивых мнений лингвистов о статусе верхнелужицкого и нижнелужицкого языков и степени их самостоятельности. Историко-контекстуальный подход позволяет четко систематизировать религиозные, политические, социокультурные, социолингвистические и прочие многочисленные различия локальных контекстов литературного развития в Верхней и Нижней Лужицах и объяснить разительные расхождения в типологии историко-литературного процесса в верхнелужицкой и нижнелужицкой литературах и часто не складывавшийся "диалог" этих литератур – то есть все то, что историки литературы долгое время и безуспешно пытались игнорировать и лишь в последние десятилетия постепенно начинают осознавать как насущную проблему, хотя истории нижнелужицкой литературы до сих пор не существует, а потому и история всей серболужицкой литературы продолжает оставаться незавершенным фрагментом.

5. Серболужицкая литература представляет собой метасистему, в которую на равных правах входят две субсистемы, верхнелужицкая и нижнелужицкая литературы, и их история должна выстраиваться как описание субсистем и метасистемы, и это описание при историко-контекстуальном

подходе перестает быть простой суммой входящих в нее субсистем и неизбежно приобретает новые, качественные характеристики.

6. Наиболее сложным и, может быть, требующим дальнейшей разработки является вопрос о *принципах* включения в историю серболужицкой литературы многочисленных текстов на немецком языке, созданных серболужицкими писателями, но особенно также весьма многочисленных литературных (и публицистических) текстов, написанных этническими немцами, чехами, словаками и поляками на верхнелужицком, нижнелужицком и немецком языках.

7. "Чистого" этнического самосознания у серболужичан уже давно нет, но от этого они никак не перестают оставаться серболужичанами. Историко-контекстуальный подход позволяет анализировать весь многосложный процесс многовековой адаптации этнического самосознания серболужичан к изменчивому серболужицко-германскому контексту и вместо малосущественной проблемы "чистоты" этнического самосознания говорить о его характерных и отличительных чертах, о его национальной и региональной специфике, причем и с этой точки зрения совершенно отчетливо просматриваются различия ситуации в Верхней и Нижней Лужицах: в Нижней Лужице этническая "чистота" еще более "замутнена", акцент на "немецкости" у нижнелужичан проступает еще более очевидно. Но последовательное применение историко-контекстуального подхода позволяет сделать и еще одно важнейшее наблюдение, помогающее объяснить, почему пророчества М. Лютера (к которым присоединялись в XIX–XX вв. также и отдельные слависты) о скорой ассимиляции серболужичан за прошедшие 500 лет так и не сбылись. Отчетливая специфика серболужицко-немецкого регионального контекста состоит еще и в том, что он не был четко односторонним, то есть воздействовал не только на серболужичан, в этническом самосознании которых появлялась доля "немецкости", но он отражался и на немцах, поселявшихся на серболужицких территориях. Эти немцы зачастую овладевали серболужицкими языками, включались в традиционную систему местных обрядов и обычаев, что в конце концов (осознанно или неосознанно) приводило к модификации их этнического самосознания, в котором появлялась определенная доля "серболужицкости".

8. "Дух" народа и его литературы не надо конструировать априорно, но нужно внимательно и непредвзято изучать движущийся и постоянно изменяющийся историко-культурный контекст. Историко-контекстуаль-

ный подход позволяет увидеть, что на протяжении обозримой истории национальный контекст многократно "загрязняется" и "очищается", что зачастую случалось в истории серболужицкого этноса и литературы и обнаруживало несостоятельность односторонних культурологических прогнозов.

9. Основное различие национального и регионального контекстов в том, что при изучении той или иной литературы в национальном контексте мы учитываем региональную специфику (то есть развитие соседних стран и народов и их культур) лишь в той мере, в какой она влияла на *непосредственное* развитие изучаемой нами литературы по тем результатам, которые предстают перед нами в виде произведений национальной литературы и письменно зафиксированных свидетельств текущей литературной жизни. Разумеется, речь идет не о проведении каких-то строгих границ, но лишь о расстановке акцентов. При изучении литературы в национальном контексте исследователь должен знать по возможности *все* об этой литературе, а из регионального контекста только самое необходимое, помогающее объяснить или оттенить национальную специфику изучаемой в национальном контексте литературы. Сравнительное литературоведение возникло в Германии как вспомогательная наука, которая должна была методом сравнения отдельных литератур выявлять черты своеобразия национальной литературы. В этой своей функции оно во многих случаях продолжает существовать и до сих пор, и подобные работы при необходимости можно было бы классифицировать как сравнительное литературоведение в национальном контексте. Изучение же национальной литературы в региональном контексте требует перехода на *качественно иной уровень*: исследователь должен по возможности в равной степени хорошо владеть фактическим историко-литературным материалом всего окружающего исследуемую им литературу *историко-культурного ареала* и, опираясь на все это добытое по первоисточникам знание, описывать историю исследуемой им национальной литературы. Разумеется, результаты двух исследований одной и той же литературы, но написанных в одном случае с позиций национального, а в другом случае с позиций регионального подходов, будут заметно отличаться друг от друга и в общем, и в частности.

10. Серболужицкая литература – сложное единство двух литератур (верхнелужицкой и нижнелужицкой), каждая из которых имеет свою собственную длительную историю, совершавшуюся в собственном специфическом историко-культурном контексте. Историко-культурный контекст нижнелужицкой литературы включает в себя *прежде всего* Пруссию,

Польшу и Верхнюю Лужицу (как часть Саксонии); в историко-культурный контекст верхнелужицкой литературы входит Саксония и Пруссия, Чехия (и Словакия), Польша и Австрия, Словения и Россия. Через католический "канал" верхнелужичане имели доступ к культурам католического мира (очень многие крупнейшие верхнелужицкие писатели и ученые XIX – первой трети XX в. подолгу жили в Праге, обучаясь сначала в Серболужицкой семинарии, и далее – в Пражском университете), через протестантский и пиетистско-протестантский (Галле, отчасти Лейпциг и др.) – могли общаться со всем обширным протестантским миром. Через протестантско-пиетистские и масонские каналы (Г. Рушка) у них укрепились связи даже с Россией. Нижнелужицкие писатели могли подолгу жить в Берлине (Д.Б. Глован, М. Виткойц), но не получали чешского и австрийского гражданства (как Я.П. Йордан) и не добивались его (Ю. Хежка). Приведенные здесь примеры сами по себе известны, но и литературные связи должны *системно* включаться в контекстуальный анализ. То есть, если к примеру, подсчитано, что 50 верхнелужицких писателей и ученых окончили Пражский университет, и в то же время ни один нижнелужицкий писатель и ученый в Праге не учился, то очевидно, что в истории верхнелужицкой литературы проблема чешско-верхнелужицких литературных взаимосвязей и их последствий должна получать специальную разработку и качественную оценку. Историка нижнелужицкой литературы эта проблема вообще может не заинтересовать, потому что названный факт в нижнелужицкой литературе отсутствовал. Но как относиться к этому факту историк? серболужицкой литературы? Очевидно, что простой констатацией только самого факта он ограничиться не может. Очевидно, ему придется попытаться понять, как сказался этот факт *на обеих литературах* (нижнелужицкой и верхнелужицкой), какие дополнительные оттенки он внес в их и без того уже заметные различия. Далее он попытается определить, как изученный им факт повлиял на *диалог* обеих литератур: ведь не на пустом же месте возникло *полное непонимание* крупнейшими верхнелужицкими патриотами (Г. Зейлер, А. Смолер, К.А. Енч и др.) замечательной поэмы нижнелужицкого патриота К.Ф. Стемпеля, приведшее в том числе и к утрате части его рукописного наследия. В рамках *всей* серболужицкой литературы данный конфликт (и многие другие конфликты подобного рода) имеют *совершенно иное значение*, чем в рамках верхнелужицкой или нижнелужицкой литератур *по отдельности*. Но чтобы изучить и описать обе литературы вместе, в неразрывном единстве притяжений и отталкиваний, необходимо одинаково доскональное знание обеих литератур. Этого и требует историко-контекстуальный подход при переходе от локального или национального уровня исследования на

региональный: прежде чем делать выводы о метасистеме той или иной культуры, нужно изучить составляющие ее системы и их противоречивое взаимодействие.

11. Серболужицкая литература — это литература, включающая в себя произведения серболужицких писателей *на всех языках*, которыми им приходилось пользоваться, исходя из обычаев эпохи (средневековая латынь), исторических форм собственных языков (верхнелужицкие и нижнелужицкие диалекты, затем — литературные языки), языков тех государств, в которых им приходилось или приходится жить (чешский, венгерский, немецкий и др.). Для окончательного изживания трансформированных в нашу современность славянофильских идеалистических концепций (то, что прекрасно звучало — и продолжает звучать — в устах И.И. Срезневского, выглядит сегодня как недостаточное знание реального историко-культурного контекста) необходимо ясно видеть, что немецкий язык в ходе многовековой совместной истории стал равноправным и *родным* языком серболужицкой литературы — прежде всего потому, что они были коренными жителями Германии, и немецко-серболужицкое языковое пространство уже со средних веков было их единственным реальным ландшафтом. О том, что это был действительно *единый культурный контекст*, можно написать очень большую и насыщенную конкретными фактами монографию, но здесь укажем лишь на то, что не только серболужичане "онемечивались", но и немцы "осерболужичанивались", и это происходило именно потому, что и те и другие жили в *едином* историко-культурном пространстве (контексте, регионе). Уже в 1656 г. на нижнелужицком языке была опубликована книга "Выдержки из Священного писания Ветхого и Нового Завета", авторами которой были два нижнелужичанина, два словака (Каспер Яношик и Ян Лупин) и немец (Кристиан Фридрихельм); вдохновителем, меценатом и непосредственным участником этого издания был немец Готфрид Тройер (1600–1666), владевший нижнелужицким языком прежде всего потому, что он был для него *своим* и привычным с детства — так же, как и, немецкий. Заметным нижнелужицким писателем стал Юро Зуровин (Георг Зауэрвайн, 1831–1904), в верхнелужицкой литературе добился большой популярности Ян Вальтар (1860–1921), чьи стихи, но особенно рассказы, исторические повести и романы сыграли заметную роль даже в историко-литературном процессе в целом, способствуя популяризации повествовательных жанров и расширению читательской аудитории. Названными именами данная тема далеко не исчерпывается. Разумеется, произведения, написанные этими немцами на серболужицком языке — неотъемлемая составная часть серболужицкой

литературы. Вообще проблема национально-этнического происхождения писателя при историко-контекстуальном подходе не может быть совсем опущена, но она решается на этапе историко-генетического анализа творчества писателя и в рамках исторической поэтики, которая, сталкиваясь со спецификой и неповторимостью конкретного произведения, не может опустить ничего, что могло бы помочь ей ответить на важнейшие для нее вопросы. Характерно, что феномен написанной евреями *пражской немецкой литературы* (Г. Мейринк, Ф. Кафка, М. Брод и др.), внесшей огромный и трудно переоценимый вклад в историю австрийской, немецкой, да и мировой литературы, очень трудно поддается освоению с позиций компаративистики, с помощью типологических сопоставлений и т. д. Однако тщательное (и, естественно, весьма трудоемкое, поскольку одних литературоведческих приемов и методов здесь явно недостаточно) *восстановление исторического контекста*, связанного с длительным совместным проживанием и постоянным взаимодействием в Праге чехов, немцев и евреев, помогает постепенно понять, что в творчестве Ф. Кафки средствами немецкого языка выразился своеобразный *синтез мироощущений трех культур*: еврейской, чешской и австрийско-немецкой. Типологию здесь пришлось бы проводить *внутри* одного писателя и сравнивать его с самим же собой, поскольку его естественной питательной почвой были все три культуры: еврейская, австро-немецкая и чешская. И понять Кафку по-настоящему можно лишь в контексте всех трех культур, которые литературовед к тому же должен знать *одинаково* хорошо.

12. На протяжении всей истории серболужицкой словесности и литературы огромное (и даже, видимо, центральное) место занимали поистине героические усилия писателей, направленные на сохранение и развитие родного языка, что вплоть до XX в. было *равнозначно* сохранению самого народа, его самосознания, его этнической целостности. Если бы серболужицкий народ *полностью* утратил свой исконный язык, то разрабатываемая нами проблематика перешла бы в совершенно иную плоскость¹. В такой экзистенциальной борьбе за физическое и духовное выживание очень мало места остается для эстетических упражнений и игр. Серболужицкая литература (в ее фольклорных, религиозных и светских формах) была *важнейшим* средством борьбы за сохранение и развитие родного языка, выполняя посредством языка целый ряд специфических идеологических функций:

а) литература вырабатывала и формировала духовную национальную идеологию, прививавшую серболужичанам идею необходимости осозна-

ния своей этнической и национально-культурной целостности и борьбы за сохранение этой целостности²;

б) литература давала единственную продуктивную возможность преодоления чувства национальной неполноценности и ущербности, естественно возникавшего в силу политики национальной дискриминации, прослеживающейся в тех или иных формах практически во всей истории обеих Лужиц;

в) начиная с эпохи Просвещения литература была еще и неисчерпаемым стимулом и источником *духовного могущества*, позволявшим серболужичанам хотя бы в лучших достижениях своего национального этноса (вопреки своей малочисленности и постоянной *реальной ущемленности*) чувствовать себя *наравне* с другими, более многочисленными, сильными и свободными народами.

13. В связи с вышесказанным неизбежно встает вопрос о формировании и развитии *эстетической коммуникативной функции в истории серболужицкой литературы*. К сожалению, этот вопрос совершенно не исследован в литературоведении (разве что в работах В. Кошмаля, который — исходя из теории "первичных" и "вторичных" стилевых формаций — стремится проследить, каким образом "вторичная" стилевая формация складывалась в верхнелужицкой литературе, начиная с Я. Барта-Чишинского³). Но даже и в теоретически насыщенных и последовательно выполненных работах В. Кошмаля мы сталкиваемся с одним из крупных недостатков, характерных, пожалуй, для большинства современных литературоведческих работ с теоретической "подкладкой". Литературоведы словно забывают, что всякая литературоведческая теория, *во-первых*, всегда условна, так сказать *гипотетична*, и, *во-вторых*, первосоздатель той или иной теории создает ее на основе своих собственных знаний конкретного литературного контекста ("участка" литературы), который он освоил более основательно (всего не знает никто). *И здесь не бывает исключений* (именно поэтому и бахтинские теории подвергаются в последние годы иногда открытой, но чаще завуалированной критике)⁴. Всякая литературная теория хорошо "работает" на своем литературном материале и в своем контексте, но наивно полагать, что может быть универсальная литературная теория, дающая ключи ко всем проблемам истории литературы. В этом смысле и наш историко-контекстуальный подход — всего лишь рабочая гипотеза, которая "выросла" на конкретном, серболужицком, историко-литературном материале, когда другие теории уже не давали возможности понять и описать этот материал в его совокупности. Наш подход диктуется в то же время *необходимостью перехода* от истории национальных

литератур в национальном контексте к историям региональных литератур в региональном контексте.

Возвращаясь к вопросу о развитии эстетической коммуникативной функции в истории серболужицкой литературы, можно еще заметить, что здесь пока отсутствуют предварительные наработки в виде историй отдельных жанров, не говоря уже о попытках рассмотреть систему жанровых взаимосвязей на протяжении всей истории или даже на примере какого-то одного периода развития. Без всех этих – и других – разработок и предлагаемые ниже соображения могут носить лишь самый предварительный характер:

а) эстетическая коммуникация как таковая специально не выделялась (и чаще всего даже не осознавалась) серболужицкими писателями из других вышеозначенных функций литературы, но это отнюдь не означает, что она вообще отсутствовала. Ее можно довольно легко "вычленить" из самих текстов и из литературных манифестов писателей (Х. Тара, Ю. Мень и т. д.). Но *формулирование* эстетической функции литературы как особой, специфической и ничем не заменимой *формы сознания и формы коммуникации* начинается, видимо, все-таки только в творчестве Я. Барта-Чишинского (отсюда, на наш взгляд, и его полемика с Г. Зейлером, который эстетическую коммуникацию *полностью подчинял* общеидеологическим целям – в самом широком, выше уже разъясненном смысле; в смысле идеи "соборности", если это может быть понятнее);

б) подчеркнуто *индивидуальное начало*, понимаемое здесь как открытое выражение личности и позиции автора, от первого лица, появляется в серболужицкой литературе едва ли не с первых памятников (даже в фольклоре оно выражено, но в связи со спецификой фольклорного "я" этот вопрос требует специального рассмотрения). И здесь мы решительно расходимся с В. Кошмалем, приписывающим открытие этой позиции Я. Барту-Чишинскому. Пронзительно-интимные стихи есть и у Г. Зейлера, и у Герты Вичазец (1819–1885), но и значительно раньше – уже в стихотворном посвящении "Автор своему катехизису" (1610) Х. Тары, да и значительно раньше – в стихотворениях и поэмах серболужицких гуманистов. Да и как же могло не прорываться субъективное авторское начало, когда серболужицкий писатель *всегда* находился в *чрезвычайной экзистенциальной ситуации* (образно выражаясь, каждый крупный писатель ощущал себя "последним из могикан")! Эта проблема, разумеется требует дальнейшей разработки, но нам пока представляется, что здесь – определенная специфика серболужицкой литературы, отражающая и экзистенциальную ситуацию этого самого малочисленного славянского народа;

в) при изучении серболужицкой литературы создается ощущение, что *игра эстетическими возможностями языка* никогда не была для серболужицких писателей самоцелью, а возникала лишь эпизодически как "*побочный продукт*" индивидуального таланта того или иного писателя. Даже такой изощренный постмодернист, как Кито Лоренц (см. драмы "Вендское судоходство, 1993, и "Колбаса", 1994") продолжает варьировать, но уже постмодернистскими средствами, все ту же экзистенциальную тему: разве может умереть такой виртуозный, с неисчерпаемыми эстетическими возможностями язык ("Колбаса" – на верхнелужицком языке), разве может окончательно ассимилироваться и "раствориться" такой своеобразный ("чужаковатый" – К. Лоренц использует в том числе приемы романтической иронии и развивает приемы "очуждения" Б. Брехта) народ, такой неповторимый, немецко-славянский ландшафт ("Вендское судоходство", в основном на немецком языке, но с большими верхнелужицкими вкраплениями (отдельные диалоги, песни, реплики), а также тирольскими, саксонскими, берлинскими и даже "папуасскими" пассажирами)?

14. Для серболужицкой литературы второй половины XX века, развивавшейся в ГДР и (с 1990 г.) в ФРГ, особой проблемой стала проблема *двуязычия*. Многие серболужицкие писатели, и так с детских лет владевшие немецким языком, стали активно и вполне осознанно писать и издаваться на немецком языке. Мотивы, разумеется, были разными, и литературовед – не судья жизненного поведения и не публичный моралист, но все же нельзя не заметить тех последствий (одновременно позитивных и негативных), которое имело это поощряемое государством двуязычие для дальнейшего развития серболужицкой литературы. Соблазнов для литературно одаренных серболужичан в ГДР открывалось немало: выход в немецкие издательства сразу же выводил на несравненно более широкую читательскую аудиторию (если даже принять официальную цифру – а статистика серболужицкого населения в ГДР ни разу не проводилась – в 100.000, то немцев в ГДР все равно было в 170 раз больше, чем серболужичан); появилась возможность получать более высокие гонорары (на практике двойные или даже тройные); появилось гораздо больше вероятностей для переводов на другие языки (все многочисленные переводы Ю. Брезана на русский язык сделаны с *немецкого языка*) и – не в последнюю очередь – значительно увеличивались шансы на творческие поездки за границу. В данном случае совершенно не имеет значения неполнота в перечислении названных последствий, важно лишь понять в принципе, что было много самых разных факторов, побудивших сербо-

лужицких писателей совершить невиданный до того в серболужицкой литературе "скачок" в немецкую литературу.

Уже с 1950-х годов серболужицкие писатели – впервые в истории немецкой литературы – стали активно переводить на немецкий язык серболужицкую классику (Г. Зейлер, Я. Барт-Чишинский и др.), а затем публиковать свои произведения в немецких журналах и книги в немецких издательствах. Назовем здесь лишь самые крупные имена, входящие в "золотой фонд" послевоенной серболужицкой литературы: Ю. Брезан, К. Лоренц, Ю. Кох, А. Стахова, Р. Домашцына, Б. Дырлих. Естественно, что их произведения широко обсуждались в критике ГДР, их имена попали в литературные справочники и истории литературы, и творчество их постепенно стало неотъемлемой частью немецкоязычной литературы ГДР, а затем – как показало время – такой же частью литературы ФРГ и всех немецкоязычных литератур, которые и до сих пор по давней традиции чаще всего рассматриваются как единое целое (естественно, при наличии также и национально ориентированных историй австрийской и швейцарской литератур). Проблема двуязычия серболужицких писателей могла обсуждаться в ГДР только в своих положительных аспектах. После присоединения ГДР к ФРГ (1990) в литературной прессе появилось немало материалов, позволяющих увидеть далеко не однозначные последствия такого ускоренного многими обстоятельствами "слияния" серболужицкой и немецкой литератур. Полного "слияния", разумеется, не произошло: всегда оставались писатели, создававшие свои произведения только на серболужицких языках, да и крупнейшие писатели, вошедшие в немецкую литературу, отнюдь не стали "ренегатами". Но определенный раскол национальной интеллигенции на "монокультурную" и "бикультурную" или "мультикультурную" все же произошел – эта трещина обнаруживается уже и в 1950-е годы.

В дискуссиях, развернувшихся в этой связи за последнее десятилетие участвуют не только сорабисты из бывшей ГДР, но – все активнее – слависты и даже германисты из многих стран. В этих дискуссиях были затронуты вопросы, относящиеся сегодня не только непосредственно к современной Сербской Лужице, но и вообще к проблемам функционирования культур и языков (и выживания) малых народов и этнических групп Европы (которых, как обнаружилось, не так уж мало) и – далее – к значительно более пристальному взгляду на современный культурный ландшафт Европы. В этом нестройном научном (а иногда принимавшем и идеологические оттенки) диалоге постепенно выяснились по крайней мере три ведущие позиции, из которых мы особо выделим одну, наиболее ярко представленную, с одной стороны, немецким славистом и сорабистом

Вальтером Кошмалем и, с другой, крупнейшим современным серболужицким писателем Кито Лоренцом, взгляды которых, на первый взгляд, неожиданно, но почти совпали. В. Кошмаль, начинавший с концептуальных статей о специфике серболужицкого модернизма, издал в 1993 г. во многом новаторский коллективный труд "Перспективы серболужицкой литературы" и вслед за этим монографию "Основополагающие черты серболужицкой культуры. Типологический анализ" (1995). В. Кошмаль стремится объединить обширный опыт построения типологии культуры, накопленный современной компаративистикой, с максимальным учетом результатов исследований национальных, региональных и этнических моделей культуры, сочетая все это с многолетними штудиями самой серболужицкой культуры. В данном случае нас интересуют прежде всего его конечные выводы.

В. Кошмаль вводит и обосновывает термин "новая немецкая литература славянских серболужичан"⁵, что означает в том числе и констатацию того факта, что обширная серболужицкая литература на немецком языке продолжает сохранять свою отчетливо национальную специфику, современные серболужицкие писатели отражают "бытие, конституирующее свою идентичность в противоречии и уже сейчас создают литературу и искусство, обладающее такой огромной коммуникативной интенсивностью, что она легко включается в общий диалог культур, в котором отчетливо слышатся и серболужицкие голоса"⁶. Соглашаясь с тем, что европейская культура в целом переживает сейчас стадию постмодернизма, сказывающегося в утрате "доминирующего принципа" и "целостности" и принятию "многообразия" равноправных возможностей, он завершает свою концептуальную главу следующим итоговым выводом: "Серболужицкая литература также пошла по этому пути. Но для нее, как для малой литературы, всегда были характерны специфические условия эволюции. Возникает вопрос: не примут ли процессы саморазрушения у серболужичан теперь уже окончательный характер. Но мы знаем, что этот вопрос столь же древний, как и сами серболужичане"⁷.

К. Лоренц подобных риторических вопросов не ставит. Он не сомневается в том, что серболужицкая литература, пережившая на протяжении истории многие драматические ситуации, выдержит и испытание постмодернизмом. Сам К. Лоренц, будучи одним из зачинателей и наиболее ярким представителем постмодернизма в современной серболужицкой литературе, постоянно и с одинаковой интенсивностью пишет книги на верхнелужицком и немецком языках и постоянно теоретически (и полемически) обосновывает новую модель развития серболужицкой культуры в современных условиях, главное из которых – исторически обуслов-

ленное и окончательно закрепившееся *двуязычие* серболужицан, которое является уже непреложным фактом национального самосознания и считаться с которым *национальный серболужицкий* писатель просто обязан. Лоренц предлагает рассматривать отношение серболужицкой истории к немецкой истории в новейшее время как отношение особенного и общего. Таким же является и национально-этническое самосознание современного серболужичанина, который в более общем, государственном смысле чувствует себя немцем, оставаясь в то же время в частном, особенном смысле серболужичанином. "И общество признает его в равной степени как серболужичанина и как немца, поскольку он свободно и без всяких помех способен осуществлять коммуникацию в обоих коммуникативных сообществах. Так, есть двуязычные серболужичане, которые акцентируют свою сербскость, но есть и другие двуязычные, которые подчеркивают свою немецкость. Между этими двумя позициями есть еще и целый спектр промежуточных позиций"⁸. Таким образом, сопоставляя позиции немецкого слависта В. Кошмаля и серболужицкого писателя, литературоведа⁹ и критика К. Лоренца, можно сделать следующий вывод: при написании полновесной истории немецкой литературы литературовед должен найти приемы и методы описания, которые позволили бы ему *адекватно* ввести в эту историю "немецкую литературу славянских серболужичан" (не только современную, но, по крайней мере, от Хандроша Тары, то есть с XVII в.), то есть литературовед *вынужден* будет соотносить эту *немецкую славянскую литературу* с национальными традициями немецкой литературы и рассматривать эту (немецкую) часть серболужицкой литературы в соответствии с теми принципами и правилами, которые он в данном конкретном случае считает наиболее эффективными для понимания истории немецкой национальной литературы. Для историка серболужицкой литературы эта проблематика предстает совершенно в ином ракурсе. Он рассматривает историю и сами памятники серболужицкой национальной литературы, исходя из специфических условий формирования и развития национального этноса, который в ходе этого развития мог – добровольно или вынужденно – *использовать разные языки* (верхнелужицкие и нижнелужицкие диалекты, затем языки латинский, немецкий, чешский) для создания *адекватного языка собственной национальной литературы*, которая, развиваясь в национальном контексте, неизбежно и органически перерабатывала и включала в себя также и региональный контекст – такой, каким он складывался от столетия к столетию, через все зигзаги национальной, региональной, европейской и мировой истории.

Тем самым необходимость изучения истории серболужицкой литературы в региональном контексте находит мощное подтверждение и при

анализе современной общественной и литературной ситуации в Сербской Лунице. И если — как мы надеемся — из всего вышесказанного ясно, что изучение немецкоязычной части серболужицкой литературы неизбежно даже в рамках национального контекста, то оно *совершенно необходимо* в рамках регионального контекста. Различия этих двух контекстов тоже совершенно очевидны. И все же еще раз подчеркнем важнейший из наших тезисов: при региональном подходе к региональному контексту *одинаково важны все составляющие этого контекста*. Компаративистика слишком быстро перешла в область глобальных обобщений и типологических конструкций — отсюда и все ее очевидные сегодня недостатки и попытки (задним числом) опуститься на региональный уровень исследования¹⁰. Многочисленные труды по межлитературным связям и взаимодействиям (включая сюда и попытки определить типологию этих взаимодействий) сами по себе замечательны и необходимы, но *только* с их помощью названную проблему разрешить невозможно. И еще раз с решительностью подчеркнем: увеличившийся за последнее десятилетие список трудов по межлитературным и межкультурным связям¹¹, и даже расслоение этого потока на различные и вполне самостоятельные течения¹², с собственной методикой освоения историко-культурного материала¹³, — все это необычайно важно и необходимо науке и по-своему подводит ее к вычленяемой здесь нами проблематике, то есть конкретно, хотя и постепенно обнаруживает, насколько непросто будет переход от истории национальной литературы в ее национально-региональных аспектах к воссозданию истории литературного региона во всей полноте его регионального контекста. Чтобы выразиться еще яснее: центр тяжести на современном этапе должен переместиться от исследования взаимосвязей — к *исследованию подвижной динамики регионального контекста*; лишь потом, изучив множество региональных контекстов (и постепенно расширяя само понятие регион — поскольку *каждый регион* — будучи сам частью более обширного региона — может включать в себя и более мелкие регионы, которые сами по себе могут включаться еще и в другой региональный контекст), можно будет заново осмыслить и проблематику литературных взаимосвязей. Сколько всего позабытого и еще не освоенного (якобы за ненадобностью — да оно и действительно казалось ненужным при написании историй национальных литератур в национально-историческом контексте) нам придется при этом вспомнить или заново разыскать! И какие новые связи и закономерности нам при этом откроются! Но нетрудно предположить, что после этой, на практике гигантской, работы и истории национальных литератур станут точнее и вывереннее¹⁴.

Завершая это тезисное введение, хочу подчеркнуть, что сколь бы скромными ни были мои успехи по освоению проблематики серболужицкой литературы, они оказались возможными лишь потому, что я с 1983 г. работал в Институте славяноведения РАН и — оставаясь преимущественно германистом — постепенно включался в комплексное изучение проблематики славянских литератур и культур. Взгляд на "германский мир" со стороны "славянского мира", оказался весьма полезным и для дальнейшего углубления в историю немецкоязычных литератур: исторические "расхождения" и "схождения" немецкой, австрийской и швейцарской литератур становятся гораздо понятнее в изменчивом региональном контексте, который складывался в результате постоянного взаимодействия славянского и германского культурных ареалов. Это взаимодействие было неравномерным не только в диахроническом разрезе, но и территориально — даже и в границах собственно Австрии, Швейцарии или Германии. Практически каждая территория является в этнокультурном плане "пограничной", но эти границы подвижны и исторически изменчивы, в каком-то одном смысле постоянны и в каком-то другом смысле трудноуловимы...

Хочу от всей души поблагодарить всех моих друзей и коллег в Институте славяноведения. Хотелось бы назвать всех по именам, но их слишком много. Может быть, судьба предоставит для этого более благоприятную возможность...¹⁵

¹ О том, что она не исчезла бы полностью (мы опускаем здесь тот факт, что наука изучает и "мертвые" языки — прусский, полабский и т. д.) свидетельствует хотя бы то, что многие славянские привычки и обычаи стали привычками и обычаями немцев (или это бывшие славяне, онемеченные в предшествующие столетия?), проживающих в Сербской Лужице. От нижнелужицан мы с интересом узнали о том факте, что в последние годы увеличился приток немцев в кружки и на мероприятия Домовины: эти немцы хотят лучше узнать исторический культурный контекст (ландшафт), в котором они живут. Сознание человека исторически изменчиво, и как знать, не суждено ли ему когда-нибудь повернуться в сторону исчезнувших и исчезающих культур и народов. Господствующий ныне взгляд на историю только с точки зрения идеологии "победителей" может когда-нибудь оказаться полностью исчерпанным (духовно и фактически), и тогда может возникнуть другая оптика истории: истории с позиций побежденных, уничтоженных, подавленных культур — и, может быть, именно отсюда человечество сможет извлечь новый и необходимый для него нравственный опыт (и "прогрессистская модель мира", все еще представляемая позитивистской наукой, тогда, видимо, тоже окончательно расшатается).

² Эта функция литературы, требовавшая активного диалога и взаимопонимания интеллигенции и народа, до определенной степени осуществлялась в Верхней Лужице, что же

касается. Нижней Лужицы, то плодотворного диалога интеллигенции и народа (по многим причинам) так и не получилось. По поводу этих причин см. в том числе очень емкую и точную по сути статью: *Калнынь Л.Э. Особенности языковой ситуации в Нижней Лужице: как следствие языковой ассимиляции // "Славяноведение". М., 1997. № 2. С. 4–10.* И в то же время Л.Э. Калнынь, как славист, проследживает лишь одну сторону многоступенчатого процесса ассимиляции: она совершенно верно отмечает, что сохранение большого числа нижнелужицких диалектов (едва ли не в каждой деревне свой, отличный от других диалект) связано с особенно ревностным желанием сохранить именно "свое", оградив его от "чужого". На уровне этнокультурном и этнопсихологическом нижнелужицкие "венды" порой весьма открыто противопоставляли (уже в XIX в. да и сейчас) себя верхнелужицким "сорбам": (*Sorben*); – в то время как верхнелужичане и до сих пор воспринимают этноним "венды" как оскорбление (это хорошо отражено в художественной литературе, например у А. Стаховой, и проверено на уровне психологических тестов). То есть они в этом случае приняли издавна внушавшийся им немцами этноним (и этот пример можно прибавить к тем двум, которые специально обсуждены в статье, где говорится о принятии нижнелужицкими диалектами немецких лексем для названий *отца* и *матери* – см. назв. статью, с. 8).

³ *Koschmal W. Die sorbische Moderne // "Lëtopis". Reihe D. N 3; Budyšin, 1988. S. 51–58.*

⁴ См.: *Рейтин М.Ю. Народная культура Германии: позднее средневековье и Возрождение. М., 1966. – 217 с.*

⁵ *Koschmal W. Perspektiven sorbischer Literatur // Perspektiven sorbischer Literatur. Hrsg. von W. Koschmal. S. 9–46.*

⁶ *Ibid. S. 41.*

⁷ *Ibid. S. 46.*

⁸ *Lorenc K. Bilingualität und Selbstverständnis // "Theater der Zeit". Berlin, 1995. N. 1. S. 44.*

⁹ К. Лоренц несколько лет работал (как литературовед) научным сотрудником Института серболужицкого народоведения в Будишине (после 1990 г. переименован в Серболужицкий институт), издавал литературоведческие работы и монографии, в том числе имевшую очень широкий международный резонанс хрестоматию: *Serbska čitanka. Sorbisches Lesebuch. Leipzig, 1981. – 730 S.*

¹⁰ См. в этой связи показательные книги: *Strunz J. Literatur und Interkulturalität. Komparatistische Studien zur Literatur und Kultur in Italien, Kroatien, Slowenien, Österreich, Klagenfurt/Celovec, Hermagoras/Mohorjeva, 1993; Strunz J. "Komparatistik regional – Venetien, Istrien, Kärnten". // Zima P. V. Korparatistik. Tübingen, 1992. S. 294–331.* В отечественной науке продуктивная тенденция к проработке регионального контекста отчетливо проявилась в книге: *Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. Отв. редактор О. Хованова. М., 1997. – 319 с.* В принципе схожие идеи лежат и в основе очень важной серии трудов "Славяне и их соседи", см. в том числе последний: *Славяне и немцы. Средние века – раннее Новое время. Сборник тезисов 16 конференции памяти В.Д. Королюка. Отв. редактор Л.В. Заборовский. М., 1997. – 167 с.*

- ¹¹ Институт всеобщей истории РАН после документальных книг "Россия и Швеция" и "Россия и Испания" объявил об издании приоритетной серии "Россия и Европа", которую начал выпускать весьма любопытного, научно-культурологического сборника: Россия и Италия. Отв. редактор Н.П. Комолова, Е.С. Токарева. М., 1993. — 456 с.
- ¹² Мы имеем в виду, например, такой вполне самостоятельный (и с определенной методикой) род исследований, как изучение оппозиции "свой" — "чужой", или получившие тоже достаточно широкое распространение темы вроде "русские глазами немцев" и "немцы глазами русских", наиболее объемно разработанные в широко известном Вуппертальском проекте под руководством Л. Копелева, см. подробнее: *Гугнин А.А.* Вуппертальский проект. "Германия и немцы глазами русских" и его историко-культурное значение // Немцы в России: Историко-культурные аспекты. Отв. редактор Т.Г. Биткова. М., 1994, С. 6–22. Но именно этот труд (нами изучено пока 6 томов) со всей очевидностью показал, насколько сложна даже проблематика "взаимоотражений": Россия "глазами немцев" показана значительно основательнее и документированнее и — главное — точнее, чем Германия и немцы "глазами русских" — только ли потому, что "русская сторона" в авторском коллективе представлена в этих томах только одним Л. Копелевым? Представляется, что подходя к теме Германия и немцы "глазами русских", научно, то есть максимально *непредвзято*, трудно избежать представления *нескольких точек зрения* на заявленную проблематику (хотя бы западной и славянофильской, которые имеют свою давнюю и продолжающуюся до сих пор традицию). Успешным продолжением современной разработки проблематики "взаимоотражений" является, на наш взгляд, книга "Поляки и русские", изданная в 2000 г. в Институте славяноведения РАН под редакцией В.А. Хорева.
- ¹³ Наиболее богатой по методологии и достигнутым конкретным результатам в научном плане на сегодняшний день представляется коллективная разработка проблематики "балканской модели мира", представленной в "Балканских чтениях" и многих авторских монографиях по данной проблематике.
- ¹⁴ Но, хотя бы в примечании, необходимо заметить, что наиболее болезненный процесс в истории изменения функционирования общественного сознания — это ломка стереотипов, в том числе и научных. Функционирование стереотипов в общественном сознании — это нормальная форма его бытия. Но стереотипы так же успешно функционируют и на уровне научного сознания, это, так сказать, *обыденные научные стереотипы*. Так, гениальные идеи В.И. Вернадского (1863–1945) о "живом веществе природы" и "ноосфере" как "геологической силе", продолжающей по-своему деятельность "живого вещества природы", сформулированные в основных чертах еще в начале 1920-х годов и требующие совершенно новой оптики и методологии также и в сфере общественных наук, пока доходят к нам в заметно популяризированном виде. Но *региональный контекст* — это и есть то "живое вещество природы", в "котле" которого "варится" уже доступная нашему наблюдению человеческая цивилизация. Всемирный или мировой контекст на данном этапе развития гуманитарных наук возможен, к сожалению, пока лишь как попытка *приблизительного суммирования* национального и регионального опыта. Именно поэтому — при огромной затрате

сил и времени огромным авторским коллективом — наши представления о действительном развитии всемирного историко-литературного процесса по прочтении "Истории всемирной литературы" (т. 1–8. М.: Наука, 1983–1994) остаются почти на прежнем уровне: механическое соположение отдельных национальных литератур, дополненное попытками обобщений регионального развития, дает, конечно, некую сумму, но эта сумма пока еще далеко не равняется всемирному историко-литературному процессу, этому движущемуся и развивающемуся из ноосферы "живому веществу природы..."

¹⁵ Однако, не могу не поблагодарить директора Серболужицкого института в Будишине Дитриха Шольце, который в обстоятельной рецензии на мою книгу "Введение в историю серболужицкой словесности и литературы от истоков до наших дней" (1997) ("Lëtopis". Budyšin, 1998. N 2 (45). S. 126–129) наряду с высокой общей оценкой книги указал на целый ряд фактических неточностей, относящихся к историко-литературному процессу XX века (даты жизни отдельных писателей и др.). В настоящей книге я попытался перепроверить факты и даты по доступным мне новейшим источникам.

2 февраля 2001 г., Новополоцк

НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Рубеж XIX–XX вв. был одним из самых противоречивых периодов в истории Сербской Лужицы и ее литературы. Идеалы национального возрождения, еще в 1870-е годы вдохновлявшие "младосербов", подвергались серьезным испытаниям в новых исторических обстоятельствах, которые насильно вовлекали серболужицан в чуждый их многовековому образу жизни водоворот социальных сдвигов и политических потрясений. Специфика складывавшейся ситуации применительно к малочисленному серболужицкому народу (150.000 в конце XIX в., живших к тому же не монолитно, а в сильно "разбавленной" немцами среде) состояла в том, что бесперспективными по существу оказывались оба пути национального развития, определявшие глубинную подоплеку идейных разногласий в Матице серболужицкой уже с 1848 г. Один из них предлагали "старосербы", другой — "младосербы". "Старосербы", представлявшие авторитарную верхушку Матицы, предлагали мирную интеграцию в общегерманское движение по капиталистическому пути, что — как им казалось еще в 1870-е годы — должно было привести к сглаживанию социального и национального неравенства. Но они идеализировали буржуазные права и свободы, с помощью которых надеялись осуществить свои планы. Самая большая угроза дальнейшему существованию лужицкого народа происходила в этот период не из социально-экономических, а из социально-этнических условий. Немецкие капиталисты прокладывали через Лужицу железные дороги, организовывали на ее территории угольнодобывающую и химическую промышленность, строили текстильные фабрики, организовывали акционерные общества и банки. Поскольку национальная буржуазия в Сербской Лужице полностью отсутствовала, то лужичане могли участвовать во всех этих предприятиях только в качестве наемной рабочей силы. Пролетаризация деревенского населения, захватившая в конце XIX в. Верхнюю и Нижнюю Лужицы, затрагивала самые существенные основы жизни народа, ибо лужичане, уходившие из деревни на немецкую фабрику, попадали в среду, где излишними оказывались не только их прежние привычки и обычаи, но и сам их язык. "Младосербы", осознавшие эту опасность и дружно выступившие в середине 1870-х годов, по существу предлагали искать новые формы народной общности, которые смогли бы удержать ее от распада.

Но и "младосербам" не удалось ни остановить, ни задержать наступление капитализма на лужицкие земли. И все же нельзя сказать, что их "хождение в народ" пропало даром: организовывая различные сходки, молодежные праздники, концерты, любительские театральные постановки, они пробуждали дух солидарности и желание выстоять, противопоставляя империалистической германизации различные формы национальной сплоченности.

Это тяготение к сплоченности проявилось в разных сферах, перешагнув научные, литературные и культурно-просветительские рамки, характерные для Матицы серболужицкой, имевшей дело, как правило, с образованной элитой. В 1888 г. было создано Центральное серболужицкое крестьянское общество, ставшее важной вехой на путях поиска новых форм народной солидарности. Это общество быстро стало популярным и проводило разнообразную работу: от обмена передовым опытом и оказания материальной помощи обедневшим хозяйствам до организации культурных мероприятий. Вслед за ним стали создаваться и другие крестьянские союзы. В 1898 г. талантливый организатор и публицист **Арношт Барт** (1870–1956) выдвинул программу объединения всех крестьянских союзов и обществ в единую национальную организацию, которая была создана в 1912 г. и получила название Домовина (родина, отчизна). Она вобрала в себя также и культурно-просветительские общества, став впервые в истории Сербской Лужицы — действительно всенародной организацией, объединившей все прослойки населения и выполнявшей в последующей истории Сербской Лужицы функцию национального представительства. Но и этот серьезный успех на практике значительно ослаблялся отсутствием материальных средств, способных подкрепить какое-либо крупное начинание, и отстраненностью Домовины от всякого реального участия во внешней и внутренней политике вильгельмовской Германии. Во всех случаях, требовавших даже не особенно значительных материальных вложений, лужичанам приходилось либо обращаться за помощью к соседям-славянам, либо распространять среди населения так называемые "подписные листы", объявлять всенародный сбор средств на то или иное предприятие. Еще Ян Арношт Смолер (1816–1884) должен был регулярно просить помощи у русских славянофилов, чтобы не дать заглухнуть развивающемуся издательскому делу. Когда после смерти крупнейшего и популярнейшего поэта Гандрия Зейлера (1804–1872) "младосербы" — и в первую очередь **Арношт Мука** (1854–1932) — задумали издать собрание его сочинений, то при всем энтузиазме сбор денег растянулся на несколько лет, и четырехтомник (первое собрание сочинений в истории серболужицкой литературы) был опубликован лишь в 1883–1891 годах. Еще в начале

1870-х годов возникла идея построить хотя бы единственный дом национальной науки и культуры, где могли бы размещаться национальные архивы и библиотека, проводиться собрания и т. д. Строительство Серболужицкого дома было завершено в 1904 г. после многолетних и огромных усилий по сбору средств и самому строительству. Подготовленный А. Мукой еще в самом начале XX в. и признанный крупнейшими славистами образцовым "Словарь нижнелужицкого языка и его диалектов" не нашел себе издателей ни в Сербской Лужице, ни (несмотря на поддержку А. Лескиена и других немецких славистов) во всей Германии. Печатание его началось в Петербурге в 1911 г. и завершилось в Праге в 1928 г. Об этом социально-экономическом и культурном фоне необходимо помнить, особенно при сравнении с реальной культурной жизнью ближайших соседей славян (чехов и поляков), где была собственная буржуазная, а у поляков и феодальная прослойка, представители которой имели определенные возможности для содействия развитию национальной культуры.

В то же время серболужицкая культура и в этот период находила своих почитателей и пропагандистов в разных странах, которые не только активно овладевали серболужицкими языками, включаясь в историко-литературный процесс, но и оказывали лужичанам посильную материальную помощь и духовную поддержку. Из них необходимо особо выделить чеха Адольфа Черного (1864–1952), издававшего в 1898–1914 гг. в Праге ежемесячник "Славянское обозрение" ("Slovanský Přehled"), где большое место занимали материалы о Сербской Лужице, написавшего немало трудов по истории, культуре и литературе Лужицы (в том числе и на верхнелужицком языке) и переведшего на чешский язык многие произведения лужицких писателей. Уже в 1907 г. в Праге было основано Общество чешско-лужицкой дружбы "Адольф Черный", немало сделавшее для поддержки лужичан. Заметным верхнелужицким писателем стал немец Ян Валтар (1860–1921), с 1883 г. публиковавший свои стихи в журнале "Лужица" ("Lužica"), а впоследствии – сборники рассказов и исторические романы. По-нижнелужицки написана большая часть произведений немца-полиглотта Юрия Зауэрвайна (по-лужицки он подписывался Юро Зуровин, 1831–1904). Также и поляк Альфонс Парчевский (1849–1933) был восторженным другом лужичан и очень много сделал для пропаганды их литературы и культуры в Польше.

В 1890-е годы в верхнелужицкой литературе происходит смена поколений: умирают или уходят с литературной сцены писатели и деятели культуры, во многом определявшие подъем национального возрождения во второй половине века: Михал Горник (1833–1894), Корла Август Енч (1828–1895), Якуб Бук (1825–1895), Михал Домашка (1820–1897), Яромир

Хендрих Имиш (1819–1897), Корла Август Мосак-Клосопольский (1820–1898), Ян Бартко (1821–1900), Ян Богумер Мучинк (1821–1904), Ян Чесла (1840–1915) и некоторые другие. Но эти утраты в 1890-е годы еще не были столь очевидны – в литературу уже успешно вступило молодое поколение, в этот период пополнявшееся прежде всего из "Сербовки" (так называлось с 1846 г. объединение серболужицких семинаристов и студентов, живших и учившихся в Праге), выпускавшей к тому же и свой литературный журнал "Кветки" ("Цветы"), в котором почти все они обнародовали свои первые литературные опыты: **Якуб Барт-Чишинский** (1856–1909), **Миклавш Бедрих-Радлюбин** (1859–1930), **Миклавш Андрицкий** (1871–1908), **Ян Арношт Голан** (1853–1921), **Юрий Либш** (1857–1927), **Юрий Вингер** (1872–1918), **Ромуальд Домашка** (1869–1945), **Якуб Лоренц-Залеский** (1874–1939).

Гораздо ошутимее кризис и спад последней волны национального возрождения проявился после 1905 г., когда надолго ушел из литературной жизни Я. Лоренц-Залеский, умер один из крупнейших писателей национального возрождения **Ян Веля-Радысерб** (1822–1907) и – вслед за ним – крупнейший верхнелужицкий поэт этого периода **Я. Барт-Чишинский**. Почти демонстративный уход с литературной арены Я. Лоренца-Залеского, с огромным темпераментом выступавшего в 1890-е годы с защитой идей национального возрождения, был лишь наиболее очевидным симптомом общего кризиса, вызванного все с усиливающимся нагнетанием шовинистической атмосферы в Германии, которую М. Андрицкий в 1907 г. после выборов в рейхстаг охарактеризовал следующими словами: "Милитаризм и прусский шовинизм вступают в свою золотую эру"! Национал-шовинистическая демагогия не желала считаться ни с какими аргументами, она широко распахивала ворота и перед лужичанами, но с одним условием: окончательно забыть о своих славянских корнях и слиться с немцами в едином национальном потоке "почвы и крови". Показателем кризиса является и то, что организованный М. Андрицким в 1900 г. Союз серболужицких писателей прекратил свою деятельность в 1906 г. и был вновь воссоздан лишь в 1920-х годах.

Но огромный духовный потенциал идей национального возрождения и реальный организационный размах работы культурно-просветительских обществ, отлаженно действовавший еще на рубеже веков, не могли заглохнуть в одночасье. Кризисные годы воспитали целую плеяду талантливых писателей и публицистов, определивших новый этап развития и несомненного расцвета серболужицкой литературы в годы Веймарской Республики (1919–1933).

В настоящей главе предпринимается попытка раздельного рассмотрения верхнелужицкой и нижнелужицкой литератур – в силу слишком очевидных политических, социокультурных и этнолингвистических различий в условиях их развития. В последние десятилетия в науке постепенно утверждается тезис о том, что серболужицкую литературу необходимо рассматривать как метасистему, в которую на правах подчинения входят две системы (верхнелужицкая литература и нижнелужицкая литература). Однако, практическая реализация этого тезиса пока еще никем не осуществлена².

ВЕРХНЕЛУЖИЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Поэзия

Крупнейшим представителем верхнелужицкой поэзии оставался до конца своей жизни католический священник Я. Барт-Чишинский. Пройдя в 1870-е годы штурмерский этап народничества, он вместе с А. Мукой возглавил литературное движение "младосербов". 1880-е годы стали для него годами овладения поэтическим мастерством, разнообразием лирических форм и жанров ("Книга сонетов", 1884; "Формы", 1888; сборник был сразу же высоко оценен крупным чешским поэтом Ярославом Врхлицким). Церковные власти осудили Барта-Чишинского за сборник "Природа и душа" (1889), основу которого составляет интимная лирика, порожденная его дружбой с чешской Терезой Сааковой, певицей дрезденской оперы. Поэт надолго замолчал. Но, приближавшийся 50-летний юбилей Матицы серболужицкой (1847–1897), побудил его взяться за "особую книжку, которая пришла бы по душе не только моим соотечественникам, но и другим друзьям и покровителям нашей народности показала бы богатство нашей родной речи и движение нашей литературы за 50 лет", как сказано в авторском предисловии к сборнику "Сербские звуки" (1897). Осознавая себя в качестве национального поэта, Барт-Чишинский ищет новые подходы к народно-патриотической тематике, основной для серболужицкой литературы на всех этапах национального возрождения. Эти новые подходы он видит в отказе от фольклоризма, характерного для Г. Зейлера и его школы, в усилении субъективно-лирического начала, не выходящего, однако, за рамки реализма, в развитии чувства художественной формы и поэтического языка. И предисловие и стихотворный пролог носят программный характер:

Отчины милой звуки храните честь мою,
Свою любовь и верность я сербам отдаю.

Стоит напомнить, что в момент работы над сборником поэт находился под опалой церковных властей и до 1903 г. вынужден был жить за пределами Лужицы. Тоска по родине и желание помочь своему народу сохранить подрываемые со всех сторон единство и целостность сами собой приводили к патетическим и романтическим призывам и образам, близким к Г. Зейлеру, от которого Барт-Чишинский пытался отойти:

О серб, люби свой отчий край, —
Ты всю любовь ему отдай!

Но он находит и новые образы, напоминающие о жизни предков, об историн; почти все они пронизаны мыслью о том, что не от внешних обстоятельств, а только от самих серболужичан зависит и будет зависеть, сумеют ли они сохранить свой этнос, народ и культуру. Сама Лужица представляется то маленьким островом-скалой, вокруг которого тысячетлетиями бушует враждебное море, не в силах ни потопить, ни разбить его, то крошечной мерцающей звездой в сонме звезд Млечного Пути. Она, кажется, вот-вот погаснет, но от кого зависят сроки ее мерцания?

В следующем поэтическом сборнике "Из жизни" (1899) усиливаются мотивы грусти, иронии, пессимизма и разочарования, передаваемые через созерцание природы (цикл "На северном море") или через осмысление собственных переживаний и настроений (циклы "В минуты забвения", "В горячке"). В книге "Кровь и родина" (1900), носящей подзаголовок "баллады", поэт стремится уравновесить лирическое и эпическое начала. Стихотворный пролог носит лирический и декларативный характер — этим сборником поэт подводил итоги 25 лет своей писательской деятельности. Пролог состоит из пяти строф (по шесть строк в строфе), четыре из которых завершаются констатацией:

Вся жизнь моя — в борьбе и в боли,
И лишь перо — броня, и щит, и воля.

Поэт размышляет о своей судьбе, о правильности избранного пути, взвешивает свои силы, и в последней строфе, перефразируя основной лейтмотив, делает оптимистический акцент: что и дальше он

* Здесь и далее переводы мон. — А. Г.

Но если жизнь — в бореньях день за днем,

То стань, перо, моим поводырем!

Сборник составлен из баллад, разделенных на два цикла: "Из сербской истории" и "На сербской земле". Сюжеты баллад первого цикла взяты преимущественно из исторических и мифологических источников, второй цикл составлен из сюжетов, почерпнутых из непосредственной современности, из рассказов крестьян или даже из газет. Барт-Чишинский и раньше писал баллады, но именно этот сборник закрепил за ним славу одного из лучших мастеров балладного жанра в серболужицкой литературе.

При жизни были опубликованы еще несколько стихотворных сборников поэта: "В орлином полете" (1904), "К миру" (1906), "Сербские картины" (1908). В 1908 г. Барт-Чишинский подготовил к печати свой последний сборник, своеобразное духовно-эстетическое завещание. Книга "Свет с вышины" была издана А. Мукой уже посмертно; он же собрал и опубликовал в 1913 г. те стихотворения, которые сумел обнаружить в рукописях Барта-Чишинского. В 1969–1985 гг. в ГДР было издано собрание сочинений писателя в 14 томах.

Значение Барта-Чишинского в истории лужицкой поэзии огромно, его роль сопоставима лишь с ролью Г. Зейлера. Они дополняют друг друга в силу различия эпох и дарований, в силу различия характеров и связанных с ними индивидуальных судеб. При всем трагическом звучании отдельных стихотворений Зейлера его поэзия — поэзия приятия мира как прекрасного создания Творца, в ней широко разливается свет, тепло, спокойствие и радость, в ней царит божественный миропорядок, определяемый национальными традициями и непоколебимыми устоями крестьянской жизни. Общепризнанное и индивидуальное мироощущения слиты у Зейлера нераздельно. Барт-Чишинский по натуре — поэт глубоко индивидуального мироощущения, по своей основной тональности трагического. Внешний успех и признание были необходимы ему, они поддерживали его, вырывали из замкнутого круга личных проблем, — в то время как Зейлеру широкое признание было по сути безразлично. Зейлер пел, как пела его душа, Барт-Чишинский, напротив, тщательно работал над формой, ориентируясь прежде всего на славянских классиков: польских, русских и чешских. То, что Зейлер был протестантом, а Барт-Чишинский католиком, очевидно, сказалось и на их творчестве (эта проблема пока никем не исследована)³, но очевидно, что Зейлер был более открыт для общения, для широкой аудитории, Барт-Чишинский же тяготел к саморефлексии, его постоянно обуревали сомнения, даже мнительность, и достижение поэтического совершенства было для него равносильно самоутверждению. Осознавая свой

талант, он стремился делать то, что считал необходимым для дальнейшего развития национальной литературы. О том, какой ценой ему это давалось свидетельствует хотя бы такой пример из его поздней, уже отчетливо религиозно окрашенной лирики:

Все еще скребет и колет
В сердце боль утрат моих,
Но в душе слабеют боли, –
Дух вознесся выше них.
И волнует, и трепещет,
И мерещится покой:
С каждой болью к цели вечной
Я все ближе, Боже мой!

"Свет с вышины". 1908

Развитие Барта-Чишинского как поэта на рубеже веков совпало с европейским декадансом, с общим кризисом европейской культуры. Однако, они мало затронули его творчество. Художнику, представляющему "малый" этнос, стоящий перед угрозой исчезновения или ассимиляции, трудно (или невозможно?) было в этот период заниматься "чистым искусством" и увлекаться формальными экспериментами – мысли о судьбе народа постоянно вставали перед ним как грозное напоминание: а тем ли я занимаюсь, что больше всего сейчас нужно моему народу? Барт-Чишинский, выступивший в 1870-е годы на последнем излете национального возрождения почти как типичный "народник", до конца своей жизни так и остался стоять "одной ногой" на почве "народничества", он и не мог сойти с нее по названной выше причине – или он перестал бы быть крупнейшим национальным поэтом.

Из протестантских поэтов этого периода в верхнелужицкой литературе наиболее оригинальным было творчество **Матая Урбана** (1846–1931), внесшего заметный вклад как в религиозную, так и в светскую лирику. Окончив теологический факультет в Галле, Урбан до 1902 г. был священником лютеранской церкви в Вукранчицах и одновременно обучал детей верхнелужицкому языку в местной школе, где преподавали одни немцы. В результате затяжного конфликта со школьными и церковными властями Урбан был досрочно отправлен на пенсию. В 1903 г. он переехал в Будишин и до конца жизни занимался в основном литературной деятельностью. В 1904 г. отдельной книжкой вышла поэма Урбана "Королевская игра, или Шахматы. Трилогия о сущности, ценности и цели игры, ее теоретическая и практическая характеристика в дистихах на латинском, немецком и сербо-

лужицком языках". Витиевато-пышное название и поставленные автором цели – все это напоминает о самом начальном этапе национального возрождения в Сербской Лужице, когда Ю. Мень в 1767 г. переводил "Мессиаду" Клопштока и написал поэму "Лужицкого языка возможности и восхваление в поэтической песне". Очевидные успехи, достигнутые несколькими поколениями деятелей национального возрождения, создавшими национальную литературу и разветвленную национальную прессу, отнюдь не принесли уверенности в том, что достигнут главный результат: устранена угроза существованию национального этноса. С конца XIX в. процессы германизации снова усилились, и в этот период ничто не могло повернуть их вспять.

Урбан, сам переживший сужение ареала функционирования живых лужицких языков и диалектов, стремился хотя бы в сфере литературного языка закрепить и развить достигнутое его предшественниками. Его поэтическое творчество с начала XX в. развивается по трем направлениям. Во-первых, он стал одним из самых плодovitых и крупных религиозных поэтов: в общей сложности им написано около 400 поэтических текстов религиозного содержания (псалмы и другие стихотворения на религиозные сюжеты), публиковавшихся в журналах, газетах, календарях и отдельными книгами (с 1904 г.). Специфика религиозной лирики Урбана в том, что, являясь таковой по содержанию, она была свободной и разнообразной по форме: акrostих, сапфическая ода, алкеева строфа, но также и формы, близкие к народной песне. Все это Урбан использовал, опираясь на богатую национальную традицию религиозной поэзии, но также и на лучшие образцы немецкой религиозной лирики (прежде всего П. Герхардт, М. Клаудиус и Ф. Г. Клопшток). Во-вторых, Урбан был одним из крупнейших переводчиков мировой поэзии на верхнелужицкий язык – прежде всего античной, затем немецкой и славянской. Важнейшее его достижение в этой области – перевод "Илиады" и "Одиссеи" Гомера. К работе он приступил в 1908 г., в 1911 г. журнал "Лужица" напечатал первую песнь "Одиссеи", в 1916 г. там же началась публикация "Илиады". Отдельной книгой "Одиссея" вышла в 1921 г., "Илиада" – в 1923 г. И, наконец, в-третьих, Урбан был оригинальным поэтом, написавшим немало светских стихотворений, в основном национально-патриотического содержания. Эти стихи были собраны в сборниках "Отечественные стихотворения" (1904) и "Освежающий букет цветов" (1907), в подзаголовке которого стояло обозначение жанра: "отечественные сонеты". Используя сложные античные размеры и сонетную форму, Урбан стремится к простоте и общедоступности содержания. Если в первом сборнике преобладает окрашенная юмором житейская дидактика, своеобразно оттеняющая основную,

патриотическую, тему, то во втором лейтмотивом является зарифмованная патриотическая проповедь, облеченная в форму сонета. Поклонники Барта-Чишинского увидели в этих сборниках вызов непререкаемому авторитету, завязалась довольно резкая полемика, в которую вмешался сам Барт-Чишинский, посоветовавший Урбану продолжать писать стихотворения и духовные песни, но оставить сонеты⁴. Основной упрек, наиболее резко сформулированный молодым писателем-католиком **Михалом Навкой**, сводился к отсутствию у Урбана новых идей в раскрытии национально-патриотической тематики и к превалированию дидактики над художественной образностью. Рецензент был во многом прав, и все же резкость этой полемики сегодня трудно объяснить иначе, как не изжитыми еще внутренними противоречиями между католиками и протестантами, которые дополнительным бременем ложились на и без того сложную общественную и литературную ситуацию в Сербской Лужице. Большую материальную и духовную поддержку Урбану оказывал Арношт Мука, всегда высоко оценивавший творчество поэта. Не скупился на похвалы и **Ота Вичаз** (1874–1952), крупный филолог, переводчик, публицист и издатель, называвший Урбана "знаменитым серболужицким Гомером, лучшим переводчиком Гомера во всей мировой литературе"⁵.

Традиции народно-песенной лирики Г. Зейлера продолжали в этот период Ян Хайнца (1852–1926), Ян Цыж (1883–1948, выступал также под псевдонимом Душан), Йозеф Якубаш (1890–1958), а также словак по происхождению **Ян Эмануэл Добруцкий** (1854–1921), родившийся в том же местечке, что и Ян Коллар (Мошовцы, недалеко от Мартина), учившийся в Вене и в Лейпциге, где после прочтения книги сонетов своего знаменитого земляка ("Дочь Славы", 1824) загорелся идеей посвятить свою жизнь служению родственному славянскому народу. В 1881–1921 гг. он жил в Верхней Лужице, где дослужился до архидиакона, и – главное – с 1882 г. регулярно публиковался в журнале "Лужица". В стихотворениях (но еще более отчетливо в прозе) Добруцкого переплетаются словацкие и лужицкие сюжеты и мотивы, они органично вписываются в исторически обусловленный славяно-германский контекст (историческая повесть "Даниэль", 1902 г., и т. д.) и до определенной степени предвеляют проблематику, получившую свое художественное завершение уже после второй мировой войны в творчестве Йоханнеса Бобровского (1917–1965).

Для углубления духовного содержания и развития языка верхнелужицкой литературы (в том числе и поэзии), ее сближения с европейскими течениями рубежа XIX–XX вв. (неоромантизм, символизм и др.) огромное значение имела лирическая проза Миклавша Андрицкого, который в 1892–1895 гг. возглавлял "Сербовку" в Праге и там же, в рукописном

журнале "Кветки", публиковал свои первые литературные опыты. Для развития поэзии наиболее важное значение имели его лирические циклы "Лето", "Весна", "Зимние картинки", в которых оформился новый для серболужицкой литературы жанр "стихотворения в прозе". Андрицкий, человек со сложной и во многом изломанной судьбой, обладал незаурядным лирическим талантом, острой наблюдательностью, большим общественным темпераментом. В его лирических миниатюрах импрессионистские зарисовки природы сплавляются с лейтмотивом полной неустроенности собственной жизни, которая становится символом экзистенциальной ситуации всего серболужицкого народа. Развивая субъективно-трагическую интонацию лирики Барта-Чишинского, Андрицкий углублял ее, смело вводя натуралистически-экспрессивные образы.

Дружба с Андрицким сыграла заметную роль в становлении творчества Я. Лоренца-Залеского, самого талантливого верхнелужицкого прозаика первой половины XX в. В самой же поэзии новаторские приемы Андрицкого были актуализированы в творчестве поэтов, вступивших в литературу в годы первой мировой войны или незадолго до нее, таких, как **Ян Кружа** (1880–1918), **Йозеф Новак** (1895–1978), **Ян Лайнерт** (1892–1974). Огромную роль в популяризации поэзии сыграл композитор, ученый и писатель **Юрий Пилк** (1858–1926), который собирал, обрабатывал и популяризировал не только народные легенды и песни (ему принадлежат в том числе первые опубликованные записи народных легенд о Крабате, "серболужицком Фаусте"), но и "озвучивал" стихотворения Барта-Чишинского и других поэтов. В содружестве с Я. Велей-Радысербом он написал либретто первой лужицкой оперетты "Смертница", а затем и музыку к ней. Но попытки поставить "Смертницу" на сцене в этот период не увенчались успехом: она исполнялась лишь в отрывках (1903, 1904) либо в виде оратории (1912).

Проза

Заметно расширились в рассматриваемый период горизонты верхнелужицкой прозы. Под влиянием Г. Сенкевича сформировались жанры исторической повести и романа – прежде всего в творчестве Матея Хандрика (1864–1945), **Юрия Вингера** (1872–1918), Яна Вели-Радысерба, **Яна Валтара**, Эмануэла Добруцкого (1854–1921) и раннего Якуба Лоренца-Залеского. Из социально-критической реалистической прозы, обращенной к

* Персонаж серболужицкой мифологии – богиня смерти, представавшая обычно в облике привлекательной женщины в белой одежде за три дня до чьей-либо смерти.

проблемам современности, стал постепенно вытесняться характерный для нее прежде элемент дидактизма. Дидактическое начало, еще столь очевидное в притчеобразных народнических рассказах и повестях Я. Вели-Радысέρба и Миклава Бедрих-Радлюбина, заметно ослабевает или исчезает вовсе в прозе М. Андрицкого и М. Навки. Андрицкого иногда сравнивают с Бартом-Чишинским: "Чишинский создал классический язык серболужицкой поэзии, Андрицкий сделал то же самое в серболужицкой прозе"⁶. "Классический" в данном случае означает не что иное, как достижение нового художественного качества прозы с помощью усиления субъективного начала, развития психологизма, освоения некоторых художественных приемов импрессионизма и символизма.

Личная судьба Андрицкого была трагичной с самого детства. Семья была переселена из Лужицы в Эльзас, когда ему не было еще и полугода, и в детстве он чаще слышал на улицах французскую и немецкую, но не родную речь. Через два года умерла мать, и эту утрату Андрицкий пронес через всю свою недолгую жизнь: "Самое большое лишение для меня на этом свете – то, что у меня нет матери и я не могу погоревать, прислонившись к ее плечу" (из письма Я. Лоренцу-Залескому от 19 апреля 1892 г.)⁷ В 1877 г. отец вернулся на родину, в село Пончицы, женился вторично. У мальчика рано обнаружились способности к учебе, но прошло время, пока отцу и мачехе стало ясно, что тяжелый крестьянский труд – явно не для него. С 1883 г. Андрицкий учится в монастырской школе в Будишине, в 1886 г. он попадает в Прагу, где обучается сначала в гимназии, а затем – в 1891–1895 гг. – на теологическом факультете Пражского университета. Он возглавляет пражскую "Сербовку", публикует свои первые сочинения и переводы в "Кветках"; активно изучает верхнелужицкий и чешский языки, преподает их, но литература (верхнелужицкая и чешская) все больше притягивает его. Андрицкий увлекается идеалами и творчеством "младосербов", чувствует себя призванным продолжать их традиции: "Писать по-сербски – мое самое любимое занятие. Я серб и сербом останусь"⁸. С большими колебаниями (уйдя на несколько месяцев в монастырь) Андрицкий решается принять духовное звание, убеждая себя в том, что именно в качестве духовного пастыря сможет "самым лучшим и непосредственным образом служить народу" (из письма брату от 21 июня 1901 г.)⁹. Восемь лет (1895–1903) он работает капланом в Ральбицах, "самом бедном приходе под лужицким солнцем" (слова Андрицкого), пытаясь подчинить свою темпераментную и болезненно-чувствительную натуру строгому католическому уставу и убеждаясь, что "наша церковь прежде всего – церковь догматов и формальных церемоний" (в письме А. Муке от 24 июля 1899 г.). Уже в Ральбицах он начал пить и залезать в долги, что

никак не вязалось с положением священнослужителя. Андрицкий осознавал это и терзался угрызениями совести; после 1903 г. он сменил четыре места, но так и не выбрался из физического и духовного кризиса – судьба, не очень типичная для стойких к превратностям жизни лужичан, но показательная для европейской ситуации рубежа веков, связанной с декадансом, богемой и пышным расцветом модернистских течений в искусстве.

Но Андрицкий не стал модернистом по сути, его удерживала беспредельная любовь к своему народу, которая заставляла его через все неурядицы жизни и психические травмы не поддаваться соблазнам крайнего субъективизма, но вырабатывать ясный, точный и в конечном итоге доступный стиль. Утонченность и напряженная чувствительность соединялись в его натуре с огромным общественным темпераментом. В 1896–1904 гг. он был редактором журнала "Лужица", а в 1903–1904 гг. редактировал к тому же и газету "Католический вестник" ("Katolskij Pósoł"). В 1900 г., как раз в пору общего кризиса и наступления реакции, он организовал Союз серболужицких писателей, который, хотя и распался в 1906 г. организационно, но после первой мировой войны снова возобновил свою активную деятельность под руководством Я. Лоренца-Залеского. Из своего деревенского прихода Андрицкий вел обширную переписку со многими крупнейшими писателями и учеными, но главное – писал свои произведения: лирическую прозу, пьесы, публицистику, литературно-критические статьи и много переводил (Яна Неруду, А. Ирасека, Г. Сенкевича, М. Ю. Лермонтова, А. П. Чехова, Шатобриана и др.).

Как прозаик, публицист и литературный критик Андрицкий выступал с 1889 г., долгое время под многочисленными псевдонимами (около двадцати), стремясь избежать конфликта с церковными властями, ибо ярко выраженные в его фельетонах и прозе социально-критические тенденции вызывали очевидное неодобрение. Когда же ему передали редактирование "Лужицы" и "Католического вестника" (из-за недостатка свежих литературных сил журнал и газета переживали далеко не лучшую пору), то Андрицкий, спасая лужицкую прессу, порой почти половину номера писал сам. Андрицкий был, по-видимому, лучшим и наиболее осведомленным лужицким журналистом и литературным критиком рубежа веков: на его счет статьи и рецензии о К. Гавличке-Боровском, Я. Врхлицком, Г. Сенкевиче, Л. Толстом и т. д.; ему же принадлежит и первая монографическая работа о творчестве Барта-Чишинского. Стремясь улучшить репертуар самодеятельного лужицкого театра, он написал семь пьес. Некоторые из них исполнялись при его жизни, четыре были опубликованы уже посмертно. В 1906 г. он перевел драму А. Ирасека "Геро", которая затем неоднократно ставилась в Лужице на студенческих сходках. Его проза, разнообразная по

тематике и проблематике, публиковалась в газетах и журналах, но впервые отдельной книгой ее частично собрал и издал **Миклавш Кречмар** (1891–1967) в 1937 г. Он назвал эту подборку "Божественный огонь и другие картинки". "Божественный огонь" – название одного из ранних рассказов Андрицкого, опубликованного в Праге в 1891 г. в рукописном студенческом журнале "Кветки" под псевдонимом Хандрий.

В сфере публицистики и издательского дела традиции Андрицкого в рассматриваемый период продолжали **Юрий Деленк** (1882–1918), редактировавший "Католический вестник" в 1910–1914 гг., затем высланный за пределы Сербской Лужицы и погибший как солдат рейхсвера в конце войны, и **Франц Краль-Рахловц** (1886–1915), тоже погибший на войне. Ф. Краль, избравший себе псевдоним Рахловц, талантливый писатель, журналист и переводчик, вписал свое имя в историю лужицкой литературы как издатель первого детского журнала "Рай" ("Raj", 1906–1912) и литературного приложения для детей в газете "Сербске новины" "Захродка" ("Zachrodka", с 1905 г.), а также литературных календарей для детей и школьников (1911, 1912, 1913).

Наряду с Ю. Вингером и М. Андрицким в число крупнейших прозаиков этого периода выдвинулся **Михал Навка** (1885–1968). В 1906–1914 гг. он опубликовал в журнале "Лужица" 10 рассказов, в которых выступил продолжателем социально-критической прозы Андрицкого. Но если Андрицкий почти всегда субъективен и экспрессивен, то есть в его прозе художественный эффект достигается по сути лирическими средствами, то Навка – критический реалист в прямом смысле слова. Он создает максимально опредмеченные, объективизированные картины действительности накануне первой мировой войны: расслоение деревни, противоречия крестьянского быта, положение женщины, отходной промысел. Его точные зарисовки разговоров женщин во время работы в поле или мужчин в корчме близки к натуралистическим, но элементы юмора, иронии и социальной сатиры, точный отбор характерных деталей – все это свидетельствует о том, что в верхнелужицкой прозе успешно шло преодоление романтических традиций, так или иначе господствовавших и на завершающем этапе национального возрождения.

Более сложными путями развивалось творчество **Якуба Лоренца-Залеского** (1874–1939), первые рассказы которого были опубликованы в пражских "Кветках" в 1889–1891 гг. В его прозе с самого начала отчетливо чувствовалась реалистическая, социально-критическая направленность. Но не менее заметным было и неоромантическое начало, которое позднее, в романе "Остров забытых", подтолкнуло его к символизму. Обе эти существенные черты его дарования то воплощаются по отдельности, как, на-

пример, в реалистической повести "Картины военных маневров" (1896) или в неоромантическом цикле рассказов и очерков о таинственной жизни леса ("Среди дремучих лесов", 1892; "Лес и его речь", 1896; "Старый леший", 1898, и т. д.), то причудливо переплетаются с фольклорными и сказочными мотивами, как, например, в повести "Восташан" (1898) и в историко-мифологической повести "Сербские богатыри" (начата в 1891 г., опубликована в 1900 г. в шести номерах журнала "Лужица", отдельной книгой вышла в 1922 г.¹⁰). Действие повести отнесено ко времени правления баварского короля Генриха I (Птицелова), который в 921–929 гг. вел войны с полабскими славянами. Изучив доступные источники и стремясь к правдоподобию, объективизации и индивидуализации характеров и психологизму, Лоренц-Залеский тем не менее по существу создал неоромантический эпос, подхватывающий традиции национального возрождения и трансформирующий их в современный общественный и литературный контекст.

В рассматриваемый период завершилась творческая деятельность **Яна Вели-Радысерба** (1822–1907), самого популярного верхнелужицкого прозаика второй половины XIX века, опубликовавшего свой первый сборник "Рассказы" еще в 1847 г. Веля разрабатывал жанры дидактического бытового рассказа, рассказа-анекдота, рассказа с социально-политической подоплекой; специальные циклы он посвятил сюжетам, воплощающим морально-этический кодекс лужицких крестьян и ремесленников ("Тройники", 1885; "Новые тройники", 1896). Веля-Радысерб сознательно выбирал простые, словно выхваченные из жизни сюжеты, излагал их ясно и общедоступно, активно используя разговорные обороты речи, народные пословицы и поговорки. Он впервые широко разработал историческую тематику в верхнелужицкой литературе: в повести "Наступление около Букец" (1852), в новелле "Крест и полумесяц, или Турки под Веной в 1683 году" (1883), новелле "Ян Маня, или Где дом мой" (1896), посвященной проблемам серболужицкой молодежи, эмигрировавшей в Америку; в повести "Битва под Будишином" (1891). При всей дидактической незамысловатости все эти произведения сыграли важную роль в становлении самого жанра исторической прозы, до того в верхнелужицкой литературе не существовавшего. В историю лужицкой культуры Веля-Радысерб вошел также как непревзойденный знаток и неутомимый собиратель народной мудрости: в 1902 г. он издал собрание "Серболужицкие пословицы" (десять тысяч пословиц), в 1909 г. вышла книга "Народные метафоры" (5600 метафорических выражений), в 1907 г. – сборник "Загадки" (900 загадок). Все это богатство писатель постоянно использовал в своих художественных произведениях. В формирование жанра исторической прозы внес свой

вклад и молодой Барт-Чишинский, написавший в 1873–1874 гг. новеллу "Юнкер". действие которой отнесено к эпохе наполеоновских войн.

У истоков жанра актуальной социально-политической прозы стоит повесть верхнелужицкого писателя Я.Б. Мучинка "Грибовчане, или Политическое повествование из наших времен" (1849), события в которой разворачиваются в революционном 1848 году, хотя и в специфическом ракурсе: в течение всей повести молодой учитель, симпатизирующий революционно-демократическим взглядам, ведет пространные беседы с крестьянами в деревенской пивной, разъясняя им суть происходящих в мире событий и попутно рассказывая некоторые эпизоды из героического прошлого Сербской Лужицы, чтобы пробудить национальное и социальное достоинство своих незадачливых собеседников. Мучинку принадлежит также целый ряд рассказов о прошлом Сербской Лужицы. В жанрах актуально-политической, сатирической и дидактической прозы выступали Юлиус Эдуард Велан (1817–1892), Ян Бартко, Миклавш Яцславк, Михал Горник и многие другие. Из общего потока этой прозы, редко выходившей за пределы среднего беллетристического уровня, заметно выделяется написанная под влиянием Г. Сенкевича историческая повесть Юрия Вингера (1872–1918) "Гронов" (1893), освещающая события тридцатилетней войны 1618–1648 гг. с позиций участвовавших в ней серболужичан. В повествование вплетены мотивы насильственной германизации, подчиненного социального положения серболужичан, что осовременивало повесть и придавало ей актуальность, не разрушая художественную целостность. В целом можно отметить, что серболужицкая проза в этот период еще не породила таланты общеславянского и общеевропейского масштаба, как это – до определенной степени – можно утверждать по отношению к серболужицкой поэзии.

Драма

Жанр драмы – при всей его важности для развития национальной культуры и общественной жизни – продолжал оставаться и в этот период в зачаточном состоянии. После трагедии "В крепости" (1880, первая верхнелужицкая пьеса, поставлена на сцене в 1897 г.) Барт-Чишинский предпринимал еще несколько попыток создать национальную драму и театр, но он был прирожденный лирик и скоро осознал искусственность своих попыток.

Лужицкая драматургия, при всей активизации ее в этот период, в целом все же отставала от поэзии и прозы – подлинным талантом драматурга не обладал никто из крупнейших писателей этого периода, хотя почти все

пробовали свои силы в этой области, прекрасно осознавая важное значение национального театра для консолидации патриотического сознания народа. Отсутствие профессионального театра тоже не могло не сказываться на развитии драмы: пьесы писались с расчетом на постановку любительскими (чаще всего студенческими) коллективами и исполнялись, как правило, во время студенческих сходов и собраний. В общей сложности в этот период было написано около 100 пьес и почти столько же было переведено (в основном со славянских языков). А. Мука, приложивший немало усилий к тому, чтобы создать национальный театр, сам написал пять пьес, которые ставились на сцене, и издал в 1879–1930-х годах 35 сборников для любительских театров, в которых были опубликованы некоторые одноактные пьесы М. Андрицкого, пьесы Ю. Вингера, Я. Барта-Чишинского, Й. Новака и др. В 1900–1914 гг. было поставлено около 250 любительских спектаклей. Из переводных пьес стоит отметить "Ревизор" Гоголя в переводе М. Навки (1909), "Геро" А. Ирасека в переводе М. Андрицкого (1906).

НИЖНЕЛУЖИЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА

В Нижней Лужице процессы германизации проходили гораздо интенсивнее, территории компактного проживания славянского населения были разбросаны и постоянно сужались до крохотных островков, и это сводило почти на нет все трудоемкие усилия немногочисленной нижнелужицкой интеллигенции по сближению созданного ими литературного нижнелужицкого языка с диалектами, которые при значительной разобщенности населения сохраняли свои особенности. Нижнелужицкие диалекты и нижнелужицкий литературный язык продолжали существовать как бы сами по себе – без взаимообогащения и даже почти не соприкасаясь. В качестве языка междиалектного общения (то есть за пределами мест компактного проживания носителей того или иного диалекта) обычно выступал немецкий язык¹¹, иногда – верхнелужицкий. Деятели культуры, уже с середины XIX в. стремившиеся к созданию единого серболужицкого литературного языка, были в своем подавляющем большинстве верхнелужичанами; вполне понятное с их стороны желание сблизить нижнелужицкую орфографию с верхнелужицкой, а также "прочистить" нижнелужицкий язык от многочисленных германизмов, заменив их верхнелужицкой лексикой, на практике приводило к еще большему "отчуждению" создаваемого подобным образом нижнелужицкого литературного языка от реально бытовавших диалектов, в которых количество германизмов продолжало увели-

чиваться. Попытки крупнейшего нижнелужицкого писателя К. Ф. Стемпеля развивать нижнелужицкий литературный язык на собственной диалектной основе и игнорируя нормы верхнелужицкой орфографии уже в 1860-е годы встретили полное непонимание со стороны крупнейших деятелей верхнелужицкой культуры (Г. Зейлер, Я. А. Смолер, К. А. Енч и др.), что и привело к тому, что некоторые его произведения были утрачены, а большая поэма "Три могучих горна" (свыше 3000 строк), опубликованная лишь в крохотных отрывках в журнале "Лужица", была "погребена" в "редакционном портфеле" и увидела свет только в 1963 г.¹² Сказывалось, очевидно, и то, что нижнелужицкие писатели (сплошь протестанты) не получали столь же мощной поддержки от славянского католического мира, какую постоянно имели верхнелужицкие католики. К сожалению, проблема *специфики* нижнелужицкой литературы (а здесь мы коснулись лишь некоторых особенностей формирования нижнелужицкого литературного языка), которую впервые убедительно обозначил выдающийся серболужицкий историк и культуролог Фридо Метшк в 1976 г., внимание историков литературы до сих пор не привлекла¹³.

В самом общем виде можно констатировать отставание историко-литературного процесса в Нижней Лужице и его меньшую интенсивность, что не исключало появления отдельных крупных талантов, как, например, **Мато Косык** (1853–1940) и **Фриц Реха** (1863–1942), благодаря творчеству которых нижнелужицкая литература тоже достигла своей "классической фазы"¹⁴.

В 1880 г. было создано нижнелужицкое отделение Матицы серболужицкой, на нижнелужицком языке регулярно издавался протестантский еженедельник "Брамборски сербски часник" ("Bramborski Serbski Casnik"), редакторами которого в этот период были **Кито Швеля** (1836–1922, редактировал газету в 1864–1915 гг. и опубликовал в ней немало своих сочинений) и его сын **Богумил Швеля** (1873–1948, редактировал газету в 1916–1918 гг.). В 1914 г. выходил ежемесячник "Звезда" ("Gwězda") под редакцией Б. Швели.

Поэзия

В первый период творчества М. Косыка (1877–1883) нижнелужицкая литература – и, в первую очередь, поэзия, – наконец, вступила в фазу развития, (которая в других литературах центральной и юго-восточной Европы началась намного раньше), получившую в верхнелужицкой литературе общепринятое обозначение как второй этап эпохи национального возрож-

дения (движение "младосербов" во главе с Я. Бартом-Чишинским и А. Мукой): М. Косык, работавший в 1873–1877 гг. железнодорожником на линии Липск – Дрежджаны (Лейпциг – Дрезден), познакомился с А. Мукой и другими "младосербами", пытавшимися еще раз оживить идеалы национального возрождения. Он стал собирать народные песни, сочинять стихотворения в духе Г. Зейлера. Помимо больших поэм "Сербская свадьба в Блотах" (1880) и "Предательство маркграфа Геро" (1881), опубликованных тогда же отдельными книгами¹⁵, он написал обширную историческую трилогию, включавшую в себя пролог, три исторические поэмы о героическом прошлом и эпилог¹⁶. В поэме "Падение Бранибора", написанной четырехстопными секстинами, поэт изображает захват германцами легендарной столицы древних славян Бранибора после вероломного убийства 30 сербских князей, в результате чего серболужицкие племена потеряли свою независимость. В 1882 г. в Вербне состоялась премьера двухактной драмы Косыка "Прощание сербских воинов, или Пророчество старой цыганки" (до сих пор опубликованы только отрывки), к этому же периоду относится и посвященное М. Горнику драматическое либретто "Честь лужицкого рыцаря" (опубл. в 1956 г.). Но энтузиазм М. Косыка иссяк в 1883 г., когда он израсходовал последние деньги, накопленные за годы работы на железной дороге. Изданные книги почти не раскупались, сколько-нибудь широкая читательская аудитория или даже общественность в Нижней Лужице просто отсутствовала, а священникам и учителям, на поддержку которых вначале рассчитывал молодой нижнелужицкий патриот, в целом идеи национального возрождения были чужды, так как подавляющее большинство из них были уже правоверными прусскими подданными. М. Косык попытался стать протестантским священником, но и это – при незавершенном гимназическом образовании – ему не удалось. Тогда М. Косык записался в школу евангелических священников-миссионеров в штате Иллинойс, пополнив обширную уже колонию серболужицких эмигрантов в США¹⁷. В 1886–1887 гг. после смерти единственного брата М. Косык сделал попытку вернуться на родину, но прусские церковные власти снова отказали ему в работе в церкви, а прусские гражданские власти – в праве наследования земли и имущества умершего брата. М. Косык принял в 1894 г. гражданство США и до самой смерти в 1940 г. больше ни разу не побывал на родине, продолжая публиковать отдельные произведения в лужицкой прессе и поддерживая контакты с серболужицкими патриотами.

Но патриотические усилия М. Косыка все же постепенно дали ростки и в Нижней Лужице. Гимназисты **Вилем Новы** (1870–1933) и **Богумил Швеля** (1873–1948) стали с 1890 г. во главе нижнелужицких гимназистов

и студентов, вдохновленных идеями "младосербов" в Верхней Лужице. Своим духовным вождем они считали М. Косыка, произведения которого хорошо знали и любили. Началась переписка. Б. Швеля обратился к Косыку с просьбой прислать свои новые произведения, которые нижнелужицкие студенты решили издать за свой счет. Косык откликнулся, и его "Сборник нижнелужицких песен" вышел в свет в 1893 г., став самым заметным явлением нижнелужицкой литературы рассматриваемого периода. Этот сборник – наряду с прежними произведениями – как раз и позволяет считать М. Косыка основоположником национальной нижнелужицкой литературы (в том же смысле, в каком мы считаем основоположником верхнелужицкой литературы Г. Зейлера, а русской – А. С. Пушкина). М. Косык стал первым из нижнелужицких писателей, у которого наконец появилась своя читательская аудитория, которая, к сожалению, совершенно отсутствовала у К. Ф. Стемпеля, поэта-философа, понимание которого требует основательного образования. М. Косык щедро вводил в свою поэзию народные легенды, песенные мотивы, исторические и бытовые сюжеты, во все не чураясь фольклора, но и не подчиняясь его образной логике с таким же самозабвением, как Г. Зейлер. В масштабах всей серболужицкой литературы М. Косык занял место между эталонной народностью Г. Зейлера и не лишенным народного начала артистическим индивидуализмом Я. Барта-Чишинского¹⁸. Для иллюстрации приведем одно из стихотворений эмигрантского периода:

Поймали птичку в сети
И посадили в клетку,
И ждут веселых песен,
Но мир в неволе тесен.

И птичка загрустила,
Головку опустила.
Мечтою улетела
В родимые пределы.

Тоска и боль в неволе
Рождают стон – не боле.
Но если песнь польется –
Сердечко разорвется.

Я сам, как птица в клетке,
В чужой стране навеки.

Прощай, мой край любимый,

И свет небес родимый!

"Певчая птица в клетке". 1893

Во многих стихотворениях М. Косыку удается глубокая ясность и чистота выражения, которая отличает истинного поэта. Не менее важно было и то, что смело вводя в свою лирику американские мотивы, он заметно расширил тематические горизонты серболужицкой поэзии. Особое место занимает в его творчестве индейская тема. Проживая вблизи индейских резерваций, он глубоко изучил историю, легенды, образ жизни и душу индейцев; по сути дел мир индейцев Северной Америки стал ему не менее близок, чем мир его далекой родины. Приближение первой мировой войны и заметный спад общественной и литературной активности в обеих Лужицах в начале XX в. привели к ослаблению контактов М. Косыка с родиной. Но эти контакты снова оживились в 1920-х годах.

Другим крупным поэтом этого периода был **Фриц Рох** (1863–1942), учительствовавший во многих местах Нижней Лужицы. Он с детства любил и прекрасно знал народные обычаи, народную разговорную речь, народные песни, сам участвовал в организации народных праздников песни и концертов. Стихотворения и песни он начал писать в 1880-х годах, публиковал некоторые из них в "Брамборском цаснике", затем в "Часописе Матицы серболужицкой" и в евангелическом ежемесячнике "Всадник" ("Wosadnik"), редактором которого он был в 1908–1913 гг. В 1908 г. он опубликовал свой первый и единственный прижизненный сборник "Венок нижнелужицких песен", который был сразу же высоко оценен ведущими критиками (А. Мука, Б. Швеля). Отличительной чертой лирики Ф. Рохи является не характерная в целом для рассматриваемого периода приглушенность субъективного авторского начала; он словно целиком растворяет свою личность в любви к окружающей природе, к людям, их повседневным заботам и радостям. Красота этой лирики в ее изобразительной точности и выразительности. Помимо стремления к точной рифме (что не отличало ни Г. Зейлера, ни М. Косыка), он активно использует аллитерации, звуковые повторы, игру слов, усложненные ритмы, легко и естественно меняя их при описании летнего дождя или работы прядильного станка. И эти разные ритмы усиливают изобразительность и выразительность стихотворений. Ф. Рохе легко удается игра слов; в том числе и благодаря этому качеству он стал одним из любимых детских поэтов. Его поэзия вся пронизана игрой и светом, он не любил изображать темные стороны жизни, не любил жалоб и стенаний, которых так много в серболужицкой поэзии. Во всем этом он несколько выбивается из традиции как верхнелужицкой, так

и нижнелужицкой поэзии, где содержательное начало очень долго доминировало над эстетическим. Медленное, но все более надежное признание приходит к Ф. Рохе только после второй мировой войны. Однако многое из его литературного наследия еще остается в рукописях или рассеяно в газетных и журнальных публикациях разных лет.

Проза

Нижнелужицкую прозу этого периода заметнее всего представляли уже упоминавшиеся выше Кито Швеля, более 50 лет редактировавший газету "Брамборски цасник" и его сын Богумил Швеля, один из самых активных участников нижнелужицкой общественной и литературной жизни с 1890-х годов. К. Швеля многие годы учительствовал в Нижней Лужице и начинал свою общественную и литературную деятельность как прусский верноподданный. Но политический консерватизм не мешал ему поднимать голос против социальной несправедливости. Талантливый журналист он многое сделал для пропаганды нижнелужицкого литературного языка среди территориально разрозненных и диалектально разобщенных нижнелужицких читателей. Число читателей еженедельника возросло при нем в три раза.

В лице Б. Швели нижнелужицкая культура получила, наконец, ученого, общественного деятеля, журналиста и издателя, значение которого для Нижней Лужицы можно сопоставить с ролью Я. А. Смолера, М. Горника и А. Муки в Верхней Лужице. Как ученый-лингвист, автор учебников и грамматик нижнелужицкого языка и специальных научных исследований, он возглавил филологическую секцию Матицы серболужицкой и мог вступить в достойный диалог с верхнелужичанами, которые постоянно стремились унифицировать нижнелужицкий язык с верхнелужицким, что в большинстве случаев было неоправданным и, в частности, привело, например, к тому, что "отредактированные" на верхнелужицкий "манер" произведения М. Косыка сейчас приходится "реставрировать" в их первоначальной форме¹⁹. Но и Б. Швеля не всегда мог (или даже не всегда хотел) противостоять этой тенденции, хотя сам с равным успехом мог писать на обоих серболужицких языках.

Таким образом можно констатировать, что в рассматриваемый период начинается, наконец, и непрерывное развитие нижнелужицкой прессы и литературы, возникает – пускай и в ослабленной форме – литературная общественность и литературная жизнь. Но основная проблема продолжала оставаться неразрешенной: созданный усилиями талантливых писателей и

журналистов нижнелужицкий литературный язык развивается в отрыве от народного разговорного языка, который продолжал существовать в форме достаточно разрозненных диалектов с заметными "вкраплениями" германизмов как в лексику, так и в грамматику. Следующая попытка "оживить" нижнелужицкий литературный язык, сблизить его с народной разговорной речью относится уже к послевоенному периоду, когда разностороннее творчество талантливой нижнелужицкой писательницы **Минны Виткойц** (1893–1975) способствовало расширению читательской аудитории и – до определенной степени – активизации "диалога" между верхнелужицкой и нижнелужицкой литературами.

В целом можно отметить, что при некоторой замедленности формирования разветвленной системы литературных жанров серболужицкая литература в целом развивалась в рассматриваемый период весьма интенсивно. В эстетическом плане это сказалось в постепенном отказе от преобладания фольклорно-романтической доминанты и развитии социально-критических реалистических тенденций, а также в усилении индивидуального, субъективного начала в поэзии и прозе.

¹ Sorbisches Lesebuch – Serbska čitanka. Leipzig, 1981. S. 675.

² Развернутое теоретическое обоснование см.: *Гугнин А.А.* Основные этапы развития серболужицкой литературы в славянско-германском контексте. Научный доклад на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1998.

³ В самой общей форме, но с приведением разнообразного документального материала эту проблему поставил Р. Енч, см.: *Jenč R. Čišinski abo Zejler? // Jenč R. Stawizny serbskeho pis-mowstwa. Zd. 2. Budyšin, 1960. S. 271–282.*

⁴ *Jenč R. Tež tam. S. 305–306.*

⁵ "Nowa Doba". Budyšin, 1951, č. 59. Примечательно, что все трое (А. Мука, М. Урбан, О. Вичаз) были протестантами. Из филологов-католиков наиболее высокую оценку переводам Урбана дал чех Йозеф Пата (1886–1942), завершивший восторженными словами об "Илиаде" и "Одиссее" Урбана свой великолепный труд "Введение в изучение серболужицкой письменности" (1925).

⁶ *Malink P. Serbska literatura po Čišinskim // "Serbšćina". 16. studijny list. Budyšin, 1957. S. 1664.*

⁷ *Tež tam. S. 1657.*

⁸ *Tež tam. S. 1658.*

⁹ *Tež tam. S. 1659.*

¹⁰ *Scholze D. Jacob Lorenc-Zalěski // "Lětopis". Budyšin, 1995, N 42. S. 108–109.*

¹¹ См.: *Калынь Л. Э.* Особенности языковой ситуации в Нижней Лужице как следствие языковой ассимиляции // "Славяноведение". М., 1997. № 2. С. 6–7.

- ¹² Подробнее об этой поэме см. во втором томе "Истории литератур западных и южных славян" (с. 486–487). Дискуссия К. Ф. Стемпеля с верхнелужицами документально изложена в обширном предисловии Р. Енча в кн.: *Stempel K.F. Te tši rychte tšubaly a druge pěsni*. Budyšin, 1963. S. 7–78.
- ¹³ Об этом, в частности, свидетельствует послесловие П. Янаша к посмертной (Ф. Мегшк умер в 1990 г.) перепечатке этой статьи в переводе на немецкий язык, где подчеркивается, что статья – будь она написана сегодня – ничуть не утратила бы своей актуальности, см.: *Die Sorben in Deutschland*. Hrsg. von Maćica Serbska. Budyšin, 1991. S. 58.
- ¹⁴ *Nowotny P. Dolnoserbske pismojstwo. 1918–1945*. Budyšin, 1983. S. 8–9.
- ¹⁵ Об этих поэмах см.: История литератур южных и западных славян. Том второй. М., 1997. С. 487–488.
- ¹⁶ Пролог "Молитва сербов перед битвой с Геро" опубликован в 1929 г.; поэма "Падение Бранибора" была напечатана в 1956 г.; с эпилогом читатели смогли познакомиться только в 1983 г. Поэма "Яцлав" до сих пор не опубликована (в числе других 150 рукописных произведений).
- ¹⁷ Уже в 1854 г. в США выехали около 600 жителей Сербской Лужицы во главе со священником-миссионером Яном Кирианом (1811–1884), основавшим в Техасе серболужицкую колонию Сербин, где обучение в школе и богослужение велось на родном языке. Самостоятельная колония лужичан была также в Австралии. Кириан был одаренным поэтом и публицистом, поддерживал переписку с Я. А. Смолером и другими лужичанами.
- ¹⁸ Ср. оценку Ф. Метшка в послесловии: *Kosyk M. Serbska swaizba w Błotach*. Budyšin, 1986. S. 91.
- ¹⁹ См. некоторые подробности в содержательной статье: *Marti R. Mato Kosyk // Perspektiven sorbischer Literatur*. Hrsg. von W. Koschmal. Köln; Weimar; Wien, 1993. S. 131–177.

ЛИТЕРАТУРА МЕЖВОЕННОГО ДВАДЦАТИЛЕТИЯ

Первая мировая война 1914–1918 гг. окончилась для Германии, включавшей в себя серболужицкие земли, трагически: она потеряла 6 млн. человек убитыми и ранеными, лишилась заметной части своих территорий, должна была выплачивать унижительные контрибуции. Отречение императора Вильгельма II и провозглашение Германии республикой 9 ноября 1918 г. было не столько началом нового этапа в истории этой страны, сколько началом внутреннего кризиса, который должен был последовать за военным поражением и распадом могущественной империи. Вся история Веймарской Республики (1919–1933) – это история агонии великой нации, утратившей концепцию своего дальнейшего развития и раздираемой внутренними противоречиями из-за возникшего "комплекса неполноценности". Этот психологический (но и экономический, и политический) "комплекс неполноценности" был полностью изжит, хоть и уродливым образом, в годы "третьего рейха" (1933–1945), когда немцы, с предельной остротой испытав национальный "взлет и падение", были лишены дальнейших возможностей продолжать поиски национальной идентичности с помощью оружия.

Буржуазная демократия Веймарской Республики, пытавшаяся восстановить нормальную жизнь в стране, должна была утверждать себя в экстремально-сложных условиях: экономически это был груз послевоенной разрухи и постоянной гражданской войны до 1923 г., внешнеполитически это была унижительная изоляция Германии от мирового сообщества, внутриполитически это была не прекращавшаяся до 1933 г. борьба нескольких непримиримых общественно-политических и идеологических ориентаций, прежде всего интернационально-коммунистической, социал-демократической (буржуазно-демократической) и национально-авторитарной, в рамках которой национал-социализм являлся поначалу лишь одним из течений, наиболее активно использовавшим "комплекс неполноценности" в идеологических и пропагандистских целях. В означенных условиях должна быть понятна непрочность, эфемерность Веймарской Республики с ее постоянной внутрипарламентской борьбой и сменами правительств. С одной стороны, здесь господствовала почти беспрецедентная демократия с дру-

гой стороны, здесь же шла непримиримая война интересов, выплеснувшаяся на поверхность в кровавых событиях 1933–1934 гг.

Ситуацию поражения Германии в первой мировой войне попытались использовать наиболее радикальные представители серболужицкой интеллигенции, объединившиеся вокруг Арношта Барта, сыгравшего в свое время выдающуюся роль в организации Домовины (см. подробнее в предыдущей главе). А. Барт, внимательно следивший за революционными событиями в России и Германии, поддерживал обширные международные контакты. В 1918 г. он возглавил Серболужицкий народный комитет, в котором разрабатывались планы провозглашения автономного серболужицкого государства, самостоятельного или под протекторатом Чехословакии. Один из таких проектов рассматривался даже в ходе подготовки Версальских соглашений в 1919 г., Барт сам ездил в Париж, хотя визит его не увенчался успехом¹. Проекты автономизации были утопичны в том числе и потому, что немцев на территории Сербской Лужицы проживало значительно больше, чем собственно серболужичан, особенно в городах. Кроме того проекты Барта не были поддержаны каким-либо широким общественным движением самого серболужицкого народа. В годы Веймарской Республики требования лужичан ориентировались на конституцию и сводились, по сути, к стремлению добиться устранения все еще сохранявшейся национальной дискриминации. Но даже и в демократической Веймарской Республике этого в полной мере осуществить не удалось. Образованный в 1920 г. и просуществовавший до 1945 г. "Вендский отдел" ("венды" – одно из немецких обозначений серболужичан), хотя и располагался в Будишине, был не только немецким правительственным органом по форме, но и по сути предназначался для "поощрения растворения вендов в германстве", как гласят инструкции в его сохранившихся архивах, где, в частности, предлагалось "всякое проявление вендского национального самосознания рассматривать и разоблачать как враждебное немецкому государству"². Католическая церковь тоже внесла свою лепту в укрепление "германства": в 1921 г. была закрыта Серболужицкая семинария в Праге, бывшая с 1706 г. основной кузницей католических священников для Сербской Лужицы; в том же 1921 г. было восстановлено епископство в Майсене, в задачу которого входило усиление немецко-католического влияния среди католиков Сербской Лужицы.

И все же – несмотря на вышеназванные тенденции в общественной жизни – демократическая Веймарская Республика оставляла немало возможностей для отстаивания национальных интересов и развития национальной культуры. Так, на верхнелужицком и нижнелужицком языках выходило свыше десяти газет и журналов, наиболее популярная еженедель-

ная газета "Сербске новины" выходила в 1920–1937 гг. ежедневно. Регулярно издавался и литературный журнал "Лужица", который с 1921 г. редактировал Арношт Мука, в 1926 г. его сменил Ота Впчаз (1874–1952), один из крупнейших историков серболужицкой литературы, известный переводчик, регулярно выступавший также как поэт и прозаик. Продолжал издаваться и "Часопис Матицы серболужицкой" (1848–1937), публиковавший литературные произведения, но прежде всего – многочисленные труды лингвистического, историко-литературного, этнографического, историографического и библиографического характера, и до сего дня остающиеся важнейшим источником по истории серболужицкой науки и культуры. С 1923 г. возобновил свою деятельность Союз серболужицких писателей, став под руководством Якуба Лоренца-Залеского одним из центров духовного противостояния онемечиванию.

Важным очагом борьбы за национальное равноправие стал основанный в 1924 г. Союз национальных меньшинств Германии, в который вошли представители проживавших в Германии датчан, фриз, литовцев, поляков и серболужичан. Особую активность в рамках этого Союза развил Ян Скала (1889–1945), выступавший как поэт и журналист с 1910 г., а с 1919 г. еще и как редактор различных газет и журналов на верхнелужицком и немецком языках в Будишине, Праге и Берлине. В 1925–1936 гг. он редактировал на немецком языке в Берлине ежемесячник Союза национальных меньшинств Германии "Культурвилле" ("Культурвер"), участвуя в международных форумах по проблемам национальных меньшинств и поддерживая активные контакты с демократической интеллигенцией в Польше, Чехословакии и самой Германии (в частности, с Карлом фон Оссеки, возглавлявшим широко известный журнал "Вельтбюне"). Помимо многочисленных газетных и журнальных публикаций Скала успел выпустить два сборника стихотворений (1920; 1923), несколько брошюр по национальным проблемам.

Реваншистские и шовинистские силы в Германии стремились не только к восстановлению немецкого государства в границах 1914 г., но и к созданию "Великой Германии" ("Großdeutschland"), которая включила бы в себя территории Польши, Чехословакии, а также в Прибалтике и на Балканах, где немцы проживали как национальные меньшинства. Для идеологического и политического обоснования своих геополитических притязаний они стремились использовать Конгрессы европейских национальных меньшинств, которые с 1925 г. ежегодно собирались по инициативе проживавших вне Германии немцев. На этих конгрессах разгорались острые и даже непримиримые дискуссии, в которых представители зарубежных немцев по-своему поддерживали геополитические притязания германских шови-

нистов. Активное участие в этих дискуссиях принимали и серболужичане: Я. Лоренц-Залеский, Я. Скала и др. Но уже в 1927 г. делегация Союза национальных меньшинств Германии покинула заседание конгресса, не желая служить инструментом для далеко идущих шовинистских и империалистических замыслов³.

В то же время нельзя недооценивать и новые тенденции в общественной и литературной жизни, которые противостояли скрытому и откровенному национал-шовинизму как внутри самой Германии, так и за ее пределами. В 1919 г. — впервые в истории Германии — возникли два печатных органа, обращенных к немецким и серболужицким читателям одновременно (статьи и заметки публиковались в них сразу на двух языках): еженедельник "Сербске слово" ("Serbske slovo", 1919–1920) и ежедневная газета "Сербски дженик" ("Serbski Dženik", 1919–1921), что означало не только попытку "удержать" в родном языке онемечивающихся серболужичан, но и стремление найти общий язык с немецким населением Сербской Лужицы. Значительное расширение с 1920-х годов серболужицкой газетной и журнальной прессы и книгоиздания привело к тому, что серболужицкие читатели — впервые в своей истории — получили в свои руки многие шедевры мировой литературы в переводах на родной язык: "Илиада" и "Одиссея" Гомера, "Братья Карамазовы" и "Игрок" Ф.М. Достоевского, "Отцы и дети" И.С. Тургенева, "Камо грядеши?" Г. Сенкевича и др. Литература на серболужицком языке активно издавалась также пражской секцией Союза серболужицких писателей, где возникла серия "Книговня дом а свет" ("Knigownja Dom a swět"), в которой в 1921–1937 гг. было выпущено 30 томов с целью "культивирования и формирования серболужицкого романа", чему можно было помочь "изданием лучших произведений серболужицкой словесности, а также переводами лучших произведений из славянских литератур"⁴. Первым номером в этой серии вышла "Философская история" А. Ирасека, затем последовали издания Я. Барта-Чишинского, М. Косыка, М. Андрицкого; в 1931 г. здесь же был впервые издан символистский роман Я. Лоренца-Залеского "Остров забытых" — художественная вершина серболужицкой прозы межвоенного периода.

Наиболее интенсивно и плодотворно в этот период проблемами серболужицкой литературы и культуры в Праге занимался чех Йозеф Пата (1886–1942), издавший в 1920 г. на серболужицких языках самую обширную в то время "Серболужицкую хрестоматию" ("Serbska čitanka"), включавшую не только произведения 50 верхнелужицких и нижнелужицких писателей, но и переводы на верхнелужицкий язык других славянских писателей, особенно чешских, а также статьи славянских ученых о сербо-

лужичанах. В 1925 г. Й. Пата издал по-чешски образцовое "Введение в изучение серболужицкой письменности", которое в 1929 г. было опубликовано на верхнелужицком языке в значительно доработанном и расширенном варианте. Всего же Пата издал около 10 книг о серболужицкой письменности и культуре на чешском, верхнелужицком и французском языках. Весь этот международный контекст необычайно важен для понимания специфики развития серболужицкой культуры: помощь извне до определенной степени компенсировала отсутствие собственных автономных политических и культурных учреждений, давала новые импульсы для борьбы за национальное выживание, приводила к тому, что постоянно уменьшавшийся в количественном отношении этнос продолжал не только сохранять уровень культуры, но и наращивать ее качество, ориентируясь как на богатые собственные традиции, так на разнообразный международный культурный контекст.

ВЕРХНЕЛУЖИЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Поэзия

Верхнелужицкая поэзия, как и вся литература, искала в рассматриваемый период возможности новых эстетических ориентаций. Всплеск модернистских течений в искусстве, характерный в первые десятилетия XX в. не только для западноевропейских стран, но и для России и для славянских стран, здесь практически отсутствовал – для него не было ни материальных, ни духовных предпосылок. И в то же время нельзя сказать, что серболужицкая поэзия и проза совершенно не "модернизировались": изменялась сама жизнь и вместе с ней как тематика, так и форма литературных произведений. Но эти изменения в серболужицкой литературе не носят характера формального экспериментаторства, эстетических игр, столь очевидных в западноевропейских (и в русской) культурах этого периода. Наряду с обращением к национальным традициям (Г. Зейлер, Я. Барт-Чишинский) серболужицкие поэты особенно внимательно приглядывались к тому, что делалось в соседних – славянских – литературах. К примеру, "Силезские песни" (1909, при последующих изданиях сборник заметно дополнялся) чеха П. Безруча, представлявшие своеобразный синтез фольклорно-романтических мотивов с социально-реалистической проблематикой, стали настольной книгой многих серболужицких поэтов этого периода. Их интерес к П. Безручу сказался не только на собственном творчестве (очевиднее всего у Йозефа Новака, 1895–1978), но и увенчался из-

данием в 1935 г. полного текста "Силезских песен" на верхнелужицком языке в переводах О. Вичаза, **Мерчина Новака-Нехоринского** (1900–1990) и **Мины Виткойц** (1893–1975), а также целого ряда других поэтов. Это было второе – после словенского – заграничное издание "Силезских песен", правда, вскоре конфискованное национал-социалистами.

Йозеф Новак, обучавшийся в 1910–1919 гг. в Серболужицкой семинарии в Праге, опубликовал в пражском литературном журнале "Тýп" эссе "Серболужицкая литература после Чишинского", в которой, сетуя по поводу "затишья на Лужицком Парнасе", напоминает о национально-патриотических традициях "младосербов" и, цитируя П. Безруча, призывает к оживлению и обновлению общественной и литературной жизни в Лужице⁵. В сложных условиях войны и послевоенной разрухи он возобновляет традицию ежегодных встреч серболужицких студентов, для чего уже в 1916 г. пишет национально-патриотическую историческую драму "Последний король" (поставлена на студенческой сходке и напечатана в 1921 г.). В 1919 г. он публикует сборник стихотворений "С духом свободы", ставший своеобразным поэтическим манифестом послевоенного возрождения серболужицкой литературы. Сборник, написанный под непосредственным впечатлением образования независимой Чехословакии и активных усилий А. Барта и его группы по достижению национальной автономии серболужичанами, исполнен оптимизма, национально-патриотического пафоса, отчетливо прослеживаются и социальные мотивы. По форме многие стихотворения написаны патетическими свободными ритмами, переполненный чувствами автор не скупится на экспрессивные выражения:

Сербы, вперед, – к свободе и славе!

Вверх взметните

Кроваво-красное наше знамя –

Свободу народу!

"Восстаньте, сербы!" 1919

Патетическая лирика Й. Новака часто декламировалась на студенческих сходках 1920-х годов – она хорошо отвечала настроению национального подъема в первые годы Веймарской Республики. Для декламации и исполнения на студенческих собраниях были предназначены национально-патриотические по духу и исторически-мифологические по сюжетной канве стихотворные поэмы-диалоги Й. Новака "Невеста свободы" (поставлена в 1919 г., опубликована в 1922 г.) и "Любин и Спрева", написанная к съезду Домовины в 1928 г. Непосредственно продолжая традиции ранних драм

Барта-Чишинского ("В крепости"), Новак насыщает свои произведения национально-аллегорической символикой.

Немало патетических стихотворений и в первом поэтическом сборнике Яна Скалы "Крошки" (1920), в то время как в его дальнейшей поэзии начинает преобладать реалистическая интимная лирика, иногда окрашенная ностальгически-романтическими интонациями (сборник "Искры", 1923, а также стихотворения из рукописного наследия). Широкой популярностью в этот период пользовались стихотворения Михала Навки (1885–1968), которые нередко становились народными песнями – известно около 100 песен, музыку к которым написал сам М. Навка, а также крупнейший лужицкий композитор этого периода Бьярнат Кравц (1861–1948).

Первооткрывателем новых художественных пространств для серболужицкой поэзии этого периода стал Ян Лайнерт (1892–1974), дебютировавший в 1923 г. путевым очерком "Серболужицкая вересковая пустошь" в журнале "Лужица", отчетливо напоминающем о лирических миниатюрах М. Андрицкого. Отказавшись от риторического пафоса Й. Новака и Я. Скалы, Лайнерт – с опорой на традиции Барта-Чишинского, но и на немецкую лирику А. Дросте-Хюльсхоф, Т. Шторма и Д. Лилиенкрона – создал яркие образцы импрессионистически насыщенного, музыкально организованного стиха, передающего красоту родной природы, интимные переживания, но – главное – трагедию сотрясаемого катаклизмами общественного бытия, безжалостно разрушавшего идиллию лужицкого патриархального быта. Все эти качества отчетливо проявились в сборнике "Пыл ликований и капли слез" (1928). Преобразуя мистические и символистские тенденции, отчетливо проявлявшие себя в европейской поэзии со временем поздних романтиков, Лайнерт никогда не покидает серболужицкую почву, создавая совершенно органический сплав серболужицкой тематики с ее фольклорно-мифологическими и современными сюжетными модификациями. Он прибегает к символической многозначности и формальной изощренности, характерной для большой европейской поэзии этого периода, но еще никем не привитой к скромному стволу серболужицкой словесности. Например, в стихотворении "Печаль" мистический и символический художественный эффект достигается фактической несовместимостью двух вполне реалистически изображенных сюжетных планов: безмятежного сна юноши на летнем лугу, грезящего о мирном труде и поцелуях любимой девушки, и нависающей над этим сном неумолимой реальностью войны, в которой юноше суждено погибнуть, хотя он сам об этом не догадывается; во сне ему кажется, что он слышит радостный звон серпа на созревшем поле ржи, где склонились к обочине дороги спелые маки, на самом же деле это старуха Смерть, ласково присев рядом, точит над ним

свою косу. В оригинале в обоих случаях использовано одно и то же слово "серп", что создает дополнительную и достаточно зловещую символику: наивное романтическое сознание, погруженное в счастливые грезы, не способно взглянуть в лицо жестокой правде жизни и не замечает реальность; готово даже звон "серпа Смерти" принять за мирный звон крестьянского серпа. Большинство произведений Лайнерта осталось в неопубликованных рукописях, уничтоженных во время второй мировой войны, после которой ему пришлось начинать свое творчество словно бы заново.

Традиции Я. Лайнерта во многом продолжил и углубил **Юрий Хежка** (1917–1944), чье творчество при жизни практически оставалось недоступным читателям в Сербской Лунице. Хежка с 1929 г. учился в Праге, оставаясь лужицким патриотом, но постепенно все больше укореняясь также и в чешской культуре. Окончив в Праге гимназию, он поступил в Пражский университет, изучал богемистику, сорабистику и германистику, знакомясь с чешской интеллигенцией и став домашним учителем в семье и другом известного чешского социалистического поэта С.К. Неймана. С 1935 г. он писал статьи и стихотворения, некоторые из них были опубликованы в будишинских и пражских газетах и журналах (в том числе и переводы К.Г. Махи на верхнелужицкий язык). В 1937 г. он начал издавать рукописную газету "Гмейска гейя"⁶, которая стала своеобразной хроникой фашистского террора в Сербской Лунице, развязанного в марте того же года запретом всех печатных органов Домовины. "Наш ежемесячник – единственный серболужицкий журнал, где можно писать свободно, и он сохранит на долгие годы образ жизни единственного серболужицкого товарищества в столь тяжелое время", – писал в предисловии к первому номеру Ю. Хежка⁷. Всего вышло 9 номеров журнала, сохранивших для потомков документы антифашистского характера и некоторые из последних стихотворений Хежки.

Поскольку созревание поэтического таланта Хежки проходило в Праге, то и импульсы, полученные им в 1930-е годы от чешской литературы были особенно значительны: известны не только его переводы чешской поэзии, но и его собственные стихи, написанные по-чешски. Помимо С.К. Неймана он внимательно читал В. Незвала, особенно покорила его теоретическая работа "Современные поэтические направления" (1937). К. Лоренц считает, что именно благодаря В. Незвалу усилилось увлечение Хежки поэзией Св. Чеха и К.Г. Махи⁸. Но все освоенное в чешской и немецкой поэзии преломлялось у Хежки сквозь национальную проблематику и образность; в его поэзии, наконец, окончательно был преодолен романтически-патетический пафос, в который порой впадали даже лучшие лу-

жицкие поэты, и утвердился трезвый и, как правило, горький взгляд на жизнь:

Над бездной отчаяния

На краю у мрачной бездны,
Бездны моего отчаянья
Поджидает дева Жива*,
Спать ночами не дает.
А утрами-вечерами
О любви красиво врет.

Долго ждали лучшей доли,
Боле верить невозможно,
Все, что с лужицкого поля
Пожинаешь, ненадежно.

По пути крутому, мысли,
Пролетите, день вчерашний
Разыщите, расспросите,
Как же проклятому люду
Злую долю расхлебать.
Без пути ходить в долины –
Как над бездной веселиться...

1938, перевод К. Бакбергенава

Помимо разрозненно публиковавшихся стихотворений Хежка подготовил два рукописных сборника, один из них сохранился в тетради, носящей заглавие "На пути к другой родине" (1937, 23 стихотворения). Второй – "Поэзия малой каморки" – составил и опубликовал в 1971 г. крупнейший современный серболужицкий поэт Кито Лоренц. Эти два заголовка символизируют духовное пространство поэзии Хежки, основные тенденции его лирики, где звучали отчаяние, "горький плач об утрате родины... и робкая надежда", постоянно прерываемые "предчувствиями войны и разрушений". "Но даже в приступах пессимизма и безропотного смирения лирика Хежки была и остается одним из потрясающих обвинений фашизму" (К. Лоренц). Символика "другой родины" тоже многозначна: это и Чехия, ставшая для поэта действительно второй родиной (в 1938 г. он подал про-

* Дева Жива – в серболужицкой мифологии – богиня, воплощение жизненных сил, противостоящих смерти.

шение о предоставлении ему чешского гражданства, но его не успели рассмотреть), но это и обращение к будущей родине, к грядущей Европе, свободной от фашизма, в которой должно найтись место и для Сербской Лужицы, для ее подлинного возрождения и процветания. Почти чистый лирик по складу своего дарования, Хежка не мог оставаться только поэтом "малой каморки" в столь суровое время. Свое стихотворение "Конец поэзии малой каморки" (1937) он завершил словами:

Но меня неведомая сила
Вдаль влечет, и жизнь мою пронзила
Жуткая тоска по маленькой каморке
И Поэзии. Еще не время...

Перевод К. Бакбергенова

В поэтическом творчестве Й. Новака, Я. Скалы, Я. Лайнерта и Ю. Хежки отражены основные тенденции верхнелужицкой поэзии межвоенного периода, хотя этими именами далеко не исчерпывается вся ее палитра тех лет. К примеру, в газете "Гмейска гейя" до нас дошли стихотворения Яна Хейдушки (1915–1944), соратника и современника Ю. Хежки. В 1929 г. Павел Кречмар (1898–1979), учитель и друг Ю. Хежки, с начала 1920-х годов регулярно выступавший в лужицкой и чешской прессе, опубликовал стихотворный сборник "Рай снов и былин из лужицких долин". В 1926–1932 гг. регулярно публиковал свои стихи в газетах и журналах Павел Вичаз-Хросчанский (1901–1933). Целых восемь тематически сгруппированных рукописных стихотворных сборников осталось в архивах "одного из последних младосербов"⁹ Ота Вичаза, который при жизни смог опубликовать крохотным тиражом лишь сборник "Годжийские идиллии" (1934).

Проза

Значительным этапом стал межвоенный период для развития верхнелужицкой прозы и художественной публицистики. Художественная публицистика заметно расширила свой тематический и проблемный диапазон (Я. Скала, М. Новак-Нехорнский и др.). Да и в освещении самой внутрилужицкой проблематики заметно усилились реалистические социально-критические аспекты. Ярким примером этого была статья Я. Лоренца-Залеского "Социализм у серболужичан" (1921). В ней трезво анализировались особенности политической, экономической и психологической атмо-

сферы в Сербской Лужице после первой мировой войны. Подобных материалов немало появлялось в немецко-лужицкой газете "Сербски дженик", которую редактировал Ян Скала, они публиковались и в других серболужицких изданиях. Свыше 600 очерков и статей опубликовал в 1923–1937 гг. в газете "Сербске новины" писатель и композитор **Юрий Слodenк** (1873–1945).

Особая роль в развитии жанра художественных путевых очерков и международных репортажей принадлежит художнику и писателю **Мерцину Новаку-Няхорнскому** (1900–1990), чье творчество как художника и очеркиста составило целую эпоху в серболужицкой культуре. Рано распознав опасности буржуазной нивелировки культуры, которая в условиях быстрого развития средств массовой информации грозила поглотить самобытные традиции серболужицкой культуры, он с начала 1920-х годов развернул поистине неутомимую деятельность в самых различных направлениях, стремясь всеми средствами сохранить национальный образ и облик культуры. Как фельетонист и очеркист, прошедший школу К. Чапека (целый ряд произведений которого он перевел), и мастерски владевший художественными приемами юмора, иронии и сатиры, Новак-Няхорнский опубликовал в этот период в текущей прессе свыше 200 фельетонов и очерков, развенчивавших германский национализм и великодержавный шовинизм, высмеивавших идею "расового превосходства" и "расовой неполноценности". С другой стороны, он столь же активно стремился поддержать национальное достоинство серболужичан, обращаясь к романтическим идеям славянского единства и взаимности. Для этого он переводил многих русских писателей. Одной из первых больших работ подобного рода была книга "Русские былины" (1927), в которой он пересказал русские былинные сюжеты и собственноручно проиллюстрировал их, создав один из шедевров серболужицкого книгоиздания. Как художник, график и книжный иллюстратор, он выработал свой неповторимый стиль, в котором наивно-фольклорные, мифически-фантастические и сказочные элементы выступали в едва заметных или нарочито подчеркнутых сочетаниях и комбинациях с современными и злободневными – по сей день – мотивами, что обеспечивало его рисункам популярность и художественную долговечность. Развенчивая нацистскую идеологию еще задолго до 1933., он использовал самые различные жанровые формы: большой резонанс, например, вызвала его аллегорическая сказка "Аист, король лягушек" (1929), опубликованная в самой массовой верхнелужицкой газете "Сербске новины" (в эти годы ее тираж достигал 3500 экземпляров). В ней, хотя и сказочно-фольклорными средствами, недвусмысленно проводилась мысль о том, что лужицкий народ не станет безвольной жертвой грядущего тотали-

тарного фашистского государства, не превратится в растоптанного страхом и отчаянием раба, но найдет в себе силы, мужество и волю для духовного сопротивления и самосохранения. Как измерить влияние подобной литературы на поведение лужичан в годы нацистского террора? К примеру, летом 1939 г., когда при переписи населения необходимо было ответить на вопрос о родном языке (из чувства страха и самосохранения, конечно, многие предпочли тогда написать "немецкий"), достаточно большое количество жителей Сербской Лужицы назвали своим родным языком "серболужицкий", что в секретных отчетах гестапо совершенно однозначно – и справедливо – было расценено как антифашистская политическая позиция¹⁰. С 1933 г., когда цензурные условия ужесточились, Новак-Нехорнский, чей репортаж уже в начале этого года вызвал временное закрытие газеты, стал выступать под псевдонимом "Бобак" (пугало, чучело), усовершенствовал свой "эзопов язык" и особенно искусно пользовался им в жанре путешествий, путевых заметок и репортажей. Ему удалось издать книги "В царстве Душана Сильного" (1936, о Югославии) и "По лужицким дорогам" (1937), смысл которых, правда, был быстро распознан, что привело к их запрещению и конфискации нацистами. Свои дальнейшие репортажи "Мазурские картины", "Пруссия вдоль и поперек" писатель размещал на гектографе и распространял нелегально вплоть до ареста в 1939-м.

Социально-критические реалистические тенденции в верхнелужицкой литературе этого периода получили дальнейшее развитие в прозе Я. Скалы, создавшего наряду с многочисленными публицистическими статьями великолепную повесть "Старый Шимко" (1924), в которой реалистическая точность деталей сочетается с психологической глубиной и панорамностью социального анализа. Несколько скупой набросанный эпизодов из жизни разбогатевшего лужицкого крестьянина-патриота наглядно и без дидактики представляют типично национальный характер серболужичанина, показывают социальное расслоение лужицкой деревни, вторжение капиталистической цивилизации, безоглядно разрушающей традиционные народные ценности. Социальный реализм в межвоенный период ярко представлял и Я. Лоренц-Залеский как автор разнообразной эссеистики и автобиографического романа "В тисках судьбы", при жизни, правда, не публиковавшегося. В том же русле писала и **Марья Кубашец** (1890–1976) – первая учительница-серболужичанка, публиковавшая с 1922 г. свои очерки и рассказы в газетах и в журнале "Лужица". Сюда же можно отнести и позднюю прозу **Миклавша Бедриха-Радлюбина**, написавшего в целом около 150 повестей и рассказов и ставшего наиболее последовательным продолжателем традиций Яна Вели-Радысέρба в верхнелужицкой литературе XX в.

Но уже творчество самого плодотворного и весьма популярного верхнелужицкого прозаика этого периода **Ромуальда Домашки** (1869–1945) не укладывается в рамки реализма; социально-критическое и реалистическое начало в его романах и повестях заметно ослаблено, зато значительно усилен момент занимательности. "Он был хорошим, одаренным рассказчиком, каких серболужицкая литература до него не знала"¹¹. Еще до первой мировой войны углубившись в изучение истории и мифологии, народных поверий и легенд, связанных с топографией родных мест (Домашка долгое время был священником и администратором в католическом приюте Розенталь, недалеко от Будишина), он сумел в своих многочисленных романах и повестях достаточно органично переплавить все эти знания в столь же правдоподобные, сколь и невероятные национальные сюжеты, в целом охватывающие историю Сербской Лужицы от языческих времен и до XX в. Принесший первый заметный читательский успех роман "Ведьмы" (1926, опубликован под псевдонимом Ильсан) сюжетно и тематически связан на процессах над ведьмами в начале XVII в., имевших место и в Сербской Лужице. В повести "Саксонский кавалер" (1928) уроженец Сербской Лужицы (правда, немец) оказывается любовником Екатерины II, но любовником неблагодарным, за что его долго преследуют по всей Европе, пока наконец справедливое возмездие не настигает его. В романе "Наполеон и серболужицкий солдат" (1931) служивший в саксонской армии лужичанин становится пожизненным ординарцем Наполеона (с 1796 г. и до смерти на острове св. Елены), и глазами этого лужичанина Домашка рассматривает и судьбу Наполеона, и всю европейскую историю. При всей старомодной авантюристичности и даже некоторой тривиальности названных и сходных с ними дальнейших сюжетов в глазах читателя их спасает некая наивная непритязательность добротного повествования, достоверность многих деталей, умелая привязка сюжетов к хорошо знакомым и родным топографическим приметам. Большинство романов, повестей и рассказов Домашки печатались (с продолжениями) в газете "Сербске новины", что заметно увеличило на рубеже 1920–1930-х годов тираж газеты¹². Домашка пытался осваивать и более сложные сюжеты, обращаясь к античной мифологии и стремясь использовать элементы мистической символики, как, например, в романе "Кассандра" (1932–1933), в которой современный серболужицкий литературовед Д. Шольце усматривает некоторые параллели к мистически-символическому роману Я. Лоренца-Залеского "Остров забытых", опубликованному в 1931 г.¹³

Самым крупным верхнелужицким прозаиком, действительно осваивавшим новые художественные пространства для серболужицкой прозы XX в., приобщавшим ее к новейшим философским и литературным евро-

пейским течениям был **Якуб Лоренц-Залеский** (1874–1939), чье творчество особенно ярко раскрылось в рассматриваемый период. О социально-критической зоркости и реалистической струе его творчества было сказано выше. Наряду с этим отчетливо проявилась и неоромантическая струя, в этот период отраженная в историко-мифологической повести "Сербские богатыри", доработанной до расширенного книжного издания 1922 г., и в повести "Кифко", опубликованной в 1926 г. в журнале "Лужица" и в 1936 г. отдельной книгой. Здесь своеобразно сочетаются исторически-мифологические и фольклорно-сказочные сюжеты. Но духовным завещанием и важнейшим произведением Лоренца-Залеского по праву считается роман "Остров забытых", над которым автор работал в 1917–1924 гг. Роман, по своему ритму напоминающий поэму в прозе (а еще точнее роман "Кубок метелей. Четвертая симфония" (1908) А. Белого), насыщен философской и нравственной проблематикой; в сюжете и языке неожиданно сочетаются наивно-повествовательный стиль и сложнейшая абстрактно-символическая философская метафорика. Этот роман можно интерпретировать как в рамках символизма, так и – еще точнее – как серболужицкую модификацию "магического реализма", с 1920-х годов получившего широкое распространение в живописи, а затем и в литературе Германии и Австрии¹⁴.

Начнем с интерпретации названия романа. Понятие "край забытых" (Богом) встречается уже в Библии (88-й псалом); страна блаженных (Элизиум) есть в древнегреческой мифологии. В романе Лоренца-Залеского образы "острова забытых" и "рая забытых" варьируются. Понятие "острова" как места между земным и небесным бытием встречается в представлениях католической теологии, а также в тяготеющих к мистицизму трудах философов-идеалистов – от Плотина до Рудольфа Штайнера (1861–1925); произведения которых Лоренц-Залеский читал, как читал "Божественную комедию" Данте и "Метаморфозы растений" Гёте, "Парцифаль" Вольфрама фон Эшенбаха и "Гиперион" Гёльдерлина, труды Фихте и Шопенгауэра – вкрапленные в текст романа реминисценции современное литературоведение постепенно обнаруживает и описывает¹⁵. Небезынтересна также и очевидная связь названия романа "Остров забытых" – с названием и сюжетом картины швейцарского художника-символиста Арнольда Бёклина (1827–1901) "Остров мертвых" (различные варианты картины создавались в 1880–1896 гг.). На одном из вариантов картины изображен небольшой скалистый остров, на котором есть признаки прежней жизни в виде вписанных в скалы строений с окнами. Но краски сгущены и положены так символически зловеще, что и без названия картины можно догадаться, что остров – мертвый. На переднем плане – вода и лодка, на которой размеще-

ны три человеческие фигуры, и, судя по положению весел в руках одного из сидящих, лодка отплывает от мертвого острова. Несомненным представляется, что Лоренц-Залеский знал картину Бёклина и по-своему использовал этот сюжет в романе. Среди вариантов интерпретации начала романа представляется возможным и такой: автобиографический герой (я или Лоренц-Залеский; Залеский – псевдоним, то есть живущий за лесами) в положении безвыходного отчаяния покидает "остров мертвых", чтобы плыть на "остров забытых" – понятие, в дальнейшем получающее в романе самую различную расшифровку (край, где живут серболужицане, "рай забытых"; Элизиум и т. д.). Многие реальные приметы того места, от которого герой начинает свой исход (поездку, путешествие) напоминают "Остров мертвых" Бёклина: два окна; лестница, по которой герой спускается к воде; наконец, *čólmik* (челн), на котором он отправляется в путешествие. Момент сходства экспозиции романа с картиной Бёклина существенно углубляет символику романа: "остров мертвых" и "остров забытых" зеркально отражают друг друга – их связывает не только герой, переплывающий за год и шесть дней с одного острова на другой, но и проблемы, вообще встающие перед человеком, пытающимся найти свое место в божественном мироздании (роман написан глубоко верующим католиком).

Основной конфликт романа определяется полем напряжения между тремя величинами: "Я" (ищущий свою идентичность главный герой Якуб Залеский), "Бог" (отдаленная, независимая и истолковываемая в трансцендентальном плане величина) и "Сербство" (находящееся под угрозой уничтожения своего национального бытия). Духовному созреванию "Я" во время пребывания на "острове мертвых" способствуют встречи со Смертницей, олицетворяющей Мудрость, Любовь и Смерть, и с представителями серболужицкой духовности (М. Далиборский, М. Горник, М. Андрицкий и др.). Поиски героя постепенно приводят к интеграции в его душе трех вышеназванных величин: герой избирает себе путь духовборца, решившего отдать все свои силы спасению национального этноса. И все же это – лишь самая приблизительная канва трактовки содержания романа. Большинство образов произведения – гораздо многозначнее. Так, Смертница – не только олицетворяет мудрость, любовь и смерть, не только "проводница" героя к "острову забытых", но герой узнает в ней свою бывшую возлюбленную и жену, она же на некоторое время принимает на себя роль лужицкой Беатриче, указывающей своему поэту пути и смертельные опасности на "острове забытых". Но еще больше моментов, роднящих Смертницу с женскими персонажами серболужицкой мифологии и фольклора. Во всех эпизодах "романа ищущей сербской души" (таков подзаголовок "Острова забытых") сразу же можно увидеть, по крайней мере, два яруса или уровня:

уровень отражения реальной действительности, которая заставляет героя страдать и радоваться, и уровень мифологически-эстетический, на котором разворачиваются многочисленные варианты поисков духовно-практического выхода из жизненного тупика, поисков, где автор в произвольной последовательности привлекает на помощь или на помеху своему герою всю доступную ему историю духовных исканий человечества. Понять произведение можно лишь постоянно сопоставляя оба этих уровня – только так устраняются противоречия и несогласованности отдельных эпизодов, поскольку "душа" героя организует романную действительность, произвольно формирует ее, вызывая к жизни необходимые ей конфликты и эпизоды¹⁶. Место "Острова забытых" в серболужицкой литературе первой половины XX в. по-своему уникально, потому что рядом с ним пока, кажется, просто нечего поставить – ни по глубине экзистенциального освоения проблемы жизни и смерти, ни по уровню философско-эстетического подхода, ни по оригинальности формы. Но представляется, что дальнейшие исследования позволят восстановить связи этого романа с национальной философской, мистической и литературной традицией (Ханцо Непила, Кито Фриц Стемпель, Герта Вичаец, Миклавш Андрицкий и др.) и европейскими символистами.

Драма

Драматургия в межвоенный период развивалась достаточно интенсивно, но в литературном отношении продолжала заметно уступать поэзии и прозе. Объясняется это не только отсутствием профессионального театра, но и еще и отсутствием профессионального национального зрителя: представители национального возрождения и развивавшие их традиции "младосербы" приучали своих слушателей и зрителей к массовой зрелищности, массовая зрелищность требовала плакатности, простоты и общедоступности сюжета и содержания. Все это в рассматриваемый период было достигнуто; серболужицкие крестьяне и пролетарии полюбили массовые зрелища под открытым небом: в 1928 г. таким образом трижды ставилась драма Р. Домашки "Рожанчанские находки", варьирующая на местном материале общедоступные мотивы превосходства христианской веры над языческой; пьесу смотрели тысячи жителей, приходившие нередко из отдаленных деревень. Особой популярностью пользовалась историческая и социальная тематика, тем более если она укладывалась в местные предания и отражала лужицкую историю и современность. Социальной проблематике были посвящены несколько пьес Юрия Вели (1892–1969), пользо-

вавшие особой популярностью любительских театральных коллективов и собираемых ими на свои представления зрителей. На студенческих и молодежных сходках, напротив, гораздо больший энтузиазм вызывали национально-патриотические сюжеты, где исторические и мифологические темы истолковывались в дидактически осовремененном и патетическом стиле – яркий пример этого типа "студенческих" драм являет собой сценическое творчество Йозефа Новака, когда драматургу чаще всего приходилось становиться и режиссером собственных пьес. В 1921 г. отдельной книгой в Будишине была издана драма Юрия Слоденка "Наполеон", но какого-нибудь резонанса она не вызвала.

В то же время при всех эстетических слабостях этой массовой драматургии она сыграла в рассматриваемый период очень важную консолидирующую роль, поддерживая столь необходимый серболужичанам дух коллективной солидарности, который только и мог сохранить единство народа в годы фашистского террора. Выразителем этих тенденций народной солидарности стала в 1930-е годы драматургия Юрия Вели. Ю. Веля, выступивший как прозаик еще до первой мировой войны, вошел в историю серболужицкой литературы прежде всего как автор социально-критических и антифашистских пьес "Хозяин и работник" (1931), "Дракон" (1936), а также пьес на народно-мифологические ("Загубленная невеста", 1935) и исторические ("Наш дом", 1937) сюжеты. Событием общенационального характера стала пьеса "Дракон", в которой Веля, используя христианскую легенду о Георгии Победоносце, заложил в подоплеку сюжета весьма злободневную аллгорию о необходимости сопротивления фашизму и о его неизбежном крушении. В условиях ужесточавшегося террора пьеса разучивалась любительскими коллективами Домовины и служила духовным ориентиром и важным средством народного сплочения, даже если сама постановка властями не разрешалась. Одна из самых последних постановок "Дракона" состоялась в августе 1936 г. на традиционной встрече лужицких студентов, ей не смогли помешать и засланные туда специально группы нацистов¹⁷.

НИЖНЕЛУЖИЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Поэзия

Для нижнелужицкой поэзии, начиная с 1920-х годов, особое значение имело поэтическое творчество **Мины Виткойц** (1893–1975), крестьянки, рано оставшейся сиротой, с трудом окончившей деревенскую школу, а далее обучавшейся в "университетах" жизни (в том числе 10 лет в Берлине).

Ее первые стихотворения на нижнелужицком языке были опубликованы в 1922 г. в журнале "Лужица". В 1925 г. вышел сборник "Нижнелужицкие стихотворения", имевший успех и переизданный в 1931 г. Необходимо упомянуть и сборник "Венок цветов из Блот" (1934), утвердивший за Виткойц славу живого классика. Особая черта лирики Виткойц состоит прежде всего в органическом сплаве фольклорной и литературной традиции, причем как верхнелужицкой (Г. Зейлер, Я. Барт-Чишинский), так и нижнелужицкой, наиболее заметно в то время представленной в творчестве Мато Косыка и Фрицо Рохи.

Незаурядные способности М. Виткойц сказались в самых различных сферах: в 1923–1931 гг. она редактировала ежедневную нижнелужицкую газету "Сербски касник" ("Serbski Casnik"), регулярно выступая с яркими политическими статьями и репортажами; много сделала она и как переводчица с верхнелужицкого, русского, чешского и словацкого языков; принимала участие в работе международных форумов (в том числе в Конгрессе европейских национальных меньшинств в Женеве в 1926 г.). Уже в годы Веймарской Республики Виткойц привлекалась к суду за "антинемецкую деятельность", в 1933 г. ей было запрещено заниматься журналистикой и литературным творчеством. До 1941 г. она перебивалась случайными заработками в лужицких деревнях в качестве наемной рабочей силы. В 1941 г. ей было запрещено проживание на территориях обеих Лужиц, и она перебралась в Эрфурт, где возможности заработать на существование были еще более стесненными. Но природное жизнелюбие и сохранявшаяся надежда на поражение фашизма помогли ей пережить и эти, самые страшные годы.

Уже первые опубликованные стихотворения Виткойц позволяют заметить своеобразие ее дарования. Даже обращаясь к самым традиционным и уже "затасканным" со времен романтизма национально-патриотическим темам, она не перепевает избитые мотивы, но ищет собственные подходы:

В глубоком сне почивает
Забывтый наш сербский люд.
Древние боги кивают,
С ухмылкой к себе зовут.

Очнись, – к небу взор обращая,
Сам ввысь подниматься учишь,
Смотри: от края до края
Раскинуло солнце лучи!

"Сон". 1922

Уже здесь обнаруживаются мотивы, предваряющие поэтические манифесты Ю. Хежки 1930-х годов. Но еще поразительнее то, как в рамках лирической миниатюры снимается противоречие между реалистически-романтическим взглядом на действительно суровую для серболужицкого этноса реальность и национально-романтическим пафосом, от переизбытка которого в проигрыше, как правило, оказывалась сама серболужицкая поэзия. Развенчивая заклишированные романтические заклинания языческих божеств (которые звучали оригинально, даже замечательно в начале XIX в., но выглядели анахронизмом в XX в.), М. Виткойц переводит во второй строфе разговор в естественно-природную плоскость, взывая к естественному для человека (и для народа как целостного живого организма) стремлению прожить полноценную и насыщенную жизнь, раскрыть свои лучшие природные возможности.

Особое художественное впечатление производит пейзажная лирика М. Виткойц, многие ее стихотворения несколько не проигрывают даже при сравнении с такими корифеями, как Г. Зейлер и Я. Барт-Чишинский, более того, начинает казаться, что она прошла выучку у Ф.И. Тютчева и русских символистов, отнюдь не потеряв при этом национально окрашенной образности.

Ночной совой кружусь в лесу запорошенном
Одна. Моих заветных дум никто не знает.
Лишь ночь глазами звезд понятливо кивает.
И ясность духа мысль моя хранит.

Как славно здесь в лесу, в молчанье погруженном!
Приметен каждый звук: вот ветка заскрипела,
Вот снег шуршит, и льдинка прозвенела.
И ель печальная вздыхает и молчит.

В кристаллах снежных белое молчанье
Смягчает шаг, как в праздничных хорах.
И мысли праздничной одеждой наряжает,
Как простынь белая к покою призывает –
Здесь скован жизни ток в ветвах зеленых
Одним лишь дуновеньем мирозданья.

Но тише, чем застывший лес зимой
Заковано смертельной немотой
То сердце, чья звезда на небе закатилась.

Покой душевный... Мудростью такой
Те могут щеголять, кто счастье знал,
И те, кому Господь возможность дал
Забывать, как в юности живое сердце билось.
"Зимний лес": 1937

Представляется, что подобные стихотворения могут претендовать на то, чтобы пережить свое время и эстетически оправдать все те неимоверные усилия, которые прилагали нижнелужицкие патриоты, чтобы создать письменный нижнелужицкий литературный язык при отсутствии реальных социальных и этнокультурных предпосылок для нормального функционирования нижнелужицкого разговорного литературного языка, который ни в этот период, ни в последующем так и не смог сформироваться; разговорный нижнелужицкий язык продолжал бытовать лишь в форме исторически унаследованных диалектов. Разреженный этнокультурный ландшафт Нижней Лужицы очень живо и наглядно изображен в художественных очерках и воспоминаниях М. Виткойц: она рассказывает, как пешком ходила из деревни в деревню, распространяя и пропагандируя редактируемый ею "Сербский часник", пытаясь вернуть наполовину онемеченное население к родной речи и к родной письменности.

В одном из таких "путешествий" она познакомилась с двумя сестрами, которые жили в деревне, но работали на расположенной неподалеку ткацкой фабрике. Знакомство переросло в дружбу, особенно, когда обнаружилось, что обе сестры владеют сочным народным словом, помнят многие народные песни и легенды, и сочиняют собственные песни. Так в нижнелужицкую литературу вошли еще две талантливые народные писательницы: Лиза Домашкойц (1869–1935) и Марьяна Домашкойц (1872–1946). Их стихотворения с 1925 г. стали регулярно печататься в серболужицкой прессе. М. Домашкойц вначале надиктовывала свои стихотворения и очерки, но затем выучилась писать; все ее письменные тексты в той или иной степени диалектально окрашены. В 1927 г. подборка "Венок стихотворений" М. Домашкойц была опубликована в "Часописе Матицы серболужицкой", что означало признание ее таланта уже и верхнелужицкой общественностью. В 1931 г., отработав 44 года на фабрике, М. Домашкойц была уволена без пенсионного пособия, осталась в деревне и жила крестьянским трудом.

В ее лирике нет образной изощренности, свойственной многим стихотворениям М. Виткойц, но в ней нет и жалоб на тяжелый труд и непосильные тяготы жизни. Она воспевает приход весны и традиционные праздники ("Троица", 1927), с юмором описывает незатейливые сюжеты из

крестьянского быта ("Убитая курица", 1928), ищет любую возможность поддержать оптимизм и веру в будущее. Описывая светлый пасхальный день и ликование природы, она в последних строфах стихотворения органично переходит от религиозного сюжета к размышлениям о судьбе своего народа, сравнивая его с ручьем, вытекающим из чистых родников и неизбежно устремляющемся вдаль, "в чужое море"; стихотворение заканчивается призывом к сплочению народа, ибо только осознанное единство поможет лужицкому "ручью" не раствориться бесследно "в чужом море" ("Пасхальный праздник", 1927). Ее стихи были доступны, легко превращались в песни и способствовали возрождению интереса к родному языку и его сохранению.

Усилия М. Виткойц, сестер Домашкойц, Ф. Рохи, Б. Швели по пропаганде нижнелужицкого языка и литературы в этот период были активно поддержаны представителями верхнелужицкой (А. Мука, О. Вичаз) и чешской (А. Черный, Й. Пата, Л. Куба и др.) интеллигенции. Чех Вацлав Срб (1901–1976), сын крестьянина из пражского предместья, еще в школе обнаружил необыкновенные способности к иностранным языкам и в числе других языков овладел нижнелужицким, на изучение которого его особенно вдохновили статьи **Людвига Кубы** (1863–1956), чешского художника, музыканта и писателя, часто бывавшего в Сербской Лужице и издавшего в 1925 г. в Праге книгу статей о серболужицкой народной культуре. С 1925 г. В. Срб стал публиковать в "Сербском цаснике" свои стихотворения на нижнелужицком языке, он избрал себе литературный псевдоним **Вецслав Серб-Хейницанский** и под этим именем вошел в историю нижнелужицкой литературы как поэт, развивавший традиции Я. Барта-Чишинского. Особенно значителен его вклад как пропагандиста чешской поэзии: в его переводах на нижнелужицком языке опубликованы стихотворения и поэмы К.Я. Эрбена, П. Безруча, Я. Врхлицкого и К.Г. Махи. Он дружил с М. Виткойц и М. Домашкойц, писал рецензии на их произведения и предисловия к их книгам.

Все это привело к оживлению литературной и культурной жизни в Нижней Лужице. Организаторские способности и умение найти и привлечь талантливых сотрудников помогли М. Виткойц поднять тираж "Сербского цасника" с 200 экземпляров в 1923 г. до 1200 экземпляров в 1926 г. Сама М. Виткойц перевела в эти годы с чешского три повести Божены Немцовой, в том числе "Дикая Бара" и "В замке и около замка". Это очевидное повышение интереса к нижнелужицкому языку и литературе на нем было замечено и М. Косыком, эмигрировавшим в США, но пытавшимся поддерживать контакты с родиной. Его стихотворения снова начинают публиковаться в нижнелужицкой прессе, и в 1929–1930 гг.

Богумил Швеля (1873–1948) опубликовал два первых тома собрания сочинений М. Косыка, оставшегося до сих пор незавершенным. Позднее творчество Косыка отражает тяжелую жизнь серболужицких эмигрантов в США, целый ряд сюжетов посвящен североамериканским индейцам, в судьбе которых поэт обнаруживал своеобразную параллель к истории нижнелужицкого этноса. В целом поздние стихи М. Косыка насыщены социально-религиозными мотивами.

Проза

Нижнелужицкая проза этого периода заметно уступает поэзии и в основном исчерпывается произведениями вышеназванных поэтов. В рассматриваемый период в Нижней Лужице так и не развился самостоятельный жанр романа. Наиболее заметный вклад в развитие нижнелужицкой прозы внесла М. Виткойц, достоинства поэзии которой окрасили ее художественные очерки, рассказы о природе, публицистические статьи и произведения автобиографического характера. Наиболее бесспорную художественную ценность сохраняют ее рассказы и очерки о родной природе, живописных местах на реке Спреве (Шпреевальд), в которых органично соединяются тонкое поэтическое восприятие природы с реалистической зоркостью и точностью в описаниях социальной действительности, фрагменты которой вкрапляются в повествование как бы ненароком ("Наше Блото", 1923; "Весенняя ночь в наших Блотах" и др.). Другую группу составляют художественные пересказы (с авторскими дополнениями и вкраплениями) местных легенд и рассказов бывалых людей. В этих сюжетных рассказах заметнее всего воздействие фольклора, но этот фольклор весьма своеобразный, тщательно профильтрованный и пересказываемый с определенными просветительскими целями. Рассказы автобиографического характера М. Виткойц тоже стала писать уже в 1920-е годы, запечатлевая в них заинтересовавшие ее события или описывая свои знакомства с людьми, сыгравшими важную роль в ее жизни: очерк о сестрах Домашкойц ("Воспоминания о глиняной хижине", 1926), о своем знакомстве с А. Мукой и другими видными учеными и писателями.

Для современников большое значение имела политическая публицистика М. Виткойц, в которой она откликалась (в том числе и в роли главного редактора "Сербского часника") на многие актуальные проблемы. Образцом здесь может служить очерк "Мысли о войне" (1924), непосредственно обращенный к лужицким женщинам, которых М. Виткойц призывает активнее включаться в общественную и политическую деятельность;

не ожидая пассивно, пока их мужей и сыновей снова погонят на братоубийственную войну.

Немало рассказов и очерков опубликовали в 1920–1930-х годах в "Сербском паснике" **Фриц Рох** (1863–1942) и Богумил Швеля. Оба великолепно знали нижнелужицкий фольклор, народные поверья и обычаи, но главное – многовековую историю и ежедневную жизнь своего народа. Многие рассказы Ф. Рохи обращены к детям и школьникам, они носят сказочный или – точнее – сказовый характер. Но ему же принадлежит и цикл реалистических рассказов "Из жизни Ветошова" (1927) (поселка, расположенного к западу от Хочебуза), в которых взятые за основу реальные события обрабатываются фантазией таким образом, что приобретают обобщающее значение и Ветошов превращается в реалистически-поэтический символ Нижней Лужицы. Б. Швеля, крупнейший нижнелужицкий ученый (лингвист, этнограф, топограф, культуролог и литературовед), мастерски обрабатывал народные мифы и легенды, преобразовывая их в психологические новеллы ("Анка и водяной", 1927) или притчеобразные нравоучительные рассказы.

Драма

Что же касается драмы, то нижнелужицкие писатели в этот период не продвинулись дальше натуралистических сюжетов, которые представляли собой не столько портрет эпохи на примере глубоких психологических конфликтов, сколько ряд соположенных "сцен", которые должны были наглядно воспроизводить внешнюю фактуру жизни и вытекающие из нее конфликты. Типичным примером подобной драмы является пьеса М. Домашкойц "Из жизни бедноты" (1929), которая в самой Нижней Лужице в этот период так и не была поставлена, зато была переведена на чешский язык и с 1932 г. неоднократно игралась в Праге и других чешских городах. Но с точки зрения активно развивавшейся в Европе социалистической литературы пьесу эту высоко оценивали и тогда и впоследствии как одно из немногих произведений того времени в нижнелужицкой литературе, которое попадало в контекст формировавшегося тогда социалистического реализма¹⁸. Две комедии написала М. Виткойц, но и они представляют собой скорее реалистически-юмористические сцены из деревенской жизни. Комедия "Фриц и Майка" была опубликована в 1935 г. в журнале "Лужица".

Подводя общие итоги литературного развития в Верхней и Нижней Лужицах, можно констатировать, что межвоенный период (в Сербской

Лужице этот период завершается в 1937 г., когда национал-социалисты запретили серболужицкую национальную прессу и книгоиздание, и для литературы наступил период нелегального существования) в целом был плодотворным не только для верхнелужицкой литературы, где наряду с поэзией достаточно интенсивно развивались прозаические жанры, но и для нижнелужицкой литературы, где заметно повысился интерес читателей к литературе на родном языке, что, в свою очередь, не могло не сказаться и на самой литературе. И дело не только в том, что в лице М. Косыка, Ф. Рохи и М. Виткойц нижнелужицкая поэзия по художественному уровню сравнивалась с верхнелужицкой, но и в том, что несмотря на первую мировую войну и разруху диалог между двумя родственными литературами не прервался, но еще более укрепился по сравнению с предшествующим периодом. Показательно и то, что интерес чехов к серболужичанам в этот период фактически равномерно распределялся между обеими Лужицами. Но серболужицкому этносу и литературе предстояли впереди гораздо более драматические испытания.

¹ Названные события подробно, с использованием открывшихся архивных документов, освещены в опубликованной диссертации: *Remes F.W. Die Sorbenfrage 1918–1919. Untersuchung einer gescheiterten Autonomiebewegung.* Bautzen, 1992.

² Цит. по: *Serbska čitanka – Sorbisches Lesebuch.* Hrsg. von K. Lorenz. Leipzig, 1981. S. 709.

³ *Geschichte der Sorben.* Bd. 3. Von 1917 bis 1945. Bautzen, 1976. S. 89–91.

⁴ *Serbska čitanka.* S. 710.

⁵ *Serbska čitanka.* S. 398.

⁶ *Gmejska heja* – палка определенной формы, которую по старинному лужицкому обычаю передавали из дома в дом и посредством которой извещали о смерти и несчастьях.

⁷ Цит. по предисловию К. Лоренца в издании: *Хэжка Ю. Поэзия малой каморки.* Алма-Ата, 1985. С. 8.

⁸ Там же. С. 7.

⁹ *Scholze D. Stawizny serbskeho pismowstwa. 1918–1945.* Budyšin, 1998. S. 113. О Вичазу посвящена также диссертация Франца Шёна (1983), к сожалению, до сих пор не опубликованная.

¹⁰ *Geschichte der Sorben.* Bd. 3. Von 1917 bis 1945. Bautzen, 1976. S. 178.

¹¹ *Scholze D. Stawizny serbskeho pismowstwa.* S. 109.

¹² Там же. С. 110.

¹³ Там же. С. 106–107.

¹⁴ См. монографию: Гугнин А.А. Магический реализм в контексте литературы и искусства XX в.: феномен и некоторые пути его осмысления. М., 1998. 15. См.: Scholze D. Jacob Lorenz-Zalęski // "Letopis" 42 (1995) 1. S. 106–118.

¹⁶ Более подробный литературоведческий анализ романа см.: Гугнин А.А. Концепция личности в серболужицком модерне // Человек в контексте культуры. Славянский мир. М., 1995. С. 158–164.

¹⁷ Geschichte der Sorben. Bd. 3. S. 89–91.

¹⁸ Nowotny P. Dolnosorbiske pismowstwo 1918–1945. Budyšin, 1983. S. 70.

В ТИСКАХ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА

Официально вторая мировая война началась 1 сентября 1939 г., фактически же – намного раньше: уже в марте 1938 г. немецко-фашистские войска захватили Австрию, в октябре того же года – Судетскую область в Чехии. Что же касается серболужичан как славянского национального меньшинства в Германии, никогда не имевшего национальной автономии, то национал-социалисты, естественно, стремились завершить внутреннюю "войну" с ними как можно раньше – до начала наступательных операций на другие государства.

В дискриминационной политике национал-социалистов по отношению к серболужичанам отчетливо различаются два этапа: с 1933 г. до марта 1937 г. и с 18 марта 1937 г. до мая 1945 г. В первый период – при всей жесткости в отдельных конкретных случаях – национал-социалисты стремились и надеялись ассимилировать серболужичан постепенно и мирными средствами. 12 апреля 1933 г. на неделю была запрещена газета "Сербские новины" – нацистам не понравился один из репортажей Мерчина Новака-Нехорнского. Из редакции газеты были удалены неугодные лица, а из единственного серболужицкого издательства, где публиковались все лужицкие газеты, журналы и большинство книг, – наиболее неугодные члены редакционного и попечительского совета: Новак-Нехорнский, Лоренц-Залеский, Мина Виткойц и др. Одновременно всем им запретили писать и печататься. 21 апреля того же года были произведены домашние обыски у 21 деятеля серболужицкой культуры, несколько человек (в том числе и Новак-Нехорнский) были арестованы. Но тут же последовали международные протесты, особенно из Чехословакии (Академия наук, Союз писателей и т. д.). Такая ситуация в тот период была невыгодна нацистскому руководству, и репрессии временно прекратились, серболужицкая пресса и книгоиздание продолжали функционировать. Запреты и изъятия книг (как случилось, например, с изданием "Силезских песен" П. Безруча в 1935 г.) стали носить не систематический, а "профилактический" характер. В 1936 г. Ян Скала получил запрет на редактирование журнала Союза национальных меньшинств Германии "Культурвер" ("Kulturwehr"), одновременно его исключили из Имперской палаты письменности. В 1934 г. была арестована талантливая журналистка Марья Грольмузец (1896–1944), об-

виненная в нелегальной антифашистской деятельности; после десятилетнего заключения она умерла в концлагере Равенсбрюк¹. Для достижения своих целей фашисты использовали также испытанный прием переселения наиболее активных представителей серболужицкой интеллигенции за пределы Сербской Лужицы.

По планам нацистского руководства "Вендского отдела" в Министерстве внутренних дел Домовина должна была из национальной организации превратиться в территориальную, то есть открыть доступ немцам, которые, превосходя серболужичан численностью, довольно быстро заняли бы ведущие позиции, превратив Домовину в безвредную для них националистическую организацию и подавив тем самым всякую возможность массового национального сопротивления. Четыре года нацисты вели массированную психологическую обработку Домовины, сопровождавшуюся шантажом и выборочными репрессиями; в начале 1937 г. руководству Домовины был представлен ультимативный проект устава "Союза говорящих по-вендски немцев", при условии принятия которого должна была сохраниться и Домовина и лужицкая пресса. Но за это серболужичане должны были добровольно признать себя "немцами", хотя и говорящими "по-вендски", то есть по-серболужицки. Момент, казалось бы почти формальный, но тем не менее подводящий еще более мощное основание под и без того ускорявшиеся ассимиляционные процессы. Руководство Домовины во главе с молодым и энергичным патриотом, ученым-филологом и писателем Паволом Недо (1908–1984), отказалось признать этот ультимативный устав, унижавший национальное достоинство. Это решение Домовины отразило мужество и энергию народа, так и не сломенного за многие века экономической, правовой и культурной дискриминации и сохранившего волю к жизни.

18 марта 1937 г. Домовина (не запрещенная формально) была упразднена фактически: запрет на публичное употребление серболужицких языков, ликвидация всех печатных органов Домовины, роспуск Матицы серболужицкой, закрытие издательства и типографии, арест архива и библиотеки, приказ об изъятии серболужицких книг из всех публичных библиотек. Но еще в апреле 1937 г. лужичанам удалось осуществить крупную антифашистскую акцию, ставшую последней публичной антифашистской демонстрацией в Сербской Лужице. В Хохкирхе и при большом стечении народа из прилежащих к нему местностей состоялась постановка пьесы Юрия Вели "Наш дом", хотя сам автор уже был выслан за пределы Лужицы, а всякие публичные театральные представления запрещены. Историческая драма на сюжеты Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. с аллегорической антифашистской подоплекой была разыграна как пантомима (власти

растерялись, поскольку на пантомимы прямого запрета не было), по ходу которой ведущий разъяснял зрителям смысл происходящих на сцене событий². То, что фашистам даже в условиях легализованного террора не удалось сломить Домовину, свидетельствует не только о духовной стойкости ее руководства, но и о ее действительно тесной связи с народом, об исторической ответственности перед ним. В воспитании чувства национального достоинства, ответственности за будущее огромную роль сыграла серболужицкая литература, непрерывно поддерживавшая и обновлявшая традиции, сложившиеся в эпоху национального возрождения.

Запрещение Домовины сопровождалось и негласным предписанием немецкой прессе: избегать каких бы то ни было сообщений и заметок о серболужичанах, запрещалось даже употреблять сам этноним "серболужичане" (Sorben, Wenden)³. Сумевшие сохранить контакты и оставшиеся на свободе члены Домовины приступили к организации антифашистского сопротивления, которое в условиях Сербской Лужицы выражалось в распространении нелегально публикуемых антифашистских материалов и в их распространении. Новак-Нехорнский в своих очерках, нелегально отпечатанных на гектографе, сообщал об акциях антифашистского сопротивления со стороны представителей польского национального меньшинства в Германии, молодой историк и филолог **Фридо Метшк** (1916–1990) публиковал и распространял нелегально свои антифашистские стихи, то же делал и Ота Вичаз, изобразивший в стихотворении "В помощь" (1941) переход от состояния полного отчаяния, вызванного первыми успехами фашистских войск в Советском Союзе, к надежде, которая, по мнению поэта, должна подкрепляться и активными действиями. Уже сам факт продолжающейся жизни запрещенного серболужицкого языка был актом сопротивления, актом поддержания национального самосознания. Подобным же актом было и распространение правдивой информации о положении на фронтах второй мировой войны, об акциях антифашистского сопротивления в сопредельных славянских странах. Активное участие в подобной работе принимали ученые и писатели Павол Недо, Ян Скала, Мина Виткойц, **Ян Цыж** (1898–1985), **Курт Кренц** (1907–1978), **Юрнй Кубаш-Ворклевчан** (1902–1983), **Фридо Метшк**, **Лоренц-Залеский**, молодой **Юрий Брезан** (род. в 1916 г.) и др. Целый ряд писателей подвергался долгосрочным или кратковременным арестам, что нередко подрывало их психику и здоровье (Я. Скала, Лоренц-Залеский).

В то же время даже национал-социалисты должны были в первые годы удерживать свою репрессивную политику по отношению к национальным меньшинствам в Германии в определенных рамках, поскольку она могла вызвать соответствующую реакцию в сопредельных государствах,

где проживали немцы. Так, Я. Скала, которому уже в 1935 г. запрещали журналистскую деятельность, был в 1938 г. арестован нацистами, но под давлением международной общественности через год выпущен из нацистских застенков. Унижения и издевательства в тюрьме подорвали физическое и духовное здоровье писателя. Лишенный возможности публиковаться, он живет то в Берлине, то в Будишине; в 1943 г. перебирается к своей семье, жившей в Польше, и погибает в начале 1945 г.

Для более глубокого понимания ситуации в Сербской Лужице до начала второй мировой войны необходимо учитывать как международный контекст, так и изменения ситуации внутри самой Германии. Когда в 1933 г. в Сербской Лужице началась первая волна фашистских репрессий, чехи активно участвовали в организации международных акций протеста, что, по-видимому, и заставило национал-социалистов приостановить репрессии до 1937 г. Осенью 1934 г. в Пражском Карловом университете была открыта первая в мире кафедра серболужицкого языка, литературы и истории культуры, которую возглавил профессор Йозеф Пата, расстрелянный фашистами в 1942 г. в связи с покушением на Гейдриха. Крупнейшим достижением польской сорабистики межвоенного периода стала "Серболужицкая литература" (1938) Йозефа Голамбека (1889–1939), до сих пор не превзойденная по своей фактической и источниковедческой насыщенности. И в самой Германии – несмотря на все запреты и репрессии – профессор славистики берлинского университета Макс Фасмер (1886–1962) продолжал поощрять и публиковать сорабистические исследования, в том числе и в издававшемся им журнале. В университете в Галле продолжал вести нелегальные сорабистические исследования профессор Дмитрий Чижевский⁴.

Летом 1938 г. было запрещено преподавание серболужицкого языка в школах, где обучались лужичане. Единственным общественным местом, где еще звучал серболужицкий язык оставалась церковь: в 21 евангелической и 10 католических церквях продолжали звучать проповеди и религиозные псалмы на обоих серболужицких наречиях. Договор Германии с Ватиканом, заключенный еще летом 1933 г., предусматривал право изданий религиозных книг и прессы на верхнелужицком языке. Газета "Катольский по́сол" ("Katolskij Posoł") была окончательно запрещена в июле 1939 г. и до этого времени оставалась последним легальным органом серболужицкой письменности. Некоторые материалы этой газеты представляют собой тексты с двойным "дном": национально-патриотическое или даже антифашистское содержание преподносится в абстрагированно-религиозных сюжетах и формах. Так, писатель-католик Михал Навка сочинил в 1935–1940 гг. шесть религиозных "военных хоралов", которые лужичане читали

и пели как религиозные тексты, но которые по существу говорили о современности и призывали лужичан к духовному сплочению перед лицом нависшей опасности. Один из этих "хоралов" "Со всех сторон грозят нам беды" ("Ze všech stran nam strachí hroža") был опубликован в мае 1939 г. в газете "Катољски посол" и, видимо, внес свою лепту в окончательное за-прещение газеты. Подобные же "псалмы" и "хоралы" на нижнелужицком языке писали Богумил Швеля и Фридо Метшк.

Талантливым журналистом и патриотом Сербской Лужицы успел заявить себя Алойс Андрицкий (1914–1943), активно публиковавшийся в журнале "Сербский студент" ("Serbski Student") в 1933–1937 гг. В 1936–1937 гг. он возглавлял журнал до последнего номера, публикуя материалы с патриотическим и антифашистским подтекстом. В статье "Народная честь и честь лужицкого серба" ("Narodna česć a česć Serba", 1936. № 12) он напомнил, например, о серболужицком национальном возрождении XIX века, о патриотической деятельности молодого Я. Барта-Чишинского. В одном из самых последних номеров журнала он живописно описывает свою поездку в Польшу, делая акцент на внутреннем единстве польского народа, на его любви к своей родине и к своему языку – и тем самым снова напоминает своим читателям о необходимости патриотического единства в собственных рядах. До 1941 г. Андрицкий служил капелланом при католической церкви в Дрездене, позволяя себя критически высказываться о нацистском режиме. В январе 1941 г. он был арестован гестапо и умер от голода и тифа в концлагере Дахау.

15 марта 1939 г. фашисты оккупировали Чехословакию, где проживал единственный из известных серболужицких писателей-эмигрантов Юрий Хежка. Хежку неоднократно вызывали на допросы в гестапо, в июне того же года арестовали, отправили в дрезденскую тюрьму, а осенью мобилизовали в вермахт. Он побывал как солдат во Франции, в Болгарии и Греции, посылая в Прагу своему другу Миклаву Кречмару (издавшему в 1961 г. его сохранившееся стихотворное наследие) написанные по-верхнелужицки и к тому же еще зашифрованные иносказаниями письма. Между 13 и 17 октября 1944 г. Хежка пытался дезертировать из фашистской армии и добраться до югославских партизан. С этого момента о его жизни больше ничего не известно.

В 1944 г. гестапо арестовало восемь участников серболужицкой группы антифашистского сопротивления, среди них были Ян Цыж и Павол Недо, председатель Домовины. Я. Цыж сумел сбежать из дрезденской тюрьмы во время одной из бомбардировок Дрездена. Павол Недо был освобожден из потсдамской тюрьмы Советской Армией.

Удар по серболужицкому этносу за годы фашизма был нанесен колоссальный. Тотальный запрет на родной язык в годы фашизма не поддается сравнению со всеми предшествовавшими запретами в истории Сербской Лужицы. При всем мужестве, какое проявили серболужичане при переписи 1939 г., когда необходимо было в специальной графе указать родной язык, размывание этноса все же ускорилося. Современный немецкий писатель **Йоахим Новотный**, имеющий в своем роду серболужицкие и польские корни и в раннем детстве слышавший вокруг себя славянскую речь, свидетельствовал, что его дед, желавший обеспечить нормальное выживание семьи в годы нацизма, запретил даже дома разговаривать "по-славянски" (потому что бабушка была полькой и была единственной, кто осмеливался нарушать этот запрет), и в результате мы имеем интересного немецкого писателя, не говорящего, однако, ни на одном из славянских языков. Подобного рода утраты, может быть, и не имеющие серьезного значения для большого, многочисленного этноса (но серболужичан-то сегодня осталось всего 50.000 человек), еще никто не догадался подсчитать... Но все же в данном контексте совершенно понятно, почему и в годы фашизма серболужичане не столько занимались подрывными антифашистскими акциями, а по-прежнему решали свою важнейшую национальную задачу: сохраняли национальный этнос и родной язык, ибо именно в этом состоял их специфически национальный антифашизм и интернациональный патриотизм (что далеко не всегда понимают исследователи, стремящиеся ко всем явлениям применять одни и те же масштабы и мерки).

Несмотря на все виды давления и террора, которые использовали национал-социалисты по отношению к серболужичанам, им не удалось окончательно прервать преемственность литературного и культурного развития и погасить веру в неизбежный разгром фашизма, запечатленную в подпольных репортажах М. Новака-Нехорнского, стихотворениях Ф. Метшка, О. Вичаза, в пражских стихотворениях Ю. Хежки, в написанных в 1941–1945 гг. "Эрфуртских воспоминаниях" ("Erfurtske spomješa") М. Виткойц⁵ и др. В 1943–1945 гг. известный серболужицкий композитор **Бьярнат Кравц** (1861–1948) создал на слова поэта-антифашиста Михала Навки ораторию "Война и мир", где тоже звучит несокрушимая вера в разгром фашизма, в победу справедливости и в светлое мирное будущее народов.

⁵ Подробному анализу ее жизни и деятельности посвящена монография: Dahmsowa-Meškankec W. Marja Grólmusec. 1896–1944. Budyšin, 1996.

² Geschichte der Sorben. Bd. 3. Bautzen, 1976. S. 173–174.

³ Serbska čitanka. Hrsg. von K. Lorenz. Leipzig, 1981. S. 713.

⁴ Огромный материал по истории мировой сорабистики представлен в книге: *Zeil W. Sorabistik in Deutschland. Eine wissenschafts-geschichtliche Bilanz aus fünf Jahrhunderten.* Bautzen/Budyšin, 1996.

⁵ Впервые были опубликованы на чешском языке в Праге в 1947 г.

ОТ РАЗГРОМА НЕМЕЦКОГО ФАШИЗМА ДО КОНЦА 1960-х ГОДОВ

Годы нацистского режима были едва ли не самыми трагичными во всей многострадальной истории серболужицкого народа. Сначала фашисты с помощью угроз и уговоров хотели добиться того, чтобы лужичане признали себя "немцами, говорящими по-вендски". Когда же Домовина^{*} отказалась подчиниться унижительным требованиям, превращавшим эту организацию в придаток национал-социалистского политического механизма, она была в 1937 г. попросту запрещена и подверглась репрессиям. Многие деятели лужицкой культуры были посажены в тюрьмы и концлагери, некоторые из них погибли: в том числе писатели Якуб Лоренц-Залеский, Юрий Хежка, Мария Грольмузец и др.

В мае 1945 г. Домовина возобновила свою деятельность как национальная антифашистская организация, ее ячейки вскоре распространились по всей Сербской Лужице. В то же время сербы-антифашисты, проживавшие в Праге, а также лужичане, освобожденные из концлагеря Дахау, основали в Праге Лужицкосербский национальный комитет. Названный комитет развернул активную агитацию за выход Сербской Лужицы из состава Германии и присоединение ее к Чехословакии. Комитету удалось привлечь на свою сторону часть локальных организаций Домовины, но Съезд Домовины, состоявшийся 30 ноября 1946 г., отказался подчиниться Национальному Комитету, хотя сам вопрос о присоединении к Чехословакии продолжал вставать до 1948 г. Когда к власти в Чехословакии пришла КПЧ, Серболужицкий национальный комитет в Праге был распущен².

Активную деятельность, направленную на социальное обновление Верхней и Нижней Лужиц и возрождение национальной серболужицкой культуры, в первые послевоенные годы развернули писатели, прошедшие через антифашистскую борьбу, концлагери, запреты, выселения и тюрьмы: разносторонний литератор, переводчик и талантливый художник Мерчин Новак-Нехорнский, нижнелужицкая поэтесса Мина Виткойц, писатель и ученый Ота Вичаз, талантливый поэт и один из крупнейших серболужиц-

^{*} Домовина – союз лужицких культурно-просветительских обществ для содействия развитию национальной культуры и языка, основана в 1912 г.

ких историков Фридо Метшк и другие. В 1946 г. по инициативе Юрия Брезана было воссоздано Объединение серболужицких писателей, позднее получившее статус окружного отделения Союза писателей ГДР; его первым председателем был избран М. Новак-Нехорнский. В 1947 г. Домовина получила от СВАГ* лицензию на открытие собственной типографии и издательства; в том же году начинает выходить серболужицкая газета "Нова доба". В 1948 г. был основан первый в истории Сербской Лужицы профессиональный театр, тогда же организуется и регулярное радиовещание на верхнелужицком и нижнелужицком языках. С 1950 г. начинает выходить культурно-политический ежемесячник "Розгляд". В 1951 г. был основан Институт серболужицкого народоведения, ставший филиалом Академии наук ГДР и развернувший разностороннюю публикаторскую и исследовательскую деятельность; в университете в Лейпциге – впервые в серболужицкой истории – был открыт Институт сорабистики, где студенты получили возможность изучать язык, литературу и историю Верхней и Нижней Лужиц. С каждым годом возрастало число книг, учебников, научных исследований и периодических изданий на родном языке.

Впервые за свою многовековую историю Сербская Лужица получила благоприятные условия для национального культурного возрождения. Редкий исторический шанс был использован. Учитывая, что в Нижней и Верхней Лужицах проживает около 60.000 лужичан**, можно лишь констатировать, что серболужицкая литература в послевоенных условиях (и при всех вышерассмотренных недостатках культурной политики, распространявшихся и на Сербскую Лужицу)³ сумела достичь невиданного прежде расцвета, став не только важной составной частью литературы ГДР, но и выделив из своей среды целую группу ярких талантов.

* Советская военная администрация в Германии.

** Специальных статистических подсчетов серболужицкого населения в условиях ГДР не проводилось – в соответствующих документах стояла постоянная цифра – 100.000 человек. Подсчеты по тщательно разработанной системе анкетирования, которые в последние годы существования ГДР стал осуществлять Институт серболужицкого народоведения (Людвиг Элле и др.), в ГДР так и не были в полном объеме опубликованы. Поэтому сейчас практически невозможно точно разграничить, сколько серболужичан было ассимилировано немцами в годы национал-социализма и сколько из них были "онемечены" уже в условиях ГДР. Современные расхождения в статистике (от 50 до 67 тыс. чел.) говорят, по сути, об одном: этнических серболужичан больше, чем серболужичан, говорящих на родных языках.

Развитие серболужицкой литературы после 1945 г. отмечено некоторыми специфическими особенностями. Важнейшая из них – двуязычие серболужичан, установившееся уже с конца XIX века. В годы нацистского режима, когда серболужицкий язык был запрещен, постепенно сократилось и число серболужичан, говорящих и пишущих на родном языке. Послевоенные серболужицкие писатели зачастую создавали свои произведения как на немецком, так и на верхнелужицком или нижнелужицком языках. Наиболее характерный пример здесь – творчество Юрия Брезана, который с равным успехом пишет по-верхнелужицки и по-немецки. Весьма показательным и творчеством крупнейшего современного серболужицкого поэта **Кито Лоренца** (род. в 1938 г.), который до 14 лет не писал по-лужицки и лишь в процессе занятий славистикой, а также книгами и рукописями своего великого деда, крупнейшего серболужицкого прозаика первой половины XX века **Якуба Лоренца-Залеского**, стал писать и на родном языке. Двуязычие серболужицких писателей и читателей способствовало углублению творческих контактов с немецкими писателями, значительному увеличению публикаций серболужицкой литературы на немецком языке, вообще активному вовлечению богатого опыта немецкой культуры в серболужицкую послевоенную литературу. Другая важнейшая особенность развития серболужицкой литературы после 1945 г. – постоянный рост творческих контактов со всеми славянскими литературами и резкое увеличение числа переводов лужицких писателей на различные славянские языки. Славянские страны стали не только темой многочисленных путевых очерков серболужицких писателей, но почерпнутые во время поездок и встреч впечатления породили множество стихотворений, поэм, рассказов и повестей как на современные, так и на исторические сюжеты.

Весьма характерная особенность послевоенной серболужицкой литературы связана с тем, что серболужичане – впервые в своей истории – получили конституционное равноправие с немцами, освободившись от различных форм дискриминации. Поскольку это освобождение по времени и по духу совпало с эпохой социалистического строительства в ГДР, то естественно и то, что идеи социализма нашли у населения и у писателей Сербской Лужицы самый широкий отклик. Преимущества, которые дал реальный социализм серболужичанам, были вплоть до 70-х годов гораздо более очевидными, чем те новые проблемы, которые он принес. Трагические ноты, связанные с осознанием сложных внутренних противоречий социалистического общества, активно заявляют о себе в серболужицкой литературе в 70-е годы в творчестве Юрия Коха, Ангелы Стаховой, Кито Лоренца, Бенедикта Дырлиха и некоторых других писателей.

Заметной чертой первых послевоенных лет была также тесная связь лужицкой и чешской интеллигенции, продолжавшая контакты межвоенного двадцатилетия. В Праге более года (1945–1946) выходил двухнедельный журнал "Наши новости. Лужицкосербский часопис", редактировавшийся выпускником пражской Лужицкой семинарии Юрием Мерчинком (1914–1988). В 1947–1949 гг. выходили и другие издания. Автобиографическая поэма Мины Виткойц "Эрфуртские воспоминания" впервые вышла на чешском языке в Праге в 1947 г. И в последующие годы серболужицко-чешские литературные взаимосвязи оставались наиболее интенсивными. За ними шли контакты с Польшей, Словакией, Украиной, Россией, Белоруссией и Югославией.

Поэзия

Как оперативный жанр актуально-политическая лирика уже с 1945 г. стала публиковаться на страницах первых послевоенных серболужицких газет и журналов. Эти стихотворения, как правило, были незамысловаты по форме и содержанию, в зависимости от темы насыщены оптимистическим, сатирическим или дидактическим пафосом, но вполне отвечали массовому самосознанию и коллективному мироощущению освобожденного народа.

После 1945 г. вернулись к общественной и литературной деятельности поэты и переводчики, активно работавшие в годы Веймарской Республики и пережившие нацистский террор: Ота Вичаз (1874–1952), Михал Навка (1885–1968), Мина Виткойц (1893–1975), Ян Лайнерт (1892–1978); Мерчин Новак-Нехорнский (1900–1990), Йозеф Новак (1895–1978), Юрий Вуйеш (1905–1968) и др. Их новые произведения в первые послевоенные годы, как правило, публиковались в газетах и журналах; отдельные книги начали выходить уже в 50-е годы. Так, в 1947 г. Ота Вичаз, редактор "Новой Лужицы" (литературное приложение к газете "Нова доба") опубликовал подборки стихотворений **Фридо Метшка** (1916–1990) из двух стихотворных сборников (1939, 1944), тайно набранных поэтом на гектографе еще в нацистской Германии.

Наиболее активно как поэт в первое послевоенное десятилетие выступал **Юрий Брезан** (род. в 1916 г.), жизненный опыт которого включал в себя нелегальную антифашистскую работу, арест, несколько месяцев тюрьмы, сельскохозяйственные работы в разных местах Германии, службу в вермахте и плен. В 1946–1948 гг. Брезан был одним из руководителей молодежной организации Домовины, организатором самодеятельных

агитбригад, для которых он написал многие стихотворения и пьесы, в те годы с успехом исполнявшиеся. Позднее Брезан так определил пафос своей деятельности в первые послевоенные годы: "Тысячи лет рабства, тысячи лет издевательств просто так не сбросишь, но от наследия тех веков освобожденные могли освободиться только сами... Я стал одновременно учеником и учителем. А по ночам я писал стихи, которые можно было читать, сцены, которые можно было играть..."⁴ Стихотворения Брезана собраны в трех сборниках на верхнелужицком языке: "В новое время" (1950), "Мир станет прекраснее" (1951), "Наши будни" (1955). В 1951 г. вышла книга стихов и прозы Брезана "На меже растет рожь" на немецком языке, подготовленная самим автором. С этой книги Брезан становится двуязычным писателем, который сам готовит верхнелужицкие и немецкие варианты своих книг. Кроме того в 1954 г. он издал в своих переводах первую антологию серболужицкой поэзии на немецком языке, включавшую как классическую, так и современную поэзию.

Основные чувства и настроения, питающие поэзию Брезана, – радость освобождения родного народа из-под многовекового национального и социального гнета, вера в счастливое будущее, в единство славянских народов, столь важное для маленького и потому почти беззащитного народа Сербской Лужицы:

В огромном славянском братстве
Самый малый народ – это мы,
Жители сербского края
Дети лужицкой земли...

"Песня сербов". 1950

Постепенно в творчестве поэта все большее место начинает занимать воспевание социалистического строительства, воспринимавшегося в Сербской Лужице с большим энтузиазмом, чем в остальной части советизированной Германии. В цикле стихотворений «Комбинат "Черна Пумпа"» (1956), Брезан раньше других поэтов ГДР обратился к теме строительства огромного коксохимического комбината "Шварце пумпе", которое началось в местах проживания серболужичан и имело достаточно негативные экологические последствия (о чем с 70-х годов и уже совсем по-другому начали писать Ю. Кох, А. Стахова и другие писатели). Философская и любовная лирика Брезана, как правило, гораздо менее идеологизирована и представляется более совершенной в формальном плане. С середины 50-х годов Брезан почти не публиковал стихотворений и сосредоточился на прозе.

Весьма заметное место в поэзии первого послевоенного десятилетия заняла лирика **Юрия Млынка** (1927–1971). Особенно показательна его ранняя автобиографическая поэма "К свету" (1947), достоверно воспроизводящая реалии жизни и психологическую атмосферу в Сербской Лунице лет нацистского режима, оплакивающая жертвы и передающая радость освобождения в 1945 г., когда в Лунице снова зазвучала славянская речь. И здесь возникает тема славянского единства как духовного богатства, созданного Дворжаком, Сметаной и Чайковским, Безручем, Пушкиным, Лермонтовым, Толстым и Мицкевичем. В эпилоге поэмы, написанном в 1955 г., Млынк перечисляет преимущества новой жизни и вспоминает о плеяде серболужицких писателей-патриотов, боровшихся словом и делом за лучшее будущее Сербской Лужицы (Мато Косык, Я. Лоренц-Залеский, Я. Барт-Чишинский, Г. Зейлер); "Эпилог" завершается патетическим восклицанием:

Восхищаюсь
И всей душой воспеваю:
омоложенную землю нашу,
чудесных людей наших
и родной язык наш прекрасный!

Сборник стихотворений "Что я люблю" (1959) раскрыл новые возможности поэтического дара Млынка (например, в жанрах философской лирики и баллады), но стал в то же время итоговым: как и Брезан, Млынк не пишет больше стихов. Но исключительно важный вклад Млынк внес в серболужицкое литературоведение, весьма плодотворной и разнообразной была и его переводческая деятельность, касавшаяся немецких (Гейне, Рильке, Трахль, Брехт), английских (Шекспир), польских (Мицкевич, Норвид) и чешских (Незвал, Волькер) поэтов.

Новое поколение серболужицких поэтов, вошедшее в литературу в начале 60-х годов, наиболее ярко представляют **Юрий Кох** (род. в 1936 г.) и **Кито Лоренц**. Но если для первого поэзия была лишь "пробой пера" на пути к прозе, то второй уже в шестидесятые годы стал ведущим поэтом обеих Лужиц. Стихотворения Ю. Коха собраны в сборнике "Уличный концерт" (1965) и отражают жизненный опыт незаурядного журналиста, много путешествовавшего и примерявшегося к самым различным темам в поисках главного направления своего таланта, который явно тяготел к прозе.

Кито Лоренц родился в 1938 г. в то самое время, когда его дед, писатель Я. Лоренц-Залеский, был арестован фашистами. Впоследствии

К. Лоренц вспоминал, с каким любопытством и благоговением он подходил в детстве к хранившимся в доме отца книгам и рукописям деда, мечтая о "чуде, которое произойдет, как только я смогу прочитать бумаги в шкафу, что тогда для меня означало: вообще начать жить другой жизнью в другом языке..."⁵ Первые литературные опыты К. Лоренца были на немецком языке, но очень скоро он перешел к серболужицкому языку, на котором был издан его первый поэтический сборник "Новые времена – новые свадьбы" (1961). В период работы над этой книгой творческий поиск поэта идет по двум основным направлениям: во-первых, осмысление проблем интеграции Сербской Лужицы в социальный ландшафт ГДР ("Записки бригадира", 1959) и, во-вторых, осмысление соотношения прошлого и настоящего самой Сербской Лужицы, погружение в стихию народного языка, многовековую народную культурную традицию. Поэт изучает топографию и историю родного края, ездит по отдаленным деревням, слушая и записывая сохранившиеся народные песни, читает произведения лужицких классиков, обнаруживая полузабытые или неизвестные тексты, в том числе рукописи своего деда. Все эти впечатления и интенсивная духовная работа находят отражение в тематике и содержании многочисленных поэтических произведений, которые К. Лоренц пишет в эти годы как на нижнелужицком, так и на верхнелужицком языках. Так, в написанном на нижнелужицком языке большом стихотворении "Требин – Слепо – Милораз" (1959–1960) дается эмоциональное изображение местности в районе трех деревень, где прошло раннее детство поэта, но еще более важен здесь второй поэтический слой: взволнованное восприятие родных мест сквозь призму традиций серболужицкой духовности, связанных с Я. Бартом-Чишинским, Я. Лоренцом-Залеским и полузабытым Ханзо Непилой (ок. 1761–1856), сыном крепостного крестьянина, написавшим несколько трудов теологического и автобиографического характера. Эта двойная – эмоциональная и интеллектуальная – оптика становится отличительной чертой поэзии К. Лоренца. Она чувствуется и в стихотворении "Проповедь" (1960), посвященном нижнелужицкому священнику и писателю Мато Косыку (1853–1940), эмигрировавшему в 1883 г. в Северную Америку и обращавшемуся в своих проповедях и поэзии к проблемам американских индейцев, сочувствие и любовь к которым сливались в его творчестве с тоской и любовью к оставленной им и недостижимо далекой Сербской Лужице.

Следующий этап развития поэзии К. Лоренца можно до определенной степени связать с воздействием на него творчества Й. Бобровского, сказавшемся в том числе и в попытках Лоренца одновременно писать на немецком и серболужицком языках. Лоренц публикует в 1965 г. "Эпитафию

Йоханнесу Бобровскому" на немецком и верхнелужицком языках, в которой, обыгрывая в том числе славянскую огласовку корня фамилии немецкого писателя ("бобр", то есть "бобер"), говорит о "редкой работе бобров: валить дикорастущие деревья горечи и возводить из них светлые заводы любви". В 1967 г. одновременно на немецком и верхнелужицком языках выходит второй поэтический сборник Лоренца "Струга. Образы нашего края". Струга – небольшая речка в Нижней Лужице, превращенная поэтом в символ вечно живого исторического прошлого и противоречивого настоящего, которое поэт пока еще воспринимает в оптимистическом ключе. Весьма показательно в этом плане заглавное стихотворение "Струга", где радость и горечь встречи с любимой речкой несколько раз сменяют друг друга, чтобы в финале найти умиротворение, если не на реальном, то хотя бы на духовно-философском уровне:

...Струга, ты течешь сквозь меня, беспокоен
светлый ток твоей крови в открытых
венах ландшафта, гонят ее
удары моего сердца...

...О родина, бедный обетованный край,
я мог бы бежать оттуда, как некогда
карлики и лилипуты от звона колоколов,
мог пытаться бегством спастись,
скрываясь от запахов Струги зловонной...

...И вот станция. Поезд. Легка,
точно форель, выпрыгивает из вагона
лужицкая танцовщица.

Юность и красота – и ничто
вовсе не рухнуло, так говорю я,
ну, оглянись, обернись: это ж Струга,
та струна в нас, что вечно звучит.

Я иду, чтоб настроить ее,
Я иду к роднику.

Перевод И. Снеговой

Форели, выпрыгивавшие в пору детства из чистой воды Струги, безвозвратно исчезли, они могут ожить разве что в воспоминании, но лужицкая танцовщица – тоже частичка родины и она словно бы восполняет собой то, что уже утратила сама природа. Струга, потерявшая в реальности свой идеальный облик, становится поэтическим символом, "той струной в нас, что вечно звучит". У какого же "родника" эту "струну" можно "на-

строить", если новая действительность принесла с собой новые противоречия? Все последующее творчество Лоренца по существу представляет собой снова и снова повторяющиеся попытки разрешить это противоречие: с помощью внимательного освоения глубинных слоев серболужицкой народной и книжной культуры, самой лужицкой духовности; с помощью создания нового серболужицко-немецкого, то есть двуязычного, культурного ландшафта.

Проза

Из старшего поколения серболужицких писателей, чье творчество нашло читательский отклик еще в Веймарской Республике, в послевоенной лужицкой литературе успешно продолжали работать **Марья Кубашец** (1890–1976) и **Мерчин Новак-Нехорнский**. Марья Кубашец, первая серболужицкая женщина-педагог (преподавала историю в школах, гимназиях и высших учебных заведениях в 1909–1956 гг.), в сборнике рассказов "Могила в лужицком перелеске" (1949) повествует о последних месяцах войны, о первых днях освобождения, о взаимоотношениях серболужичан с советскими солдатами, о трудных шагах к новой жизни. Темы и сюжеты почерпнуты из реальных наблюдений и переживаний автора, источник их воздействия на читателя – в непритязательности аутентичного повествования. Второй прозаический сборник писательницы "Колесо времени" (1950) продолжает означенную тематику. В дальнейшем М. Кубашец много сделала для развития жанра биографической и исторической прозы в серболужицкой литературе. В 1962 г. она издала "Звезды над бездной" – беллетризованную биографию мужественной лужицкой писательницы-антифашистки Марьи Грольмузец, погибшей в концлагере Равенсбрюк. В 1967 г. она продолжила эту тему книгой о лужицком антифашисте Алоисе Андрицком, узнике концлагеря Дахау. Женщинам-антифашисткам посвящена книга "медальонов" и рассказов "Ванда", опубликованная в 1962 г. Для серболужицкой исторической прозы большое значение имела трилогия М. Кубашец "Босний Сербин" (1963–1967), посвященная подвижнической жизни серболужицкого учителя Босчия Сербина, жившего в XVIII в. и в неимоверно трудных условиях проводившего в жизнь идеи национального возрождения. М. Кубашец создавала также книги для детей и переводила славянских писателей на серболужицкий язык (А. Пушкин, И. Тургенев, Л. Толстой, М. Горький, А. Ирасек и др.).

Мерчин Новак-Нехорнский, талантливый художник и один из самых плодовитых серболужицких писателей, издавший немало книг и сотни

репортажей еще в 20–30-е годы, успешно продолжал работать как художник и писатель после второй мировой войны; нередко он сам иллюстрировал свои книги. Его творчество всегда отличалось глубинной связью с фольклором, доскональным знанием народного быта и верований, вплоть до мельчайших этнографических подробностей. В книге "Бородатый домовый и другие сказки" (1950) Новак-Нехорнский собрал свои литературные сказки. В следующей книге "Записки Бобака" (1952, Бобак – один из довоенных псевдонимов писателя) он поместил несколько очерков из запрещенной нацистами книги "По сербским дорогам" (1936), но основной массив ее составили репортажи о послевоенной Лужице; последнюю тему он продолжал в книгах "Бывалый лужичанин" (1954) и "От вчера к завтра" (1960). Он также переводил прозу Пушкина, Гоголя, Тургенева, Чехова и др.

Особая литературная судьба ожидала изданную в 1954 г. М. Новаком-Нехорнским литературную переработку народной легенды о Крабате "Магистр Крабат". Легенды о Крабате, впервые записанные серболужицким композитором, историком и этнографом Юрием Пилком, были изданы по-немецки и по-серболужицки еще в 1896 г., но тогда не привлекли внимания. Юрий Брезан, сразу же после выхода "Магистра Крабата", перевел книгу на немецкий язык, затем издал по-серболужицки и по-немецки свою собственную беллетризованную переработку – повесть "Черная мельница" (1968), а позже использовал весь известный материал в своем философско-фантастическом романе "Крабат, или Преображение мира" (1976).

Юрий Брезан быстро вошел в число творчески наиболее активных верхнелужицких прозаиков. Его сборники "Первая борозда" (1951), "Старуха Янчова" (1952) и роман "52 недели составляют год" (1953) привлекли к себе красочностью образов, выхваченных из гуши народной жизни. Такие рассказы, как "Конь Фридолин" и "Как старуха Янчова с начальством воевала" стали в самом лучшем смысле хрестоматийными. Марью Янчову Брезана, после того, как его рассказы были переведены на другие языки, называли "Мамаша Кураж западных славян", – отмечала Л. Хайнец⁶. Оба названных рассказа Брезан издал и на немецком языке. В 1951 г. Брезану (а также М. Новаку-Нехорнскому и Юрию Винару) была вручена – впервые в истории серболужичан – Национальная премия ГДР. Именно Брезан в первые послевоенные десятилетия был наиболее представительным серболужицким писателем в рамках литературы ГДР в целом, издавая на немецком языке собственные произведения и переводя на этот язык многих серболужицких поэтов и прозаиков.

Широкую известность Брезану принесла автобиографическая трилогия о Феликсе Хануше. Три романа эпопеи "Гимназист" (1958), "Семестр

потерянного времени" (1960) и "Годы зрелости" (1964) – стали вехами в развитии литературы ГДР. Своеобразие этой трилогии среди других произведений литературы, относящихся к жанру "романа воспитания", состояло, в частности в том, что главный герой ее, Феликс Хануш – не немец, а лужицкий серб. Разоблачение фашизма здесь шло под двойным углом зрения: национальным и социальным. Ведь фашистская теория "расового превосходства" на практике должна была привести если не к полному физическому уничтожению лужицких сербов, то к их полному онемечиванию.

Хронологические рамки трилогии охватывают период с первой мировой войны до конца 50-х годов. Действие двух первых томов сфокусировано на жизни и ближайшем окружении Феликса Хануша, который поначалу ищет только личного счастья, а потому, стремясь к материальному благополучию и карьере, невольно "оказывается между двух миров: как инспектор – между помещиком и арендаторами, между владельцем замка и иностранными рабочими, а становясь солдатом – между немецкой армией и советскими партизанами"⁷. Брезан убедительно показывает, что достойный человека выход из жизненного тупика можно найти лишь приняв правильное политическое решение. (Следует отметить, что как и в большинстве "романов воспитания" главный герой отличается автобиографическими чертами). Действие третьего тома трилогии происходит в послевоенных условиях, в ГДР, когда герой уже нашел свое место в строительстве новой жизни.

Характерно, что единство сюжетной линии здесь нарушается, хотя события по-прежнему развиваются в деревне, где начинаются коренные социальные преобразования. Переход героя с позиции эгоцентрического взгляда на мир на широкие общественные позиции изменяет композицию романа. В "Годах зрелости" появляются новые ветви прежде единой сюжетной линии, с помощью которых автору удастся воссоздать сложную и многомерную картину послевоенной действительности.

Помимо завершающего тома трилогии о Феликсе Хануше Брезан создает в шестидесятые годы романы "Криста" (1957), "Роберт и Сабина" (в немецком варианте "История одной любви", 1962) и "Поездка в Краков" (1966). В первом из них писатель, в определенном смысле предвзято "Расколотое небо" Кристи Вольф, изображает любовь и духовные разногласия врача из ГДР Роберта Хартунга и славистки из ФРГ Сабины Кёниг; во втором Брезан затрагивает деликатную тему преодоления наследия прошлого во взаимоотношениях немцев и поляков после второй мировой войны. В 1968 г., когда вышла повесть "Черная мельница", Брезан пришел к отказу от своих прежних представлений о роли и функциях литературы в общест-

ве: "С каждой книгой я спускался с учительской кафедры ступенькой ниже. Я больше не претендую на роль ментора, а хочу быть ухом, глазами и языком самой жизни"⁸. Постепенный отход от прямолинейного социологического схематизма и дидактизма, расширение философской и нравственной перспективы художественного творчества – по этому пути шла и немецкая и серболужицкая литература ГДР. Развитие прозы Брезана вполне укладывается в это русло, наиболее показательно демонстрируя в эти годы его серболужицкую "струю".

В юмористическом и сатирическом жанре, активно используя фольклорные приемы, успешно работал **Юрий Винар** (1909–1991), издавший сборник рассказов "Горшок с деньгами" (1955), юмористический роман "Грешная деревня" (1963) о конце войны и первых послевоенных месяцах в одной из лужицких деревень, а также сборник рассказов "Матильда и священник" (1961), воссоздающих некоторые характерные эпизоды довоенной жизни. Традиции Я. Гашека попытался продолжить **Антон Навка** (1913–1998) в повестях "С чужой лопатой" (1961) и "С чужой винтовкой" (1964), создавший в образе солдата-лужичанина Гавштына Новотника своеобразного двойника "бравого солдата Швейка". В повести "Ядвига" (1969) А. Навка рассказывает о дружбе польской девушки и двух молодых лужичан в годы второй мировой войны. Навка успешно выступал также как переводчик на верхнелужицкий язык произведений мировой классики (Бальзак, Д. Лондон, Крашевский, Мольер и др.). Для полноты литературной панорамы необходимо упомянуть исторический роман-хронику **Яна Цижа** (1898–1985) "За хлебом насущным" (1957), автора антивоенных и антифашистских рассказов **Юрия Кубаша-Ворклечана** (1902–1983), а также единственный роман журналиста и литературного критика **Юрия Мерчина** "Где ожидают черти..." (1961), написанного на материале личных переживаний в концлагере Заксенхаузен в 1937–1945 гг. В нижнелужицкой литературе выделяется проза **Вилема Бери** (1902–1988), автора талантливой книги "Деревня над лесом" (1958).

Более молодое поколение прозаиков активно заявляет о себе лишь в шестидесятые годы, когда был опубликован роман **Петра Малинка** (1931–1984) "Две горсти песка" (1964), рассказы "Василек и красный мак", (1965) и роман "Дни на чужбине" (1967) **Марии Млынковой** (1934–1971), а также романы, новеллы и повести **Бено Шолты** (1928–1986), **Бена Будары** (род. в 1928 г.), **Юрия Кравжи** (род. в 1934 г.), **Яна Ворнара** (род. в 1934 г.) и **Юрия Коха** (род. в 1936 г.). В творчестве названных прозаиков постепенно преодолевается наивный дидактизм, обостряется критическое чутье, заметно раздвигается круг философских, нравственных и эстетических проблем.

Специфической особенностью развития серболужицкой драмы до 1945 г. было отсутствие национального профессионального театра, хотя в любительских кружках пьесы на серболужицком языке исполнялись с 1862 г. Приходится констатировать, что серболужицкая литература пока не выдвинула ярких драматургов; самые крупные удаchi серболужицкого профессионального театра, открывшегося в 1948 г. в Баутцене, связаны, как правило, с авторскими драматургическими обработками собственных прозаических произведений.

Немало пьес в первые послевоенные годы написал Юрий Брезан: "Возвращение домой" (1946), "Беглецы" (1947), "Спор из-за невесты" (1948), "Старик Хенчль" (1949), "Сердце на распутье" (1950). Эти пьесы игрались в любительских коллективах и на немецкий язык не переводились. Брезан хотел наглядно изобразить еще не стершиеся в памяти события конца войны и начала послевоенной жизни, а в двух пьесах ("Старик Хенчль" и "Сердце на распутье") развеять легенду о "классово-индифферентных лужичанах", отыскав в народной истории ростки социальной активности.

Пьесу "Ночь в лесу" (1950) Брезан написал по-верхнелужицки и по-немецки и она исполнялась любительскими студенческими коллективами, выезжавшими с шефскими концертами на предприятия, на двух языках. Первый большой театральный успех выпал на долю пьесы Брезана "Марья Янчова" (1959), которую он создал по своей же новелле "Как старуха Янчова с начальством воевала". Пьеса, вышедшая отдельной книгой, игралась не только в Лужице, но и была поставлена в 1960 г. на немецком языке театром имени М. Горького в Берлине. В разных городах ГДР шла пьеса Брезана "Годы возмужания" (1968), написанная им по-немецки и по-верхнелужицки на основе романа "Пора зрелости".

Заметным успехом у зрителей пользовались пьесы Петра Малинка, выступившего в 1957 г. с инсценировкой "Бунтарь Ян Цушка" по рассказу Б. Будара о предводителе восставших серболужицких крестьян. В 1961 г. он выступил с собственной исторической пьесой "Просьба о помиловании", продолжив тему о восстании серболужицких крестьян в 1796 г. Эту пьесу увидели тысячи лужицких и немецких зрителей. Следующая пьеса Малинка "Ночной пациент" (1967) о трагической судьбе лужицкой девушки и польского военнопленного с успехом шла не только в Баутцене, но и в Чехословакии и Польше. К пьесам, которые успешно ставились немецко-лужицким театром в Баутцене, а также любительскими коллективами, можно отнести и историческую драму Бено Шолты "Человек должен мно-

го знать" (1960), пьесы для детей и юношества Ханжи Беншовой (род. в 1919 г.), "Надейся на Макса" (1961), "Как Нитка-Витка справилась с делами" (1965), "Жемчужина Водяного" (1969) и некоторые другие.

¹ Этноним венды (венеды), восходящий к античным сочинениям первых веков н. э. (Плиний Старший, Корнелий Тацит, Клавдий Птоломей и др.), в ходе истории закрепился как официальное немецкое обозначение серболужичан, заключающее в себе негативно-пренебрежительный оттенок, см.: Schuster-Sewc H. Zur Geschichte und Etymologie des ethnischen Namens Sorb/Serb/Sarb/Srb // "Lëtopis". Rjad A. Budyšin, 1983, čo. 30, N 2. S. 138 ("Бенд – необразованный и неотесанный деревенский мужик, обремененный негативными чертами характера"). Поэтому после 1945 г. серболужичанин в ГДР стали официально называть "Sorben" (ед. ч. Sorbe), что восходит к этнониму "Sorb", употреблявшемуся с VII в. н. э. как самоназвание группы племен, переселявшихся с Балкан. Сами серболужичане уже с эпохи реформации чаще называли себя "Serb" (мн. ч. Serbja).

² См. подробнее: Šolta J. Befreiung vom Hitlerfaschismus und Beginn der revolutionären Erneuerung bei den Sorben. Über einige Voraussetzungen und Besonderheiten // Šolta J. Wirtschaft, Kultur und Nationalität. Bautzen, 1990. S. 142; Schiiller K.J. Die Sorben in der antifaschistisch-demokratischen Umwälzung, 1945–1992. Bautzen, 1976. См. также новейшие исследования: Schurmann P. Die sorbische Bewegung 1945–1948 zwischen Selbstbehauptung und Anerkennung. Bautzen/Budyšin, 1998.

³ О культурной политике ГДР см.: Гугнин А.А. Год 1990 – что дальше? // "Вопросы литературы". М., 1990. № 10. С. 3–35; Гугнин А.А. Идеология, культурная политика и культура: на примере истории литературы ГДР // Социокультурные процессы в странах Восточной Европы (после второй мировой войны). М., 1992. С. 120–169; Гугнин А.А. Литература ГДР и культурная политика СЕПГ (1949–1990) // Власть и интеллигенция (Из опыта послевоенного развития стран Восточной Европы). М., 1992. С. 78–112. Применительно к Сербской Лужице данный вопрос еще нуждается в специальной разработке, поскольку очень сильные в ГДР тенденции к унификации (в школьном оборудовании и т. д.) порой очень болезненно отражались на серболужичанах. Кроме того проблема экологии нигде не была столь болезненной, как в Сербской Лужице, так как уничтожение деревень в районах добычи бурого угля было одновременно и уничтожением последних очагов серболужичского национального этноса. Эта проблематика многократно отражена в серболужичской литературе, но литературоведчески еще практически не освоена.

⁴ Цит. по кн.: Ю. Брезан. Черная мельница. Повесть и рассказы. Составл. и предисл. А. Гугнина. М., 1985. С. 16–17.

⁵ M. Wajler-Wilke. Fünf Fragen an Kito Lorenz // K. Lorenz. Wortland. Gedichte. Leipzig. 1984. S. 157.

⁶ История литературы ГДР. М., 1982. С. 442.

⁷ Писатели Германской Демократической Республики. М., 1984. С. 226.

⁸ Цит. по предисловию А. Дранова в кн.: Ю. Брезан. Избранное. М., 1987. С. 12.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА 1970–1990-х годов

До середины 1960-х годов в серболужицкой литературе преобладала мажорная тональность – слишком велик был контраст с предшествовавшим периодом, с восьмилетием (1937–1945) тотальной национальной дискриминации в годы нацистского режима. Однако новые противоречия не замедлили заявить о себе уже в первые послевоенные десятилетия. Летом 1956 г. в Нижней Лужице началось строительство энергетического гиганта "Шварце пумпе"; к 1989 г. были полностью скрыты с лица земли 46 лужицких деревень и поселков и 27 поселков и пригородов были уничтожены частично¹. Для 60.000 серболужичан это имело во многом необратимые последствия: помимо уничтожения деревень и расселения жителей по разным местам (в основном в городах) повсеместно строились химические заводы, теплоэлектростанции и другие предприятия, что увеличивало приток немцев в Сербскую Лужицу, где серболужичане и так составляли меньшинство. Отдельные проявления протеста со стороны населения или представителей интеллигенции (в том числе священников) рассматривались властями как проявления "национализма", "пессимизма" и "ревизионизма" и те, кто осмеливался аргументировать свои возражения, нередко увольнялись с работы и подвергались репрессиям. С конца 1960-х годов экологическая тема – в различных ее аспектах – становится одной из важнейших в серболужицкой литературе, в Сербской Лужице находился, так сказать, "экологический центр" литературы ГДР.

Домовина – где в 1950-е годы была произведена соответствующая "чистка" (например, уже в 1950 г. был снят представлявший национальные интересы Председатель Домовины Павол Недо, а в 1955 г. и заместитель Председателя Домовины Ян Цыж, высказывавший сомнения относительно полезности коллективизации крестьянских хозяйств в Сербской Лужице) – вместо мужественной защиты национальных интересов превратилась в послушное орудие экономической и национальной политики СЕПГ. Председатель Домовины в 1951–1973 гг. рабочий Курт Кренц, занимаясь вопросами социального развития, по существу отмежевался от защиты национальных интересов: "Домовина не будет поддерживать ассимиляцию; но

она и не будет ей противостоять. Мы поддержали процесс индустриализации и будем поддерживать его и в дальнейшем – невзирая на то, что объективно это ставит под угрозу серболужицкую национальную субстанцию”².

Параллельно с процессами индустриализации, наносившими огромный ущерб маленькому серболужицкому этносу, активизировались процессы вытеснения серболужицкого языка как основного языка в серболужицких школах, что лишь отчасти объясняется увеличением доли немцев в национальной структуре Сербской Лужицы. Постепенно сокращалось число школ с обязательным обучением серболужицкого языка³. В специальном дополнении к закону о народном образовании (1964) изучение серболужицкого языка в серболужицких школах объявлялось “факультативным” – родители должны были подавать специальное заявление, если хотели, чтобы их дети непременно изучали верхнелужицкий или нижнелужицкий языки. В результате уже на следующий год количество желающих изучать родной язык упало в четыре раза⁴. Постепенное вытеснение национального серболужицкого элемента не могло не сказаться и в сфере культуры.

Все эти процессы, естественно, глубоко переживались серболужицкой интеллигенцией и – не в последнюю очередь – писателями. В качестве важнейшей тенденции всего послевоенного развития серболужицкой литературы (1945–1990) необходимо назвать тенденцию к двуязычию (то есть к созданию произведений как на немецком, так и на обоих серболужицких языках), которая, однако, по-разному обосновывалась на разных этапах литературного развития. Никогда еще проблема двуязычия не обрела такой принципиальной остроты в истории серболужицкой литературы, как это случилось после 1945 г. и особенно с 1970-х годов, когда двуязычие стало все чаще обосновываться как осознанная нравственная и эстетическая позиция. Не самую последнюю роль сыграло здесь, хотя и приходящее, но весьма важное обстоятельство: из-за запрета на изучение и публичное употребление родного языка в годы нацистского режима целое поколение серболужичан оказалось полностью лишенным возможности нормального овладения письменным и литературным языком и историей родной словесности, что не могло не отразиться и на специфике их вхождения в литературу. Это сказалось даже на творчестве Юрия Брезана, который вплоть до 1970-х годов подавляющее большинство своих произведений написал и опубликовал сначала по-немецки, предпочитая, чтобы на лужицкие языки их переводили профессиональные переводчики (Антон Навка, Цирил Кола и др.). Представители довоенной лужицкой интеллигенции – Мерчин Новак-Нехорнский, Павол Недо, и Фридо Метшк – в ре-

цензиях на книги Брезана 1950-х годов неодобрительно отзывались о попытках его утвердиться в качестве немецкого писателя и указывали на то, что с немцами Брезан почему-то "говорит яснее, чем со своими серболужичанами"⁵. Но с позиций сегодняшнего дня оказывается, что Брезан действовал в каком-то смысле патриотично, ибо, очень быстро утвердившись в ГДР как крупнейший серболужицкий писатель социалистического реализма и один из крупнейших писателей ГДР (в 1951 г. он получил Национальную премию ГДР и в 1973–1990 гг. был бессменно вице-президентом Союза писателей ГДР) он, как никто другой, много сделал, чтобы пробудить интерес к серболужицкой литературе в среде немецких читателей. Интерес к серболужицкой литературе за рубежами ГДР тоже вплоть до 1970-х годов шел в основном через интерес к Брезану, произведения которого, как правило, переводились с немецкого языка. Объективно Брезан (временами оставаясь в некоторой изоляции от определенных групп национальной интеллигенции) прокладывал пути для новой модели выживания серболужицкой литературы в резко изменившихся политических и социально-экономических условиях. В ГДР у серболужицкой литературы впервые в истории появилась перспектива резкого увеличения количества читателей. Именно этот фактор – желание разговаривать со всей читательской аудиторией в рамках своего государства (в рамках того политического и социального равноправия, которое в ГДР было, несомненно, обеспечено) – заставил наиболее талантливых серболужицких писателей постепенно использовать немецкий язык на равных с серболужицкими языками, учитывая и то, что все серболужицкое население поголовно стало двуязычным. Этот процесс перехода серболужицкой литературы на двуязычие отнюдь нельзя считать завершенным; он проходит достаточно болезненно (в том числе и для самих писателей), в острых дискуссиях и противоречиях. В немецком литературоведении возник даже термин "новая немецкая литература славянских серболужичан"⁶; который, по сути, адекватно отражает новую культурную ситуацию, отчетливо обозначившуюся уже в 1970-е годы, но еще более утвердившуюся в дальнейшем, когда на общегерманский книжный рынок, "прорвались" не только Ю. Брезан, К. Лоренц и А. Стахова, но и Юрий Кох, Рожа Домашцына и Бенедикт Дырлих. При чем "прорвались" за счет своего таланта, за счет умения писать и на немецком языке так, что стихи и проза их привлекают немецкие журналы, альманахи и издательства. Но это отнюдь не значит, что вся серболужицкая литература пошла по пути двуязычия: на сегодняшний день сосуществуют и дискутируются несколько концепций развития национальной культуры, имеющие своих приверженцев как среди творческой интеллигенции, так и среди народа. Заметную роль в формулировании тех или иных пози-

ций среди населения по-прежнему играет церковь – как католическая (за последние десятилетия заметно упрочившая свои позиции), так и протестантская.

В то же время серболужицкая литература на протяжении всего рассматриваемого периода располагала писателями, которые не писали (или почти не писали) своих произведений на немецком языке. В это число входят как представители старшего поколения (М. Новак-Нехорнский, Ян Цыж, Мина Виткойц, Марья Кубашец, и др.), писатели среднего поколения (Петр Малинк, Марья Млынкова, Кжесчан Кравц (род. в 1938 г.), Юрий Кравжа (род. в 1934 г.), Герат Либш (род. в 1935 г.) и др.), но и значительное число более молодых авторов (Марья Кравец (род. в 1948 г.), Томаш Навка (род. в 1949 г.), Петр Тиман (род. в 1964 г.) и др.). У авторов, пишущих на верхнелужицком и нижнелужицком языках остается и в условиях объединенной Германии достаточно возможностей для публикации своих произведений: созданный в 1991 г. "Фонд для серболужицкого народа" располагает достаточными средствами, чтобы оказывать серьезную финансовую помощь издательству "Домовина" (с учетом издаваемых там же журналов и газет), Серболужицкому институту, Немецко-серболужицкому народному театру и т. д.

Поэзия

В 1960–1980-е годы в Сербской Лужице сосуществовали и развивались несколько поэтических традиций, которые имели в своем основании различающиеся философские, эстетические (а порой и нравственные) установки. Некоторые поэты старшего поколения продолжали выражать традиционные религиозно-нравственные идеалы, почти не откликаясь на новейшие веяния; эта ветвь поэзии, ярче всего представлена поздней лирикой Яна Лайнерта (1892–1974) и Йозефа Новака (1895–1978). Лайнерт, талантливый сын бедного крестьянина, ставший учителем в деревне и прошедший две мировых войны, изгнанный в 1934 г. национал-социалистами из родины как "опасный" носитель национального сознания и все же поставленный под ружье; оставшийся после безвременной смерти жены с четырьмя детьми на руках... – весь этот не совсем обычный жизненный опыт Лайнерт перерабатывал в добрые, проникнутые любовью стихи: любовью к жизни, к природе, ко всему сущему – вербе и розе, лесным грибам, весне и зиме. Совершенные по форме, объединяющие в себе традиции народно-романтической лирики Г. Зейлера и субъективно-экзистенциальные интонации Я. Барта-Чишинского, стихотворения Лай-

нерта были чужды какому-либо воспеванию социалистических строек, уничтоживших тысячелетний ландшафт национального этноса; ни в одном стихотворении Лайнерта нет и прославления "нового человека"; возводящего индустриальный мир общества потребления с утопической мечтой о коммунизме. Лайнерт, скупно используя средства экспрессии и приглушая эмоции, умеет органично соединить в стихотворении обостренное ощущение красоты каждого преходящего мгновения жизни (летний дождь, зашевеливший листву, порыв ветра, улыбка любимой) с мыслями о вечном, непреходящем. В позднем стихотворении "Любовь не увяла" (1972) он напоминает о разрушениях и утратах, которые несет с собой необратимое время, и о тех бедах, которые сами люди несут друг другу; до последней строфы кажется, что все стихотворение – дань старческому пессимизму и горькому скепсису, но в последней строфе вводится образ умершей возлюбленной, которая в памяти остается неувядающе молодой и прекрасной, и поэт понимает, что раз в душе остался неувядающий образ, значит и сама душа еще не увяла, и пока время и царящее в мире зло не властны над человеческой душой, остается надежда.

Невелико по объему и позднее поэтическое наследие Йозефа Новака, крестьянского сына, мальчиком прислуживавшего в церкви самому Барту-Чишинскому, что сыграло определяющую роль и в дальнейшей судьбе: Новак стал священником и поэтом. Обучаясь в Серболужицкой семинарии и затем в Пражском университете, будущий католический священник с восторгом воспринял провозглашение Чехословацкой Республики и с нетипичным для духовного лица светским темпераментом участвовал в политических и литературных баталиях 1920-х годов в Сербской Лужице. Его патриотические драмы, призывавшие серболужичан к национальному сплочению, и поэтический сборник "С духом свободы" (1919), с романтической патетикой призывавший лужичан последовать примеру братьев-чехов, явились важными факторами национального самосознания между двумя мировыми войнами. Текст популярного стихотворения Новака "К восстанию, сербы!" (1919) неоднократно цитировался в фашистских газетах, чтобы доказать правомерность "окончательного решения" не только еврейского, но и серболужицкого вопросов. В годы фашизма Новак подвергался различным репрессиям. Все его ранние патетическо-романтические произведения были переизданы в 1940–1950-х годов, и органично вписались в оптимистическую атмосферу этих десятилетий. Но накопленный десятилетиями страшного века жизненный опыт не прошел даром ни для священника, ни для поэта. Если в 1945 г. он написал искреннее религиозно-патетическое стихотворение "Освобождение 1945", то в 1960-е и в 1970-е годы его лирика становится все более созерцательной,

углубленно-религиозной; поэт старательно избегает проблем современности, хотя его отношение к индустриализации все же отчетливо прочитывается в стихотворениях о природе ("Бедная мать", 1965, – речь идет о матери-Земле). В поздних стихотворениях поэт воспевает родной язык, родную природу и подводит итоги своим размышлениям о судьбе родного народа ("Серболужицкий псалм", 1975–1977).

Ни религиозно-философская лирика позднего Новака, ни приемлющая бытие как небесную благодать и высшее откровение (несмотря на все испытания, ниспосланные свыше) поэзия Лайнерта не нашли продолжения в серболужицкой поэзии рассматриваемого периода. Новая серболужицкая поэзия в 1960-е годы искала уже иные ориентиры, опираясь на которые она могла отчетливее выразить назревавшие противоречия. Одним из важнейших ориентиров в 1960–1970-х годов стало для молодых серболужицких поэтов творчество немца Йоханнеса Бобровского и лужичанина Юрия Хежки, поэтическое наследие которого было посмертно опубликовано в двух книгах: "Сочинения" (1961) и "Поэзия малой каморки" (1971). Хежка, живший с 1929 г. в Праге и в 1937–1939 гг. возглавлявший "Сербовку" (организацию серболужицких студентов, живших в Праге), с приходом к власти фашизма в Германии мучительно переживал за судьбу своей родины и своего народа. Он даже подал заявление на получение чешского гражданства и в рукописях оставил незавершенный сборник "На пути к другой родине" (ок. 1937 г.), несколько последних стихотворений которого написаны по-чешски. Как заметил в 1971 г. Кито Лоренц, "эта дошедшая до нас небольшая тетрадка с 23 текстами стала ядром новой лужицкой поэзии"⁷. Символика обоих поэтических сборников Хежки как нельзя лучше вписывалась в контекст тех идейно-эстетических поисков, которые с конца 1960-х годов вела литература ГДР. "Поэзия малой каморки" – это поэзия самоопределения, поиска собственного "я" в его взаимоотношениях с миром. Но "поэзия малой каморки" обозначала противостояние личности враждебному внешнему миру (книга создавалась накануне Мюнхенских соглашений, и как только фашисты вошли в Прагу, Хежка был арестован). Незавершенный сборник "На пути к другой родине" символизирует другой полюс – поиски поэтом выхода из тупика самоизоляции, нащупывание им возможностей новой коммуникации, нового человеческого сообщества, ради которого он должен выйти из своей "малой каморки".

Новый этап в развитии поэтического творчества крупнейшего современного серболужицкого поэта Кито Лоренца (род. в 1938 г.), с которым связано начало новейшего периода в истории серболужицкой поэзии, наметился уже во время работы над сборником "Струга" (1967), одной из характерных черт которого было то, что в нем соседствовали тексты на не-

мецком и верхнелужицком языках. Лоренц не сомневался, что серболужичанин поймет его на обоих языках, но он хотел разговаривать и с немцами, которых не воспринимал как враждебную социальную и культурную среду: и лужичане, и немцы составляли единое государство с единым социальным и духовным климатом; общие проблемы сблизили его с лучшими представителями "поколения Фолькера Брауна" или "саксонской школы поэтов" (тем более, что Верхняя Лужица находится в Саксонии). С некоторыми из этих поэтов у него установились прочные дружеские контакты (Р. Кирш, Э. Эрб и др.). Но главное все же состояло не в этом: сборник противоречив изнутри, в нем сосуществуют и полемизируют друг с другом созерцание "социалистического" человека, гордящегося возрастанием социально-экономического потенциала своей страны, и мирозерцание "нормального" человека, с ужасом наблюдающего, как уничтожаются родные деревни, пруды и озера:

...Ох ты, родина моя, Лужица –
грязный рай красивых мест,
от тебя сбежать бы надо,
будто гномику из сказки
(колокольный звон спугнул),
в глубину нырнуть, как рыба,
от зловоний сточных вод
иль зажечь в Слепянской церкви
все старинные лампадки...

"Струга", второй вариант, перевод В. Левыкина

Сборник завершает небольшая поэма "Опыт над нами" – крик души, обращенный к друзьям, немцам и лужичанам ("Какой язык я должен изучить, / чтоб вы меня слышали, друзья?"), где поэт демонстративно отказывается от попыток поэтизировать вещи, по существу своему лежащие вне поэзии: ("Я никакой поэзии не знаю, / знать не хочу, / но о жестоких буднях; / о быте ежедневном я скажу / метафорическим сарказмом обличенья – / двадцатилетним"). Но с памятью не сладить, образы юности наплывают на картины современного индустриального разбоя:

...Все упорней
одну деревню за другой,
включая кладбища,
мы переносим (нет уж Винеты
на дне озер, а раньше был карьер,

где мы с тобой впервые целовались,
родная Анна, где росли березы,
их не увидят уж потомки наши)...

Перевод В. Левыкина

Все последующее творчество Лоренца (после "Струги") видится как осуществление вполне определенной программы с ясно очерченными эстетическими и национально-патриотическими координатами. Осмысляя наследие своего великого деда (Якуба Лоренца-Залеского), духовный и эстетический опыт Й. Бобровского и Ю. Хежки, он развивает интенсивную творческую, организационную и издательскую деятельность, стремясь стать в равной мере признанным серболужицким и немецким серболужицким поэтом и проложить тем самым серболужицкий "мост" в большую европейскую литературу: до возникновения ГДР ни один серболужицкий писатель на немецкий язык не переводился, и в ФРГ никто их печатать не собирался). Он стремится также пробудить в немецкоязычной читающей аудитории интерес к серболужицкой литературе и способствовать повышению эстетического уровня самой серболужицкой литературы, выходу ее за пределы традиционных национальных тем и способов их художественной обработки. По сути, он во многом продолжал дело, начатое Юрием Брезаном, но на новом историческом этапе и руководствуясь собственными идейно-эстетическими представлениями. В дальнейшем Лоренц опубликовал поэтические сборники "Ключи и дороги" (1971, на верхнелужицком языке), "Землеустройство" (1973, на немецком языке), "Избранное" (1979, на верхнелужицком языке в серии "Серболужицкая поэзия. 7", расширенное издание в 1982 г.), "Страна слов" (1984, на немецком и верхнелужицком языках), "Ты около меня" (1988, на верхнелужицком языке), "Против большого пугала" (1990, на немецком языке). Его поэтическое развитие сочетало как углубление лирического самовыражения в контексте нарастающего кризиса ГДР и связанной с этим специфически-серболужицкой окраски этого кризиса, так и нарастание сатирических и иронических элементов в экспериментальной поэзии, активно использовавшей постмодернистские приемы и средства. Лоренц не только раздвинул лирические и психологические границы лужицкой поэзии, но, творчески освоив современные формы европейской поэзии, остался тем не менее глубоко привязанным к проблемам своей малой родины, что придает его поэзии неповторимый колорит. Развивая свою модель развития серболужицкой культуры в условиях современной Европы, Лоренц ратует за плодотворное использование исторически обусловленного славянско-германского контекста, свою роль он видит в том числе и как "миротворящее посредничество"⁸.

С 1973 г. Лоренц является главным редактором серии "Серболужицкая поэзия" (44 книги, до 2000 г.), он подготовил, издал и сопроводил своими статьями и комментариями десятки книг серболужицких классиков и своих современников. Особую роль во взаимосближении серболужицкой и немецкой литератур сыграла подготовленная им двуязычная антология "Серболужицкая книга для чтения" (1981), изданная в популярном издательстве "Реклам" и ставшая сенсацией не только для немцев, но и для самих серболужичан. Кроме того он с 1970-х годов организовал вокруг себя кружок молодых серболужицких литераторов, откуда, собственно говоря, пошла "новая волна" в серболужицкой поэзии. За рубежами Германии первыми открыли поэзию Лоренца чехи, издавшие уже в 1972 г. отдельную книгу его стихотворений на чешском языке.

Наиболее органично и продуктивно дальнейшее развитие традиций Ю. Хежки и К. Лоренца обнаруживается в творчестве Рожи Домашцыной (род. в 1951 г.), опубликовавшей поэтические сборники "Я – назад, а впереди ты" (1990, стихи 1980–1989 гг., на верхнелужицком языке), "Безбилетник" (1992, на немецком языке), "Против всех преград" (на верхнелужицком языке). Не уходя от серболужицкой мифологии, истории, быта и обычаев, она насыщает свои стихи реалиями других художественных миров (Ф. Гарсия Лорка, А. Ахматова, украинская поэтесса Антонина Цвид, Ф. Браун, И. Бахман и др.), сохраняя и индивидуальное мироощущение и оригинальные формы самовыражения. Как пишет З. Дамм, "Рожа Домашцына не будет разыгрывать серболужицкого клоуна в средневропейской клетке. Ее творческий фундамент: промежуточное пространство, собственное – чужое. Ее местонахождение: Баутцен, Будишин, восточный Восток Запада..."⁹

По пути активного использования двуязычного контекста пошел и Бенедикт Дырлих (род. в 1950 г.), вступивший в литературу в 1970-е годы и выпустивший сборники стихотворений "Зеленые поцелуи" (1975, на верхнелужицком языке; 1980, на немецком языке), "Третий глаз" (1978, на верхнелужицком языке), "В капкане. Стихотворения и лирическая проза" (1986, на верхнелужицком языке), "Сжигание ведьм" (1988, на немецком языке), "Избранное" (1990, на верхнелужицком языке в серии "Серболужицкая поэзия. 28"). Своеобразна биография Дырлиха: чемпион ГДР по велоспорту среди школьников, он оканчивает католическую семинарию, два года работает "медбратом" в госпитале, оставляет мысль о сане священника, женится и с 1973 г. работает литературным сотрудником в немецко-серболужицком театре в Баутцене, оканчивает Высшую театральную школу в Лейпциге, становится завлитом и режиссером... и осенью 1990 г. избирается депутатом ландтага Земли Саксония. Весь этот разно-

образный и противоречивый жизненный опыт Дырлих стремится переработать в своей поэзии, по экзистенциальной глубине и яркости дарования уступающей К. Лоренцу и Р. Домашчиной и нередко соскальзывающей из оригинальности в тривиальность. Гораздо более традиционна лирика **Бено Бударя** (род. в 1946 г.), изучавшего славистику сначала в Лейпциге, затем в Ростове-на-Дону и издающего свои поэтические сборники на верхнелужицком языке. Традиционные в лужицкой поэзии темы природы и родины, которые автор не всегда успешно пытается осовременить, ригористически обозначая свою личную причастность к извечной национальной проблематике; но рядом с этим – живые образы, виртуозное владение классическими формами стиха, игрой слов и рифм; национальная трагедия отступает, уступая место молодости и радости ежедневного бытия:

Разломилось льдины тело
С хрустом вдоль и поперек.
Солнце на небе запело,
Вспеняся, заиграл поток.
Выпуская льдинок стаю,
Пир свой празднует вода.
И они, на солнце тая,
Исчезают навсегда.
А большая всех чудесней
Кружит, кружит на волне,
Словно душу полнит песней
О воде и о весне.

"Большая вода весны", перевод С. Агальцова

Более притязательно с точки зрения современной поэтики лирическое творчество **Марьи Кравец** (род. в 1948 г.), издавшей на верхнелужицком языке поэтические сборники: "Страна перед зеркалом" (1981) и "Босиком через стерню" (1986). Глубина субъективных впечатлений и тонко подмеченных деталей органично наслаивается на национальное мироощущение, которое, однако, остается открытым и для широкого мира. То же можно сказать и о лирике **Томаша Навки** (род. в 1949 г.); начавшего публиковаться в 1970-е годы и постепенно ищущего свой путь между реалистической традицией и ее преодолением с помощью субъективного переосмысления новой исторической и духовной ситуации. В текущей литературной жизни заметную роль играет лирика **Юрия Коха** (в основном прозаика) и изящная, зачастую окрашенная юмором поэзия **Герата Либша** (род. в 1935 г.).

В интеграционных процессах серболужицкой и немецкой литератур ГДР до середины 1960-х годов почти монопольное место занимал **Юрий Брезан** (род. в 1916 г.). К 1964 г. на немецком языке было издано 30 книг серболужицких авторов, из них 13 принадлежали Брезану (10 авторских книг и 3 составленных им антологии)¹⁰. В первое двадцатилетие литературы ГДР Брезан оставался единственным серболужицким писателем, который полностью шел "в ногу" с развитием немецкой литературы ГДР, его книги входили тогда в число самых популярных и многократно переиздавались, например, повесть "Криста" (1957) переиздавалась на немецком языке в ГДР более тридцати раз. С конца 1960-х годов ситуация стала заметно изменяться как в поэзии, так и в прозе: молодые талантливые серболужицкие писатели стали легко находить дорогу к немецким издателям (но путь им, по сути, проложил именно Брезан).

Развиваясь синхронно с основными тенденциями всей литературы ГДР (а порой и опережая их), но постоянно держа в центре внимания национальную серболужицкую проблематику, Брезан – в духе интернационального социализма – основной акцент делал на социальной проблематике. Социальная проблематика лежит и в основе его фантастической повести "Черная мельница" (1968), где лужицкая легенда о находчивом и обладающем волшебными чарами Крабате, возникшая в период тридцатилетней войны (1618–1648), переплетается с другими серболужицкими легендами и мифами и перерастает в грандиозную картину извечного и непримиримого социального противоборства "низов" и "верхов". Успех этой повести побудил Брезана глубже обдумать возможности, предоставляемые обработанным им сюжетом. Жанровая новизна романа "Крабат, или Преображение мира" (1976) заключается прежде всего в смелом и в основном удавшемся соединении трех художественных пластов: фольклорно-мифологического, исторического и научно-фантастического. Каждого из них в отдельности вполне хватило бы для создания серьезного произведения, но соединение их вместе придало роману ту идейно-художественную масштабность, за которую критика тех лет практически единодушно назвала его "эпопеей серболужицкого народа". Очень сложные и разветвленные ходы сюжета объединяются в единое целое благодаря образу Крабата, который, несмотря на различные метаморфозы остается центральным героем во всех названных пластах романа. Крабат в романе – образ, вобравший в себя лучшие черты народа, борющегося за свое социальное освобождение. В то же время, продумывая философскую концепцию романа, Брезан стремился создать серболужицкую параллель к Фаусту – в смысле неус-

танного поиска Истины, постепенно подводящего и гётевского Фауста к неизбежным на Земле социальным проблемам. Временные рамки "Крабата" раздвинуты от библейской эпохи сотворения мира до далекого будущего, когда Ян Сербин (исторически-фантастическое воплощение Крабата) открывает универсальную формулу жизни. Фольклорно-мифологический и исторический пласты романа тесно переплетены, но скупые исторические реалии помогают сориентироваться, происходит ли действие в эпоху средневековья или относится уже к новому времени. Каркасом исторического пласта романа является изображение жизни нескольких поколений лужицкого рода Сербиных, который в миниатюре представляет историю лужицкого народа. Легендарным родоначальником лужицкого народа (по Брезану) является Крабат, который в незапамятные времена полюбил на лужицкой речке Саткуле девушку Смялу и здесь же обрел своего лучшего друга Якуба Кушка. Младшим отпрыском рода Сербиных является Ян Сербин, биогенетик с мировым именем, живущий в ГДР. Ян Сербин как очередное перевоплощение Крабата не только прочно связывает исторический и фантастический пласты романа, но завершает и мифологическую линию, ибо твердая социалистическая позиция Яна Сербина является продолжением определенных исторических традиций, которые Брезан изображает как обобщение опыта прошедших поколений, всего исторического опыта народа.

Получив за "Крабата" третью Национальную премию ГДР и продолжая оставаться самым известным серболужицким писателем и одним из наиболее известных писателей ГДР, Брезан очень медленно и с трудом уходил с просветительски-дидактических позиций, характерных для литературы ГДР в 1940–1960-х годов. Хотя он неоднократно говорил в эти годы, что с каждым новым произведением все ниже спускается с кафедры проповедника, как вице-президент Союза писателей ГДР он еще и в 1982 г. (в докладе "Об отражении, о больших и малых переживаниях и о достоинстве писателя" на заседании правления Союза писателей ГДР) считал нужным критиковать молодых писателей за усиленное внимание к внутреннему миру личности, словно не замечая, что же на самом деле происходило в эти годы в обществе ГДР. В художественную прозу его тем не менее вовлекаются элементы сатирического и иронического изображения некоторых сторон действительности ГДР (сборник рассказов "Мышиная башня", 1970). Но в целом его творчество вплоть до 1990-х годов не порывает связей с просветительскими философско-эстетическими установками, хотя он и стремится к более разностороннему освещению истории и современности: "Подвенечный убор и другие истории" (1979, сборник рассказов), роман "Портрет отца" (1982), автобиографическая книга "Мой жизненный

срок" (1989). Философско-эстетическая переориентация писателя, позволяющая говорить о качественно новом этапе его творчества, была вызвана событиями 1989–1990 гг. и отразилась даже в названии второго тома дилогии "Крабат, или Сохранение мира" (1994).

Новые тенденции в развитии серболужицкой прозы рубежа 1960–1970-х годов отчетливее всего выразились в творчестве **Марьи Млынковой** (1934–1971) и **Юрия Коха**. Млынкова, начавшая литературную деятельность еще в 1950-е годы как литературный критик, эссеист и издатель, в 1964 г. выпустила повесть "Заботы в девятом классе", высоко оцененную критикой. Но совершенно очевидным ее новаторство в серболужицкой литературе 1960-х годов стало в сборнике повестей и рассказов "Синий василек и красный мак" (1965) и романе "Дни в долине" (1967), а также в по-смертно опубликованных произведениях. В масштабах серболужицкой литературы проза Млынковой сопоставима с поисками Б. Райман и К. Вольф того же периода. Для Млынковой тоже характерно переключение внимания на внутренний мир личности, преобладание психологического конфликта, моральный и этический ригоризм, не допускающий "лакировки" изображаемой действительности. Но если К. Вольф и Б. Райман как бы полностью погружаются в переживания своих героинь (используя внутренние монологи, дневниковые записи и письма), то психологизм Млынковой – чаще ситуативный, объективированный в действиях и поступках героев. Переживания ее многочисленных героев и героинь уже никак не связаны с выполнением и перевыполнением планов или социалистических обязательств, конфликты и характеры "заземляются", переходят в сферу жизни в буднях, где детали и частности (в том числе и психологические) резко возрастают в своих масштабах и значении. Все свои произведения Млынкова писала по-верхнелужицки и не привлекла внимание немецких издателей и переводчиков, хотя том ее избранной прозы вышел в 1973 г. на чешском языке в Праге. В настоящее время почти все рукописное наследие Млынковой хорошо издано и откомментировано.

Самым крупным серболужицким прозаиком рассматриваемого периода стал **Юрий Кох** (род. в 1936 г.), пишущий на обоих серболужицких языках и на немецком языке. Ю. Кох в этот период сделал для серболужицкой литературы то, что на новом историческом витке развития уже не мог сделать Ю. Брезан: он обновил сюжеты и темы, изменил характер конфликта, отказавшись с начала 1970-х годов от широких эпических полотен, он одновременно "субъективизировал" свою прозу, усилил национальный элемент, который стал превалировать над социальным. Ставшая одной из важнейших для Коха экологическая тема разрабатывалась им в прозе с такой же остротой, как это делал К. Лоренц в своей поэзии. Вооб-

ше по направлению и масштабам своей организаторской и творческой деятельности Кох вполне сопоставим с Лоренцем, объективно они дополняют друг друга.

В романе "Между семью мостами" (1968) еще чувствовались остатки "панорамности", стремление вовлечь в орбиту действия большое количество персонажей. Но по сравнению с панорамными романами Брезана 1960-х годов здесь уже заметно возрастает критика неувязок "реального социализма". Действие разворачивается в одном из поселков Нижней Лужицы, где по призыву партии становится бургомистром тридцатилетний Вильгельм Косак, который все проблемы хочет решить быстро и "по теории", но из этого мало что получается, ибо жизнь в поселке идет по написаным законам, которые молодой бургомистр медленно, но все же начинает понимать. В 1975 г. Кох опубликовал на немецком, верхнелужицком и нижнелужицком (1976) роман "Розамарья", который является продолжением первого романа, но действие разворачивается уже в другом месте Нижней Лужицы, куда перебирается работать главный герой, избранный председателем местного отделения Домовины. Смещение содержательных акцентов по сравнению с первым романом можно понять уже по названию – судьба Косака отодвигается на второй план, а на первый выходит более сложная судьба молодой учительницы с прекрасными задатками и качествами, но несчастной: на работе – из-за бесконечной рутины, неурядиц и интриг, в личной жизни – из-за того, что Косак, с которым она сблизилась, в конечном итоге предпочитает соединиться со своей возлюбленной из первого романа Франциской. Симптоматично само смещение в выборе главного героя, это – не победитель, а потерпевший поражение. Эта линия в творчестве Коха в дальнейшем не только сохранится, но заметно усилится. В 1975 г. на немецком и серболужицких языках была опубликована небольшая повесть "Землеустроители", в которой Кох с невиданной до того в серболужицкой прозе остротой и психологической точностью соединил проблему экологии природы с экологией серболужицкого этноса. Дальнейшую разработку эта тема получила в сборнике рассказов и повестей "Одинокый Непомук" (1978, на лужицких языках; 1980, на немецком языке) и в повести "Вишневое дерево", опубликованной в 1984 г. по-верхнелужицки и по-немецки и в 1987 г. – на нижнелужицком языке. В этих рассказах и повестях Кох с исключительной психологической убедительностью сталкивает мирозерцание индустриального мира и современной стандартизированной цивилизации (с соответствующим ей стандартизованным мышлением и чувствованием) и мир традиционных народных ценностей. Но речь у Коха не идет о какой-либо патриархальной идиллии, он ставит проблемы на нравственно-психологическом уровне, именно

здесь герои сталкиваются, побеждают или терпят поражения. Кох тонко показывает и нравственное расслоение в серболужицкой среде: соблазны потребительской цивилизации проникают в отдаленные деревни, их носители (у Коха это нередко — немцы) чувствуют себя полновластными хозяевами жизни.

В повести "Вишневое дерево" возникает любовный треугольник: технократ-немец Зигхарт, традиционалист-лужичанин Матиас, и девушка-лужичанка Эна (невеста Матиаса), воспитанная в народной традиции, но недостаточно устойчивая перед соблазнами чужих и внешне ослепительных миров. Не случайно оба молодых героя, которых столкнуло чувство к одной и той же девушке, так сильно привязаны к своей "технике": Матиас к коню, а Зигхарт — к автомобилю. Зигхарт не лишен таких качеств как нравственность или чувствительность, но он — типичный технократ, и приверженность технократии не могла не наложить отпечаток на его нравственный облик: так же, как он абсолютно уверен в превосходстве своего автомобиля над лошадью, так же уверен он и в своем праве "рационально" перекраивать окружающую природу, не интересуясь, согласны ли с этим столетиями живущие в данной местности люди. Сама мысль о необходимости такого согласия не приходит технократу в голову — ведь он руководствуется "высшими" соображениями, общегосударственной "пользой". Но таким образом можно обозначить лишь внешнюю канву конфликта, ибо Кох выступает здесь как художник, далекий от какой-либо нарочитой дидактики: каждый герой изображен в его лучших проявлениях и в его слабостях, никто из героев не идеален, у всех есть черты, вызывающие как симпатию, так и отталкивание. Художественные идеи Коха лежат гораздо глубже, из них нельзя извлечь "руководство к действию" или дидактику (иное дело публицистика Коха). А на уровне художественной идеи Кох тяготеет к миру дохристианских реликвий, к магическому мирозерцанию, которое видело все вешные элементы мира в неразрывных взаимосвязях и взаимозависимостях — их Кох рассматривает особенно пристально. Когда в роковом, нереально-фантастическом стечении обстоятельств гибнут все три героя повести, то в свои права вступает "магическая" реальность, которую современные люди могут лишь смутно предчувствовать, но не осознавать на рациональном уровне. Олицетворением истинной, магической реальности выступает в повести древнелужицкая богиня Жива, чей образ, вырезанный в дереве в дохристианские времена, тайно сохранялся в семье, передавался из столетия в столетие, и она незримо оберегала род от окончательной гибели. Интерес к магическому и внерациональному так или иначе сказывается на всем позднем творчестве Коха, хотя он в основном остается реалистом.

Оставляя для "магического слоя" своих произведений неразрешимые загадки бытия (о цели и смысле эволюции жизни на Земле, о внеприродной заданности этой эволюции и о месте человека в этом; не зависящем, по сути, от него процессе), Кох во всем остальном остается на конкретной социальной и общественной почве, вникает во все практические подробности разворачивания событий на его родной земле и во всем мире. В разнообразном творчестве Коха последнего периода можно выделить великолепную философскую повесть-сказку "Пинтлашк и золотая овца" (1983), где яркие фольклорные образы перерастают в аллегории современного мира, "магический" детектив "Багола. История одного браконьера" (1985, на верхнелужицком; 1988, на немецком языке), роман "Глазная операция" (1988, на немецком языке; 1989, на верхнелужицком языке) и книгу "репортажей из Сербской Лужицы" "Ликование и боль сизоворонок" (1991, на верхнелужицком языке; 1992, на немецком языке). В одном из репортажей, рассказывая о малоуспешных поисках вместе с орнитологом последней птицы из когда-то повсеместно водившейся в Сербской Лужице породы, Кох пишет: "Я очень хочу знать, можно ли еще отыскать двух последних сизоворонок на моей земле. Для моей этнической породы крайне важно знать, что в мое время, перед моими глазами (чтобы меня могли призвать в свидетели, если дело дойдет до Судного дня) что-то пришло к своему концу, что не должно было заканчиваться. Мне очень хотелось бы еще отыскать прекрасную птицу. Именно потому, что я могу представить себе мир только с моей этнической породой. Отсутствие этой птицы означает для меня утрату. Ее отсутствие означает обеднение Земли. Возможно, в континентальном или даже планетарном смысле. Одной краской меньше. В пользу серых ценностей. Одним звуком меньше, одним языком меньше. В пользу молчания. Это – заблуждение – и оно очень помогает человечеству на путях его ложной эволюции – это заблуждение, думать, что взаимопонимание на Земле значительно продвинется, если станет меньше языков, а посему и не стоит задумываться о потере одного крохотного, самого маленького из славянских языков. Гораздо важнее другое, к примеру, чтобы не прерывалась работа сметающих деревни бульдозеров и чтобы электростанции получали свою жратву, плохо только, что уголь, который они жрут, залегают как раз под теми деревнями, в которых еще говорят на этом языке..."¹¹

В том же направлении, но в несколько более камерном ключе, развивалась проза Ангелы Стаховой (род. в 1948 г.), опубликовавшей свою первую повесть на верхнелужицком языке в 1974 г. и издавшей затем книги "Час между кошкой и собакой" (1976, сборник рассказов, на немецком языке), "История для Майки" (1978, сборник рассказов, на немецком язы-

ке); "Дома в субботу вечером" (1978, на верхнелужицком языке), "Винета" (1983, повесть, на верхнелужицком языке), "Маленький соблазн" (1983, рассказы, на немецком языке), "Неожиданное похолодание" (1984, рассказы, на верхнелужицком языке), "Восемь дней прощения" (1987, рассказы, на немецком языке) и др. Стахова с первых же рассказов и повестей естественно вписалась в литературу ГДР 1970-х годов (М. Вандер, Х. Шуберт, Х. Кёнигсдорф, К. Вольтер и др.), где основным испытанием нравственного достоинства человека становятся ежедневные будни, с их рутиной, но и с тем светлым, что в них тоже есть и уж в любом случае должно быть отыскано героями. Тонкий психологизм, недоговоренность, полутона, легкая грусть, но и способность к иронии, к взгляду на героев со стороны – вот отличительные качества первых рассказов Стаховой, сразу же привлечших внимание как немецких, так и лужицких читателей. Но в следующих книгах все больше горечи; ирония исчезает, и ее место заполняет едва ли не отчаяние; как, например, в повести "Винета", где на фоне разрушаемой дедеревни герои расстаются с первой любовью. В период потрясений в ГДР Стахова была избрана в ландтаг Саксонии, по истечении срока депутатских полномочий перебралась жить в Берлин, но продолжает публиковаться на немецком и на верхнелужицком языках.

Среди активно работающих верхнелужицких прозаиков необходимо упомянуть **Яна Ворнара** (род. в 1934 г.), опубликовавшего в 1967 г. сборник коротких рассказов "Дудка ночного сторожа" (расширенное издание в 1975 г.), привлечшего внимание сочностью народного языка, заостренностью анекдотического содержания, возродившего к новой жизни популярную традицию крестьянского юмора XIX в., очень активно использовавшегося например в рассказах Яна Вели-Радысерба. Ворнар пишет рассказы, литературные сказки, книги для детей, пьесы. Роман "Распутье" (1986) посвящен проблемам молодежи. С начала 1960-х годов выступает **Юрий Кравжа** (род. в 1934 г.), в основном как автор книг для детей и юношества. Изданный в 1982 г. сборник его избранной прозы "Икар под синим небом" объединяет рассказы 1960–1980-х годов. Очень активно работает **Кжесчан Кравц** (род. в 1938 г.), выступающий как прозаик, драматург, детский писатель и журналист; издавший несколько книг литературных очерков. Наряду с этими писателями, играющими активную роль в текущем литературном процессе, в рассматриваемый период еще работали прозаики старшего поколения **Мина Виткойц**, **Марья Кубашец**, **Антон Навка**, **Херберт Новак** (род. в 1916 г.), **Ханжа Беншова**. Еще по несколько книг (в основном мемуарного характера) успели издать ветеран национального рабочего движения **Ян Цыж** (1898–1985) и ветеран национального типографского дела **Павол Гройлих** (1908–1992). Из представителей

следующих поколений продолжали публиковать свои произведения **Цирил Кола** (род. в 1927 г.), **Лора Коварёва** (род. в 1931 г.), **Ингрид Нагелова** (род. в 1939 г.), **Бен Будар** (род. в 1928 г.) и др.

Центром культурной, литературной, издательской, научной и театральной жизни Сербской Лужицы в течение всего послевоенного периода был Будишин, исторический и культурный центр Верхней Лужицы. Литература на нижнелужицком языке, давшая серболужицкой культуре в прошлом немало ярких имен (**Хандрош Тара**, **Кито Стемпель**, **Кито Швела**, **Мато Косык**, **Фриццо Роха**, **Мина Виткойц**, **Марьяна Домашкойц**, **Юро Зуровин**, **Богумил Швела**) развивалась после 1945 г. далеко не столь интенсивно как верхнелужицкая. Очевидно, сказывалась и культурная разобщенность населения в Нижней Лужице, остающейся сейчас уже совершенно крохотным островком в огромном немецком море. Выдающуюся роль в собирании и изучении нижнелужицкой письменности и литературы в этот период сыграли историк, филолог и писатель **Фридо Метшк** (1916–1990), историк литературы **Рудольф Йенч** (1903–1979) и разносторонний филолог **Павол Новотны** (род. в 1912 г.), а также редактор и издатель **Герат Ханчка** (1925–1987). Но именно период после 1945 г. остается практически до сих пор совершенно не исследованным. И тем не менее нижнелужицкая литература продолжает существовать и развиваться. В "антологии нижнелужицкой литературы", изданной в 1985 г. И. Нагеловой представлены **Сабина Дункелойц**, **Уве Гутшмит**, **Маргита Хайнрихова**, **Ингрид Хустетойц** (род. в 1956 г.), **Ю. Кох**, сама **Ингрид Нагелова**, **Херберт Новак**, **Хинц Рыхтар** (род. в 1961 г.), **Моника Слокова**, **Рожа Шенкарёва**.

Драма

Несмотря на существование с 1948 г. профессионального Серболужицкого народного театра в Будишине, стремившегося популяризировать национальную драматургию и стимулировавшего писателей на создание новых пьес, серболужицкая драматургия выглядит явно бледнее, чем лирика и проза. До обращения к этому жанру **Кито Лоренца** на исходе рассматриваемого периода, она не смогла создать пьес, в рамках литературы ГДР сопоставимых с драматургией **Х. Мюллера**, **П. Хакса**, **Ф. Брауна**. Да и само число написанных драм было невелико – 50 пьес за все послевоенное время, если положиться на данные знатока серболужицкого театра **Д. Шолту**¹². В серболужицкой литературе и в рассматриваемый период не появилось писателя с ярким драматургическим дарованием. Драмы возникали чаще всего из потребностей театра, который обязан был ежегодно

ставить хотя бы одну новую пьесу современного лужицкого автора. Поэтому чаще всего пьесы создавались по романам, повестям и рассказам известных авторов, поскольку можно было надеяться, что зритель (в Баутцене живет 50 000 человек) придет посмотреть сценическую версию любимейшего произведения. Так зрители шли смотреть "Старуху Янчову" Брезана и его же "Годы зрелости" (1968) или инсценировку романа Ю. Коха "Между семью мостами" (1970). Содержащийся в романе Коха критический потенциал еще отчетливее обнаружился при постановке, и партийная цензура обвинила пьесу в том, что она "принципиально направлена против нашей успешной социалистической политики в сфере образования"¹³, что не могло не иметь последствий и для самой пьесы. Кох попытался учесть критику и написал новую пьесу "Последний экзамен" (1972), где в центре – судьбы пятерых выпускников школы, живущих в интернате; у одного из них крадут деньги, и поиски вора становятся драматическим центром развертывания событий, в ходе которых исследуется моральный облик молодого поколения, готовящегося вступить в большую жизнь. Но дружба и моральные качества ребят выдерживают испытание, социальный и социалистический оптимизм, хотя бы в заключительных сценах, был налицо: пьеса шла как на немецком языке в Дрездене, так и на верхнелужицком в Баутцене. Из других сценических адаптаций Коха следует упомянуть пьесу "Землеустроители", поставленную в 1977 г. на немецком языке и в 1978 г. на верхнелужицком. Немецкий текст пьесы был опубликован.

Наиболее интенсивно в жанре драматургии работал Петр Малинк, писавший пьесы с 1950-х годов. После драмы "Ночной пациент" (1967), с успехом поставленной на сцене, он создал историческую пьесу "Ответ" (поставлена в 1973, опубликована в 1975), в основе которой лежит драматический эпизод из жизни Якуба Барта-Чишинского, подвергавшегося преследованиям и выселенного из родных мест. Последующие пьесы Малинка: "Дядя Шмитка в Сибири" (поставлена в 1976 г.), "Колдун Чинкослав и его помощник" (поставлена в 1976 г., по мотивам Г. Зейлера) и др. Несколько новых пьес в этот период написал Цирил Кола: "Визит родственников" (поставлена в 1969 г.), "Продать садовый домик" (поставлена в 1979 г.), "Час перед смертью" (1984). Первая из этих пьес написана в отчетливо социалистическом ключе, ее ставили на официальных торжествах. Речь идет о "визите родственников" из ФРГ и при этом демонстрируются преимущества социалистического строя.

С конца 1970-х годов на сцену все настойчивее выходит экологическая проблематика: с успехом ставятся пьесы Ю. Коха "Мой измеренный край" (1978), Хельмута Рыхтара (род. в 1942 г.) "Парабола о водяном" (1989), Ангелы Стаховой "Винета" (1990). Кох вводит в современный кон-

фликт мифологические мотивы и образы, которые при удачной режиссуре находят дорогу к чувствам современных зрителей. Встретила отклик и драма "На конной пасхальной процессии" (поставлена в 1985 г.) Бено Бударя (род. в 1946 г.), где на фоне любимого всеми лужичанами традиционного пасхального праздника обсуждаются серьезные проблемы серболужицкого этноса, в том числе и отмирания живого разговорного языка. Эта последняя проблема – в центре бурлескной комедии Кито Лоренца, решившего, наконец, и в этой области литературы сказать свое веское слово. Главным героем написанной в жанре народного фарса комедии "Колбаса" (поставлена в 1988, опубликована в 1994), по словам самого Лоренца, является серболужицкий язык, который автор использует с таким виртуозным изяществом, что зритель, забывая о фабуле пьесы, вслушивается в реплики, в игру слов, в неожиданный смысл пословиц и поговорок, в шуточные песни, сопровождающие и комментирующие действие, – то есть, по-своему продолжая "Хвалу и прославление серболужицкого языка" (1767) Юрия Меня – демонстрирует поистине неограниченные возможности верхнелужицкого языка, когда им владеет настоящий писатель. А само незамысловатое действие разворачивается в середине 1980-х годов в лужицкой деревне, где мать и дочь (на выданье), сидя с утра на скамейке перед домом, обсуждают способы приготовления колбасы, а заодно другие вопросы, касающиеся прошлого, настоящего и будущего – в самом бытовом и заземленном плане, доходящем до пересудов и сплетен; подходят разные люди (в том числе возможные женихи), завязываются разговоры... Пьеса прошла с успехом и получила почти восторженные отзывы критики... Но Лоренц пошел еще дальше – он написал пьесу "Вендское судоходство" (поставленную, правда, уже в 1994 г.), в которой в жанре "трагигротеска" обыгрывает различные эпизоды совместной лужицкой и немецкой истории, реалий традиционного быта и национальных взаимоотношений. Этот "трагигротеск" написан на немецком языке, но с использованием серболужицких песен, реплик, местных диалектов и – что не менее важно – реалий национального быта и мышления. Таков литературный ответ на новую культурную ситуацию и на вызов времени крупнейшего современного серболужицкого писателя, которого западная критика, в целом очень высоко оценивающая его творчество, нередко рассматривает как "парадокс авангардиста, привязанного к своей родине"¹⁴.

В 1990-м году, с присоединением ГДР к ФРГ, завершился очередной этап в истории серболужицкой литературы (1945–1990). Эти 45 лет – при всех возможных оговорках – стали периодом расцвета серболужицкой ли-

тературы, впервые получившей широкий выход в немецкоязычную читательскую аудиторию и значительно укрепившей свои позиции в европейских масштабах. Новые тенденции развития после 1990 г., хотя, кажется, и проявились уже с достаточной очевидностью, но их литературоведческий анализ невозможен без предварительной проработки всего массива художественных текстов.

-
- ¹ Die Sorben in Deutschland-Serbja w Nemskej. Sieben Kapitel Kulturgeschichte. Hrsg. von D. Scholze. Bautzen, 1993. S. 52.
- ² Ibid. S. 51–52.
- ³ *Oschlies W.* Die Sorben – slawisches Volk im Osten Deutschlands. 2. überarbeitete Auflage. Bonn, 1991. S. 62.
- ⁴ *Budar L.* Zum sorbischen Schulwesen // Die Sorben in Deutschland. Hrsg. von Maćica Serbska. Budyšin/Bautzen, 1991. S. 61–62.
- ⁵ Из рецензии Ф. Метшка на "Старуху Янчову". Брезана, цит. по: Piniekowa Ch. Literarische Zweisprachigkeit bei den Sorben 1949–1989 // "Lětopis". Zeitschrift für Sorabistik. Budyšin/Bautzen, 1992. № 1. S. 93.
- ⁶ *Koschmal W.* Perspektiven sorbischer Literatur // Perspektiven sorbischer Literatur. Köln; Weimar; Wien, 1993. S. 9–46.
- ⁷ *Лоренц К.* "Под солнцем настоящего..." // Хэжка Ю. Поэзия малой каморки. Алма-Ата, 1985. С. 7.
- ⁸ *Kirsch R.* Einer aus der Gilde der Dichter // Liebes und andere Erklärungen. Schriftsteller über Schriftsteller. Berlin und Weimar, 1972. S. 236.
- ⁹ *Domaŕcyna R.* Zwischen Gangbein und Springbein. Berlin, 1995. S. 1.
- ¹⁰ *Hauschke J.* Anmerkungen zur deutschsprachig verlegten sorbischen Literatur zwischen 1945 und Anfang der 60er Jahre in der DDR // "Lětopis". Bautzen / Budyšin, 1992. № 1. S. 100.
- ¹¹ *Koch J.* Jubel und Schmerz der Mandelkrähe. Bautzen, 1992. S. 42.
- ¹² *Scholze D.* Sorbisches Berufstheater // Die Sorben in Deutschland. Bautzen, 1993. S. 167.
- ¹³ *Völkel M.* Dramatiska literatura // Přinoški k stawiznam serbskeho pismowstwa lět 1945–1990. Budyšin, 1994. S. 146.
- ¹⁴ *Lorenc K.* Die wendische Schifffahrt. Tragigroteske in fünf Bildern, mit zwei Zwischenspielen und einem Epilog. Budyšin, 1994 (цитата из статьи голландского германиста Э. Ван дер Кнапа, помещенной в конце издания без нумерации страниц).

БИБЛИОГРАФИЯ

(В каждом разделе соблюдается хронологический принцип)

1. СЕРБОЛУЖИЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

1. Зейлер А.: Майское воскресное утро. Перевод Н. Гербеля; Моя родина. Перевод Н. Гербеля.
Вела И.: Возвращение домой. Перевод Н. Берга; Полудница. Перевод Н. Берга; Ездок. Перевод Н. Берга; Незнакомец у могилы. Перевод Н. Берга.
Бук Я. Сербская липа. Перевод Н. Гербеля.
Горник М. Сербам. Перевод Н. Гербеля.
В кн.: Поэзия славян. Сборник лучших поэтических произведений славянских народов. Изданный под редакцией Ник. Вас. Гербеля. СПб., 1871. С. 529–534.
2. Зейлер А.: Майское воскресное утро. Перевод Н. Гербеля; Моя родина. Перевод Н. Гербеля.
В кн.: Гербель Н.В. Полное собрание стихотворений. Т. 2. СПб., 1882. С. 280–282.
3. Сиротинин А. Самый маленький славянский народ и его поэзия (в статье опубликованы переводы серболужицкой поэзии).
В кн.: Сиротинин А. Россия и славяне. СПб., 1913. С. 175–220.
4. Серболужицкие сказки.
В кн.: Сказки славянских народов. Перевод М.А. Лялиной. СПб., 1899. С. 123–130.
5. Верхне- и нижнелужицкие песни // Эпос славянских народов. М.: Художественная литература, 1959.
6. Брезан Ю. Повесть про девушку Трикс, ее друзей и вола Исая. М.: Молодая гвардия, 1960.
7. Брезан Ю. История одной любви. Повесть // "Иностранная литература". М.: Известия, 1963. № 9.
8. Сказки, пословицы и песни лужицких сербов. Предисловие М.И. Ермаковой. М.: Художественная литература, 1969.
9. Лоренц К. Размышления в деревянном доме. Перевод И. Снеговой. Струга. Перевод И. Снеговой.
В кн.: Поэзия ГДР. Составление и критико-библиографические заметки об авторах Г. Ратгауза. М.: Молодая гвардия, 1973. С. 425–429.
10. Брезан Ю. Впечатления // "Иностранная литература". М.: Известия, 1974. № 10.

11. **Хандрий Зейлер:** Сербский край. Перевод Н. Стефановича; Боже седлешко. Перевод Н. Стефановича; Напрасные уговоры. Перевод Н. Стефановича; Солнце, свобода. Перевод Н. Стефановича; Путешествующие чужестранцы. Перевод Н. Стефановича; Высокое дворянство, или Тополь и слива. Перевод Н. Стефановича.
- Мато Косик:** Сербский король в Блотах. Перевод А. Спаль; Родной язык. Перевод А. Спаль; Индианка. Перевод А. Спаль; Лучший воин. Перевод А. Спаль; Тоска. Перевод А. Сиротинина.
- Якуб Барт-Чишинский:** Славянам. Перевод Н. Стефановича; Сербской земле. Перевод Н. Стефановича; Поэзия. Перевод Н. Стефановича; Матери. Перевод Н. Стефановича; Утро. Перевод Н. Стефановича; Но не забудь... Перевод Н. Стефановича; Правда и поэзия. Перевод Н. Стефановича; Моей песне. Перевод А. Сиротинина.
- В кн.: Европейская поэзия XIX века. М.: Художественная литература. 1977 (БВЛ. Т. 85). С. 343–354.
12. **Брезан Ю.** Крабат, или Преображение мира. Предисловие Е. Книпович. М.: Прогресс, 1979.
13. **Брезан Ю.** Подвенечный убор.
Стахова А. Краткое сообщение о Хедвиг.
В кн.: Новелла ГДР. 70-е годы. Составление и предисловие А.А. Гугнина. М.: Прогресс, 1980.
14. **Стахова А.** Зорайя // "Иностранная литература". М.: Известия, 1980. № 1.
15. **Стахова А.** Повести и рассказы (В сумерках; Краткое сообщение о Хедвиг; и др.).
В кн.: **Шюц Х., Кольхаазе В., Хофман Ф., Стахова А.** Повести и рассказы. Составление М. Рудницкого. Предисловие Н. Банниковой. М.: Прогресс, 1981.
16. **Лоренц К.** Струга. Перевод В. Вебера. Раскраска пасхальных яиц. Перевод В. Вебера. Утро любимой. Перевод В. Вебера // Поэзия ГДР (серия "Европейская поэзия"). Послесловие А. Гугнина. М.: Художественная литература, 1983. С. 460–467.
17. **Брезан Ю.** Портрет отца. Роман // "Иностранная литература". М.: Известия, 1984. № 9.
18. **Лоренц К.** Ежи в парикмахерской. Перевод Б. Хлебникова // "Иностранная литература". М.: Известия, 1984. № 10.
19. **Брезан Ю.** Черная мельница. Повесть и рассказы. Составление и предисловие А. Гугнина. М.: Известия, 1985.
20. **Брезан Ю.** Портрет отца. Роман. М.: Радуга, 1985.
21. **Хэжка Ю.** Поэзия малой каморки. Стихи.. Перевод с верхнелужицкого К. Бакбергенова. Предисловие Кито Лоренца. Алма-Ата, 1985.

22. **Ангела Стахова:** Банальная история; Рассказать вам о моей подруге Рези?; Наступление холодов.
В кн.: Неожиданный визит. Рассказы и повести писательниц ГДР. Составление И. Щербаковой. М.: Радуга, 1988. С. 386–426.
23. **Брезан Ю.** Иоганн Себастьян Бах // Магический кристалл. Новеллы, повести, эссе писателей ГДР. Составление, предисловие и примечания Н. Банниковой. М.: Радуга, 1988. С. 475–476.
24. **Ангела Стахова:** Краткое сообщение о Хедвиг.
Юрий Кох: Вишневое дерево.
В кн.: Неоконченная история: Писатели ГДР о молодежи. Составление А. Гугнина и В. Вебера. Предисловие и справки об авторах А. Гугнина. М.: Молодая гвардия, 1989. С. 63–78; С. 228–313.
25. **Кито Лоренц** (в переводах Вячеслава Левыкина): Рассказ о моем отце; По дороге домой через Белоруссию в снегу; Умиравшая сойка; Названия нив; Сельские похороны; Наш дедушка; Мой последний день; Романс; Эпитафия Йогану Бобровскому; Река Струга; Вошение пасхальных яиц; Опыт над нами; Будишин – новый вид с городища.
- Бenedикт Дырлих** (в переводах Валерия Латынина): У надгробия Чишинского; Небреженное лето; Поэту; Воспоминание; У смертного одра Ивана Франко; Материнская речь; Два взгляда; Рассветное; Переход в зеленое; Разбуди меня; Случайность; Каменная любовь; Фантазия; Памятник; Летняя картина; Пятый месяц; Соотечественникам; Мгновение; Кто говорит, что...; Желание; Констатация; Ночные позывные.
- Бэно, Бударь** (в переводах Виктора Кирюшина): Передать дальше; Ко всем; Разные люди в нашем народе; Мгновения нашего счастья (на лужицкой свадьбе); В середине жизни; По лестнице жизни; Конец мира; Рука; Кочерыжка. (В переводах Сергея Агальцова): Камни гор; Старушка на городской скамейке; Годы; Моя весна; Большая вода весны; Из материнского клина; Белый траур; Предосеннее; Перед портретом Пушкина в Третьяковской галерее; Будильник; Каштаны Киева; Матерям лужицким.
- Марья Кравец** (в переводах Владимира Алейникова): Из прошлого; Ральбицанское воскресение; Встреча; На рынке в Ереване; Ереван 1983; Ultima RATIO; Лесные травы; Навигация и желание по-делански; По дороге с С. к востоку; Ржаные поля колышутся; Перевясло класть; Мой последний вариант весны; В полночь на пастушьей горе; Тишина домашнего угла с поэтом; Запоздалая улыбка; Старый дом 1903 года; Бабушка на улице Спаленой номер три; "По листьям продолговатым...".
- Томаш Навка** (в переводах Раисы Романовой): "Со звуком песни..."; Никакого ожидания Годо; Детям Освенцима; Красивая Лужица; После посещения; Маленький принц; Шопен. Соната № 2; Яблоня; Тысяча и одна ночь; Картина.

- Ружа Кешкец-Домашцына** (в переводах Раисы Романовой): Взгляд в себя; Картины детства; Брату; Родство; Неприкаязнность; *Fatum Epimetheus*; Дом над землей; Сомнения; Пентаграмма Федерико Г. Лорке; Существо бытия; Блуждающие огни.
- В кн.: Вкус молока и меда. Поэтический сборник. Переводы с серболужицкого. Предисловие Д. Шольце. М.: Молодая гвардия, 1989.
26. **Каспар Пойкер**. Идиллия родины. Перевод А. Гугнина.
Ян Бок. Лужица. Перевод А. Гугнина.
Хандрош Тара. Автор своему катехизису. Перевод А. Гугнина.
Юрий Лудовица. Хвалебная песнь Михалу Френцелю. Перевод А. Гугнина.
Юрий Рак. Жажда бессмертия. Перевод А. Гугнина.
Генрих Август Кригар. Сербскому товариществу. Перевод А. Гугнина.
Гандрий Зейлер (в переводах А. Гугнина): Сербской Лужице; Причитание.
 В кн.: Гугнин А.А. Серболужицкая литература в эпоху романтизма; Из серболужицкой поэзии. Новополоцк, 1994. С. 17; С. 21–22; С. 24; С. 37–39.
27. **Ян Бок**. Лужица. Перевод А. Гугнина.
Хандрош Тара. Автор своему катехизису. Перевод А. Гугнина.
Юрий Лудовица. Хвалебная песнь Михалу Френцелю. Перевод А. Гугнина.
Юрий Рак. Жажда бессмертия. Перевод А. Гугнина.
Генрих Август Кригар. Сербскому товариществу. Перевод А. Гугнина.
Гандрий Зейлер (в переводах А. Гугнина): Сербской Лужице; Причитание.
Барт-Чишинский Я. Свет с вышины. Перевод А. Гугнина.
 В кн.: Гугнин А.А. Введение в историю серболужицкой словесности и литературы от истоков до наших дней. М., 1997. С. 26; С. 28; С. 32; С. 39; С. 60–61; С. 86; С. 90–91; С. 92–93; С. 125.

II. СПРАВОЧНЫЕ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

28. Wjaclaw J. Serbska bibliografija. Berlin, 1952.
29. Lětopis Instituta za serbski ludospyt. Budyšin/Bautzen (**Reihe A.**: Sprachforschung und Literatur, 1952–1991; **Reihe B.**: Geschichte und Soziologie, 1953–1991; **Reihe C.**: Volkskunde, 1953–1991; **Reihe D.**: Kultur- und Kunstwissenschaften, 1986–1991).
30. Mlynk J. Serbska bibliografija 1945–1957. Bautzen/Budyšin, 1959.
31. Serbska bibliografija 1945–1965. Bautzen/Budyšin, 1968.
32. Serbski biografiski słownik. Budyšin, 1970.
33. Krautz A. Sorbische bildende Künstler. Bautzen, 1974.
34. Serbska bibliografija 1966–1970. Bautzen/Budyšin, 1974.
35. Žur H. Komuž muza pjero wodži. Budyšin, 1977.
36. Serbska bibliografija 1971–1975. Bautzen/Budyšin, 1978.
37. Kaltšmit H. Leksikon awtorow serbskich knihow 1945–1978. Budyšin, 1979.

38. Serbska bibliografija 1976–1980. Bautzen/Budyšin, 1983.
39. Nowy biografiski słownik k stawiznam a kulturje Serbow. Budyšin, 1984.
40. Eichler E. Slawische Ortsnamen zwischen Saale und Neisse. Bautzen, 1987 (2. Auflage).
41. Serbska bibliografija-Sorbische Bibliographie: 1981–1985. Bautzen/Budyšin, 1989.
42. Sorben-Serbja. Ein kleines Lexikon. Bautzen, 1989.
43. Українська та російська сорабістика XIX–XX вв. Бібліографічний покажник. Харків, 1993.
44. Slawistik in Deutschland von den Anfängen bis 1945. Ein biographisches Lexikon. Hrsg. von E. Eichler u. a. Bautzen, 1993.
45. Serbska bibliografija-Sorbische Bibliographie: 1986–1990. Bautzen/Budyšin, 1994.
46. Лаптева Л.П. Российская сорабистика XIX–XX веков в очерках жизни и творчества ее представителей. Справочник. М., 1997. – 132 с. (Справочники Научного центра славяно-германских исследований. 1.)
47. Serbska bibliografija-Sorbische Bibliographie: 1991–1995. Hrsg. von F. Šěn. Bautzen/Budyšin, 1998.
48. Musiat S. Sorbische (wendische) Vereine 1716–1937. Ein Handbuch. Bautzen/Budyšin, 2000.

III. СЛОВАРИ

49. Pfuhl Ch. Tr. Laussitzisch wendisches Wörterbuch. Bautzen, 1866 (Fotomechanischer Neudruck. Bautzen, 1968).
50. Muka A. Słownik dolnoserskeje rěcy a jeje narěcow. Pjeterburg – Prag, 1911–1928 (Fotomechanischer Neudruck. Bd. 2. Budyšin, 1966; Bd. 1. Budyšin, 1980).
51. Rezak F. Deutsch-wendisches encyklopädisches Wörterbuch der oberlausitzer Sprache. Bautzen, 1920 (Fotomechanischer Neudruck. Budyšin, 1987).
52. Kral G. Serbsko-němski Słownik hornjolužiskeje rěče. Budyšin, 1927–1931 (Fotomechanischer Neudruck. Vorwort von H. Jenč. Budyšin, 1986).
53. Jakubaš F. Hornjoserbsko-němski Słownik. – Obersorbisch-deutsches Wörterbuch. Budyšin/ Bautzen, 1954.
54. Sorbisches Sprachatlas. Bearbeitet von H. Fasske, H. Jentsch, S. Michalk. Bd., 1–13. Budyšin, 1960–1990.
55. Swjela B. Dolnosersko-němski słownik. Budyšin, 1963.
56. Zeman H. Słownik górnołużycko-polski. Warszawa, 1967.
57. Трофимович К.К. Верхнелужицко-русский словарь. Под редакцией Ф. Михалка и П. Фёлькиеля. Москва – Баутцен, 1974.
58. Schuster-Šewc H. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. Heft 1–24. Budyšin, 1981–1991.
59. Wenzel W. Studien zu sorbischen Personennamen. Bd. 1–2. Budyšin, 1987–1992.

60. Jentsch H., Michalk S., Šerak J. Deutsch-obersorbisches Wörterbuch / Němsko-hornjoserbski słownik. Bd. 1–2. Budyšin, 1989–1991.

IV. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

61. Körner G. Philologisch-kritische Abhandlung von der Wendischen Sprache und ihrem Nutzen in den Wissenschaften. Leipzig, 1766. (Fotomechanischer Neudruck von R. Olesch. Köln-Wien. 1–2 Teile. 1979–1980).
62. Новиков Е.П. О важнейших особенностях лужицких наречий. М., 1849.
63. Флоринский Т.Д. Серболужицкий язык // Флоринский Т.Д. Лекции по славянскому языкознанию. (Часть 2, глава 8). Киев, 1897. С. 583–685.
64. Щерба Л.В. Восточнолужицкое наречие. Т. 1. Петроград, 1915. (Репринтное издание. Bautzen, 1973.)
65. Селищев А.М. Лужицкие Сербы (Сербо-лужичане) // Селищев А.М. Славянское языкознание. М., 1941. Т. 1. С. 221–270.
66. Серболужицкий лингвистический сборник. Отв. редактор Л.Э. Калнынь. М., 1963.
67. Löttsch R. Einheit und Gliederung des Sorbischen. Berlin, 1965 (Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst. N 7).
68. Schuster-Šewc H. Bibliographie der sorbischen Sprachwissenschaft. Bautzen, 1966.
69. Калнынь Л.Э. Типология звуковых диалектных различий в нижнелужицком языке. М.: Наука, 1967.
70. Исследования по серболужицким языкам. Отв. редактор Л.Э. Калнынь. М., 1970.
71. Ермакова М.И. Очерк грамматики верхнелужицкого литературного языка. Морфология. М.: Наука, 1973.
72. Janaš P. Niedersorbische Grammatik. Bautzen, 1976.
73. Трофимович К.К. Серболужицкий язык // Славянские языки. М., 1977.
74. Трофимович К.К. Развитие верхнелужицкого литературного языка в середине XIX века // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М.: Наука, 1978. С. 158–206.
75. Ермакова М.И. Нижнелужицкое именное словоизменение. Имя существительное. М.: Наука, 1979.
76. Fasske H. Grammatik der obersorbischen Sprache der Gegenwart. Morphologie. Bautzen, 1981.
77. Schuster-Šewc H. Die Ausgliederung der westslawischen Sprachen aus dem Urslawischen mit besonderer Berücksichtigung des Sorbischen // "Lětopis". Rjad F. Čo. 29/2 (1982). Budyšin, 1982. S. 113–140.
78. Schuster-Šewc H. Zur Geschichte und Etymologie des ethnischen Namens Sorb/Serb/Sarb/Srb // "Lětopis". Rjad A. Čo. 30/2 (1983). Budyšin, 1983. S. 138–147.

79. Фасске Х. Формирование серболужицких литературных языков // Формирование славянских литературных языков: теоретические проблемы. Сборник обзоров. М., 1983. С. 178–203.
80. Ермакова М.И. Особенности функционирования современного серболужицкого литературного языка // Функционирование славянских литературных языков в социалистическом обществе. М.: Наука, 1988. С. 84–118.
81. Трофимович К.К. Серболужицкий язык. Минск, 1989.
82. Werner E. Studien zum sorbischen Verbum. Bautzen/Budyšin, 1996. – 199 S.
83. Формирование и функционирование серболужицких литературных языков и диалектов. Сборник научных трудов. Отв. редактор М.И. Ермакова. Ф. Михалк. М.: Наука, 1989.
84. Marti R. Probleme europäischer Kleinsprachen: Sorbisch und Bündlerromanisch. München, 1990 (Vorträge und Abhandlungen zur Slavistik. Hrsg. von P. Thiergen. Band 18).
85. Schuster-Šewc H. Zur Problematik der Entstehung des Niedersorbischen // "Lětopis". Zeitschrift für Sorabistik. Jahrgang 1 (1992). Bautzen/Budyšin, 1992. S. 9–18.
86. Проблемы становления и развития серболужицких литературных языков и диалектов. Сборник статей. Отв. редактор М.И. Ермакова. М., 1995.
87. Norberg M. Sprachwechselprozess in der Niederlausitz. Soziolinguistische Fallstudie der deutsch-sorbischen Gemeinde Drachhausen / Hochoza. Uppsala, 1996 (Acta universitatis Upsaliensis. Studia Slavica Upsaliensia. 37).
88. Ермакова М.И. Проблема развития верхнелужицкого литературного языка в период национального возрождения // Славянские литературные языки эпохи национального возрождения. М., 1998. С. 89–118.
89. Jentsch H. Die Entwicklung der Lexik der obersorbischen Schriftsprache vom 18. Jahrhundert bis zum Beginn des 20. Jahrhunderts. Bautzen/Budyšin, 1999. – 384 S.
90. Schuster-Šewc H. Das Sorbische im slawischen Kontext. Ausgewählte Studien. Bautzen/ Budyšin, 2000. – 424 S.
91. Die aktuelle Situation der niedersorbischen Sprache. Ergebnisse einer soziolinguistischen Untersuchung der Jahre 1993–1995. Hrsg. von G. Spieß. Bautzen/Budyšin, 2000.

V. МИФОЛОГИЯ, ФОЛЬКЛОР, НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА

92. Anton K.G. Erste Linien eines Versurhs über der alten Slaven Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnisse. Bd. 1. 1783; Bd. 2, 1789 (Fotomechanischer Neudruck mit einem Vorwort von Paul Nedo. Bautzen, 1976; Bautzen, 1987).

93. **Haupt L., Smoler J.A.** Volkslieder der Sorben in der Ober- und Niederlausitz. – Pěsnički hornich a delnich Lužickich Serbow. Bd. 1. 1841; Bd. 2. 1843 (Neuausgaben: Bautzen, 1953; Bautzen, 1984).
94. **Haupt K.** Sagenbuch der Lausitz. Bd. 1. Leipzig, 1862. Bd. 2. Leipzig, 1863. (Fotomechanischer Neudruck mit einem Vorwort von Erich Schneider. Bautzen, 1991).
95. **Schulenburg W. v.** Wendische Volkssagen und Gebräuche aus dem Spreewald. Leipzig, 1880 (2. Auflage, 1930).
96. **Veckenstedt E.** Wendische Sagen, Märchen und abergläubische Gebräuche. Graz, 1880.
97. **Schulenburg W. v.** Wendisches Volksthum in Sage, Brauch und Sitte. Berlin, 1882 (2. verbesserte Auflage, 1934).
98. **Rabenau A.** Originalmärchen der Wenden // **Kühn E.** Der Spreewald und seine Bewohner. Cottbus, 1889. S. 65–143.
99. **Černý A.** Mythiske bytosće lužickich Serbow. Bd. 1–2. Bautzen, 1898.
100. **Nawka M.** Baje, baiki a basnički. Serbske narodne. 1. zešiwk. Budyšin – Bautzen, 1914.
101. Sorbische Volksmärchen. Systematische Quellenausgabe mit Einführung und Anmerkungen. Bearbeitet von Paul Nedo. Budyšin/Bautzen, 1956 (Spisy Instituta za serbski ludospyt. 4).
102. **Raupp J.** Sorbische Volksmusikanten und Musikinstrumente. Bautzen, 1963.
103. **Nedo P.** Grundriss der sorbischen Volksdichtung. Bautzen, 1966.
104. **Raupp J.** Sorbische Musik. Ein Abriss in Wort und Bild. Bautzen, 1966.
105. **Nedo P.** Sorbische Kultur. Bautzen, 1975.
106. **Rawp J.** Serbska hudźba. Budyšin, 1978.
107. **Balke L., Lange A.** Sorbisches Trachtenbuch. Bautzen, 1985.
108. Sagen aus Heide und Spreewald. Auswahl, Bearbeitung und Nachwort von Erich Schneider. Bautzen, 1987.
109. **Musiat S.** Volksleben, Volksfrömmigkeit und Volksbrauch in der Lausitz. Bautzen, 1992.

VI. ЇСКЫССТВО

110. **Hoffmann D.** Kunstlandschaft Oberlausitz // Kunst in der DDR. Leipzig, 1990. S. 337–342.
111. **Fellmann W.** Sachsen: Kultur und Landschaft zwischen Dresden, Leipzig und Chemnitz. 2. Aufl. Köln, 1991. – 498 S.
112. Der Maler **Jan Buck**. Zusammengestellt von M. Mirtschin u. a. Chemnitz, 1992. – 80 S.
113. **Mirschin M.** Sorbische Kunst. Die zwanziger und dreißiger Jahre. Bautzen/Budyšin, 1992. – 132 S.

114. Maja Nagelowa. Bautzen/Budyšin, 1993. – 90 S.
115. Mirschin M. Sorbische bildende Kunst // Die Sorben in Deutschland / Serbja w Němskej. Hrsg. von D. Scholze. Bautzen, 1993. S. 171–199.
116. Mirtschin M. Sorbische Kunst // Lexikon der Kunst. Bd. 6. Leipzig, 1994. S. 752–753.
117. Bogusz Ch. Jacob Delenka – ein Bildhauer des Lausitzer Barocks. Bautzen/Budyšin, 1994.
118. Fritz Lattke: Maler und Illustrator. Bautzen, 1995. – 91 S.

VII. ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

119. Knauth Ch. Der alten Sorbenwenden Religionssätze und Lehren. Görlitz, 1754.
120. Knauth Ch. Derer Oberlausitser Sorbenwenden umständliche Kirchengeschichte. Görlitz, 1767 (Fotomechanischer Neudruck von R. Olesch, Köln-Wien, 1980).
121. Knauth Ch. Annales Typographici Lusatiae Superioris oder Geschichte der Oberlausitzischen Buchdruckereien. Hrsg. von R. Olesch. Köln-Wien, 1980.
122. Гильфердинг А.Ф. Письма к А.И. Кошелеву // Гильфердинг А.Ф. Собрание сочинений. СПб., 1868. Т. 2. С. 19–49.
123. Andree R. Wendische Wanderstudien. Stuttgart, 1874.
124. Boguslawski W., Hornik M. Historija serbskeho naroda. Budyšin, 1884.
125. Петухов Е.В. Лужицкие сербы (Лужичане): Из путевых заметок, летом 1897 г. Юрьев, 1898.
126. Сиротинин А. Россия и славяне. СПб., 1913.
127. Дорошенко Д. Лужицкі Серби // Дорошенко Д. Славянський світ в його минулому й сучасному. Берлін, 1922. Т. 1. С. 214–239.
128. Šteca H. Dr. Jan Pětr Jordan, jeho žiwjenje a skutowanje. Preni dźel: hac do konca leta 1847 // Časopis Mačicy Serbskeje. 1924. Budyšin, 1924. S. 3–63.
129. Schmidt O.E. Die Wenden. Dresden, 1926.
130. Páta J. Josef Dobrovský a Lužice. Praha, 1929.
131. Неуступный Ю. Первобытная история Лужицы. Прага, 1947.
132. Семиряга М.И. Лужичане. М.-Л., 1955.
133. Mětsk Fr. Die brandenburgisch-preussische Sorbenpolitik im Kreise Cottbus vom 16. Jahrhundert bis zum Posener Frieden (1806). Berlin, 1961.
134. Zmeškal V. Lužičti Srbové. Praha, 1962.
135. Lehmann R. Geschichte der Niederlausitz. Berlin, 1963.
136. Zeil W. Bolzano und die Sorben. Ein Beitrag zur Geschichte des "Wendischen Seminars" in Prag zur Zeit der josephinischen Aufklärung und der Romantik. Bautzen/Budyšin, 1967.
137. Zeil W. Karl Gottlob von Anton und seine Beziehungen zu den Sorben // "Lětopis". Reihe B – Geschichte. Bautzen, 1968. N 15/1. S. 1–17; N 15/2. S. 175–220.

138. **Mětšk Fr.** Die Stellung der Sorben in der territorialen Verwaltungsgliederung des deutschen Feudalismus. Bautzen, 1968.
139. **Mětšk Fr.** Verordnungen und Denkschriften gegen die sorbische Sprache und während der Zeit des Spätfudalismus. Bautzen, 1969.
140. **Matyniak A.S.** Polsko-lużyckie stosunki kulturalne do wiośny ludów. Wrocław – Warszawa – Kraków, 1970.
141. Polsko-lużyckie stosunki literackie: Tom studiów. Wrocław, 1970.
142. **Šolta J.** Die Lausitzer Sorben und ihre Nachbarn in der Zeit von 1789 bis 1848. Ein Beitrag zur Frage der internationalen Wechselbeziehungen der sorbischen Geschichte. Kraków, 1973.
143. **Petr J.** Michal Hórnik – žiwjenje a skutkowanje serbskeho wótcinca. Budyšin. 1974.
144. Geschichte der Sorben. Bd. 1–4. Bautzen, 1974–1979.
145. **Mruškovič V.** Slovensko-lužickoserbské literárbe vzťahy. Martin, 1980.
146. **Mětšk F.** Studien zur Geschichte sorbisch-deutschen Kulturbeziehungen. Bautzen, 1980.
147. **Шолта Я.** О специфике национального развития лужицких сербов // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и историко-культурный аспекты. М.: Наука, 1981. С. 344–355.
148. **Санчук Г.Э.** Особенности формирования этнического самосознания у полабских славян (VI–X вв.) // Развитие этнического самосознания у славян в эпоху средневековья. М., 1982. С. 195–212.
149. **Leciejewicz L.** Jäger, Sammler, Bauer, Handwerker. Frühe Geschichte der Lausitz bis zum 11. Jahrhundert. Bautzen, 1982.
150. Meine Landsleute. Die Sorben und die Lausitz im Zeugnis deutscher Zeitgenossen. Hrsg. von H. Zwahr. Bautzen, 1984.
151. Die Slawen in Deutschland: Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neisse von 6. bis 12. Jahrhundert. Berlin, 1985.
152. **Hartstock E., Kunze P.** Die Lausitz im Prozess der bürgerlichen Umgestaltung 1815–1847 Eine Quellenauswahl. Bautzen, 1985.
153. **Ронин В.К.** Славянская политика Людовика Благочестивого: 814–829 гг. // Из истории языка и культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М.: Наука, 1985. С. 5–33.
154. **Санчук Г.Э.** Формирование государственности и раннефеодальной народности у сербов // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. Отв. редактор Г.Г. Литаврин. М.: Наука, 1987. С. 97–107.
155. **Ронин В.К., Иванов Вяч.Вс.** Проблемы этнического самосознания полабских славян XI–XIV вв. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М.: Наука. 1989. С. 297–317.

156. Kunze P. Überblick über die Geschichte der Sorben vom 6. Jahrhundert bis zum Beginn des ersten Weltkrieges. Bautzen, 1990.
157. Šolta J. Wirtschaft, Kultur und Nationalität. Ein Studienband zur sorbischen Geschichte. Bautzen, 1990.
158. Schrage G.E. Slaven und Deutsche in der Niederlausitz: Untersuchungen zur Siedlungsgeschichte im Mittelalter. Berlin, 1990.
159. Моторный В.А., Трофимович К.К. Серболужицкая культура (вторая половина XVIII – 70-е годы XIX века) // Становление национальной классики: культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы в 40-е – 70-е годы XIX века. М.: Наука, 1991. С. 232–254.
160. Ронин В.К., Флоря Б.Н. Государство и общество у полабских и поморских славян // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.). М.: Наука, 1991. С. 116–137.
161. Brězan S. Deutsche Aufklärung und sorbische nationale Wiedergeburt. Eine literaturgeschichtliche Studie zur deutsch-sorbischen Wechselseitigkeit. Bautzen/Budyšin, 1992.
162. Marti R. Die Sorben-Prüfstein und Experimentierfeld für die Nationalitätenpolitik // "Europa Ethnica". I (49). Wien, 1992. S. 13–36.
163. Elle L. Sorbische Kultur und ihre Rezipienten. Bautzen, 1992.
164. Remes F.W. Die Sorbenfrage 1918/1919. Untersuchung einer gescheiterten Autonomiebewegung. Bautzen, 1992.
165. Капланов Р. Лужичане // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. М.: Наука, 1992. С. 163–169.
166. Die Sorben in Deutschland. Sieben Kapitel Kulturgeschichte. Hrsg. von D. Scholze. Bautzen, 1993.
167. Лаптева Л.П. Русско-серболужицкие научные и культурные связи с начала XIX века до первой мировой войны (1914 года). М., 1993.
168. Шевченко К.В. Чешско-серболужицкие связи с начала XX века до 1938 года (Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук). М., 1993.
169. Föster F. Verschwundene Dörfer. Die Ortsabbrüche des Lausitzer Braunkohlenreviers bis 1993. Bautzen, 1995. 2., bearb. Auflage, 1996. – 319 S.
170. Гугнин А.А. Проблемы серболужицкой культуры эпохи Просвещения // "Славяноведение". М., 1995. № 3. С. 60–75.
171. Elle L. Sprachenpolitik in der Lausitz. Eine Dokumentation 1949–1989. Bautzen/Budyšin, 1995. – 280 S.
172. Ронин К.К. Славяне к западу от Одера и в Восточных Альпах в XV веке: проблемы самосознания // Этническое самосознание славян в XV столетии. Отв. редактор Г.Г. Литаврин. М.: Наука, 1995. С. 123–138.

173. **Malinkowa T. K** brjoham nadrije. Wupućowanje Serbow do zamórskich krajow. Budyšin, 1995.
174. **Zeil W.** Sorabistik in Deutschland. Eine wissenschaftsgeschichtliche Bilanz aus fünf Jahrhunderten. Bautzen/Budyšin, 1996. – 216 S.
175. **Dahmsowa-Meškanec W.** Marja Grólmusec. 1896–1944. Budyšin, 1996.
176. **Ермакова М.И.** Серболужицкая матица // Славянские матицы. XIX век. Часть первая. М., 1996. С. 159–189.
177. **Лаптева Л.П.** Российская сорабистика. XIX–XX веков в очерках жизни и творчества ее представителей. Справочник. М., 1997. – 132 с. (Справочники Научного центра славяно-германских исследований. 1)
178. **Pastor Th.** Die rechtliche Stellung der Sorben in Deutschland. Bautzen/Budyšin, 1997. – 382 S.
179. **Teichmann D.** Studien zur Geschichte und Kultur der Niederlausitz im 16. und 17. Jahrhundert. Quellengeschichtliche Untersuchungen. Bautzen/Budyšin, 1998. – 304 S.
180. **Schurmann P.** Die sorbische Bewegung 1945–1948 zwischen Selbstbehauptung und Anerkennung. Bautzen/Budyšin, 1998. – 337 S.
181. **Pech E.** Die Sorbenpolitik der DDR. 1949–1970. Anspruch und Wirklichkeit. Bautzen/Budyšin, 1999. – 309 S.
182. **Kowalczyk T.** Die Katholische Kirche und die Sorben 1919–1990. Bautzen/Budyšin, 1999. – 223 S.

VIII. ИСТОРИЯ СЛОВЕСНОСТИ И ЛИТЕРАТУРЫ

183. **Срезневский И.И.** Исторический очерк сербо-лужицкой литературы // "Журнал министерства народного просвещения". СПб., 1844. Ч. 43. № 7. С. 26–66 (Перепечатка с предисловием М. Фёлькиеля: *Létopis. Rjad B.* N 30. Budyšin/Bautzen, 1985. S. 195–210.).
184. **Пыпин А.Н., Спасович В.Д.** История славянских литератур. 2-е издание, переработанное и дополненное. СПб., 1881. Т. 2. С. 1064–1092.
185. **Pyпин A.N.** Das serbisch-wendische Schriftthum in der Ober- und Niederlausitz. Aus dem Russischen übertragen sowie mit Berichtigungen und Ergänzungen versehen von Traugott Pech. Leipzig, 1884.
186. **Hoffmann L.** Die Sprache und Literatur der Weneden. Hamburg, 1899.
187. **Černý A.** Stawizny basnistwa lužiskich Serbow. Bautzen, 1910.
188. **Kwětki.** Serbska čitanka. Budyšin, 1921.
189. **Vaux-Phalipau M. de.** Légendes et contumes de Haut et Bas Lusace. Paris, 1928.
190. **Vaux-Phalipau M. de.** La littérature des Serbes de Lusace. Paris, 1929.
191. **Pāta J.** Zavod do studija serbskeho pismowstwa. Budyšin, 1929.
192. **Wičaz O.** Lipsk jako rodnišćo serbskeje romantiki // Časopis Maćicy Serbskeje. Budyšin, 1932. N 161–162.

193. Krječmar M. Jakub Bart-Ćisinski. Budyšin, 1933.
194. Páta J. Les Serbes de Lusace. Littérature et culture après la grande guerre. Gent, 1934.
195. Gołabek J. Literatura serbo-lużycka. Katowice, 1938.
196. Алексеев М.П. Белинский и славянский литератор Я.П. Йордан // Литературное наследство. Т. 56 (2). М.; Л., 1950.
197. Jenč R. Stawizny serbskeho pismowstwa. Bd. 1–2. Budyšin, 1954–1960.
198. Frinta A. Lužičtí Srbové a jejich písemnictví. Praha, 1955.
199. Hajnec L. Jan Bohuchwał Dejka, założiciel serbskeho nowinarstwa // "Lětopis". Rjad A. N 3. Budyšin, 1955. S. 80–144.
200. Wičaz O. Handrij Zeiler a jeho doba. Budyšin / Bautzen, 1955. (Spisy Insituta za serbski ludospyt. 2).
201. Ze slowom a skutkom za serbow być. Zazberal a zestajal P. Malink. Berlin, 1956.
202. Rauch W.J. Presse und Volkstum der Lausitzer Sorben. Würzburg, 1959.
203. Meriggi B. Storia della letteratura slovena. Con profilo della letteratura serbo-Luzaziana. Mailand, 1961.
204. Mlynk J. Jakub Lorenc-Zalěski. Budyšin, 1962.
205. Jenč R. Die sorbische Literatur von den Anfängen bis zum Beginn des 18. Jahrhunderts // Geschichte der deutschen Literatur. 1600 bis 1700. Erster Teil. Berlin, 1962. S. 509–539. (Geschichte der deutschen Literatur von den Anfängen bis zur Gegenwart. Hrsg. von K. Gysi, K. Böttcher u. a. Bd. 5).
206. Brězan J. Zhromadžene spisy w jednotliwych wudačach. Wudawačel P. Völkel. Zwjazk 1–12. Budyšin, 1965–1995.
207. Schuster-Šewc H. Sorbische Sprachdenkmäler. 16–18. Jahrhundert. Budyšin, 1967.
208. Schuster-Šewc H. Das niedersorbische Testament des Miklawuš Jacobica 1548. Berlin, 1967.
209. Heine L. Die sorbische Balladendichtung. Eine historische-vergleichende Untersuchung (Dissertation). Leipzig, 1968.
210. Bart-Ćisinski J. Zhromadžene spisy. Zwjazk 1–14. Budyšin, 1969–1985.
211. Stone G. The Smallest Slavonic Nation. The Sorbs of Lusatia. London, 1972.
212. Zejler H. Zhromadžene spisy. Wudawačel L. Heinec. Zwjazk 1–7. Budyšin, 1972–1996.
213. Stawisny Serbow. Zwjazki 1–4. Budyšin, 1975–1979.
214. Lorenc K. Mina Witkojc. Eine sorbische Dichterin. Cottbus, 1976.
215. Cyž J. Jan Arnošt Smoler. Žiwjenje a skutkowanje serbskeho wótčınca. Budyšin, 1975. – 295 S.
216. Hančka G. Bohumił Šwjela. Budyšin, 1977.
217. Petr J. Arnost Muka. Žiwjenja a skutkowanje serbskeho prócowarja. Budyšin, 1978.

218. **Lehmann A.** Die Entwicklung des sorbischen Journalismus in der DDR vom Mai 1945 bis Ende 1978. Leipzig, 1979.
219. **Petr J.** Křesćan Bohuřer Pfuhl. Žiwjenje a skutkowanje serbskeho prócowarja. Budyšin, 1979.
220. **Serbska Čitanka.** – Sorbisches Lesebuch. Hrsg. von K. Lorenc. Leipzig, 1981.
221. **Хайне Л.** Сербо-лужицкая литература // История литературы ГДР. М.: Наука, 1982. С. 441–456.
222. **Русакова А.В.** Юрий Брезан // История литературы ГДР. М.: Наука, 1982. С. 457–465.
223. **Mětšk F.** Chrestomatija dolnoserbskego pismowstwa. Budyšin, 1982.
224. **Nowotny P.** Dolnoserbske pismojstwo 1918–1945. Bautzen, 1983.
225. **Völkel M.** Serbske nowiny a časopisy w sašłosći a w přitomnosći. Budyšin, 1984.
226. **Стариков В.** Юрий Брезан. Л., 1985.
227. **Mětšk F.** Mato Kosyk. 1853–1940. Budyšin, 1985.
228. **Гугнин А.А.** Юрий Брезан // Гугнин А.А. Современная литература ГДР. М.: Высшая школа, 1987. С. 46–52.
229. **Голионцева В.Н.** Юрий Брезан. Пятигорск, 1987.
230. **Časopis Maćicy Serbskeje.** Eine Auswahl. Hrsg. von J. Petr. Foromechanischer Neudruck. Bd. 1 – Beiträge zur Sprachwissenschaft. Budyšin, 1986; Bd. 2 – Beiträge zur Literatur und Kulturgeschichte. Budyšin, 1987.
231. **Моторный В.А., Трофимович К.К.** Серболужицкая литература. История. Современность. Взаимосвязи. Львов, 1987.
232. **Language and Culture of the Lusatian Sorbs throughout their History.** Berlin, 1987.
233. **Petr J.** Abraham Frencl. Budyšin, 1989.
234. **Tharaeus A.** Enchiridion Vandalicum. Hrsg. von H. Schuster-Šewc. Budyšin, 1990.
235. **Гугнин А.А.** Серболужицкая литература // История всемирной литературы. Т. 7. М.: Наука, 1991. С. 516–518.
236. **Гугнин А.А.** Становление серболужицкой литературы в славяно-германском контексте // Славянские литературы. XI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М.: Наука, 1993. С. 55–66.
237. **Perspektiven sorbischer Literatur.** Hrsg. von W. Koschmal. Köln; Weimar; Wien, 1993.
238. **Гугнин А.А.** Серболужицкая словесность в эпоху Просвещения. Краткий обзор. Новополоцк, 1994.
239. **Гугнин А.А.** Серболужицкая литература в эпоху романтизма; Из серболужицкой поэзии. Новополоцк, 1994.
240. **Přinoški k stawiznam serbskeho pismowstwa lět 1945–1990.** Zběrník. Redakcija: Merćin Völkel. Budyšin, 1994.
241. **Młynkowa M.** Zhromadžene spisy. Wudawaćel Franz Šěn. Zwjazk 1–2. Budyšin, 1994.

242. Scholze D. Probleme der Literaturgeschichtsschreibung bei den Sorben // "Zeitschrift für Slawistik". Berlin, 1995. N 2 (40).
243. Гугнин А.А. Верхнелужицкая литература в эпоху национального возрождения XIX века. Вводная глава. Новополоцк, 1995.
244. Гугнин А.А. Серболужицкая литература (1945–1967) // История литератур Восточной Европы после второй мировой войны. Т. 1. М., 1995. С. 519–532.
245. Гугнин А.А. Концепция личности в серболужицком модерне // Человек в контексте культуры. Славянский мир. Отв. редактор И.И. Свирида. М., 1995. С. 158–164.
246. Koschmal W. Grundzüge sorbischer Kultur. Eine typologische Betrachtung. Bautzen, 1995.
247. Kunze P. Jan Arnošt Smoler. Ein Leben für sein Volk. Bautzen/Budyšin, 1995.
248. Gugin A. Die nationale Bewegung der Sorben im slavisch-deutschen Kontext // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. Berlin, 1996. N 1 (Osteuropäische Geschichte in vergleichender Sicht). S. 267–272.
249. Гугнин А.А. История серболужицкой литературы: Краткий очерк с библиографией. М., 1996. – 32 с. (Обзоры научного центра славяно-германских исследований. 1)
250. Гугнин А.А. Серболужицкая литература (От истоков до XVIII века) // История литератур западных и южных славян. Т. 1. Отв. редактор А.В. Липатов. М.: Индрик, 1997. С. 695–710.
251. Гугнин А.А. Серболужицкая литература (1750–1830-е годы) // История литератур западных и южных славян. Том второй. Отв. редактор С.В. Никольский. М.: Индрик, 1997. С. 201–221.
252. Гугнин А.А. Серболужицкая литература (1840–1890-е годы) // История литератур западных и южных славян. Том второй. Отв. редактор С.В. Никольский. М.: Индрик, 1997. С. 472–490.
253. Гугнин А.А. Введение в историю серболужицкой словесности и литературы от истоков до наших дней. М., 1997. – 225 с. (Труды Научного центра славяно-германских исследований. 1).
254. Scholze D. Stawizny serbskeho pismowstwa. 1918–1945. Budyšin, 1998. – 255 S.
255. Гугнин А.А. Основные этапы развития серболужицкой литературы в славяно-германском контексте. Научный доклад на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1998. – 77 с.
256. Prunitsch Ch. Sorbische Lyrik des 20. Jahrhunderts. Untersuchungen zur Evolution der Gattung. Bautzen/Budyšin, 2000.

IX. НЕКОТОРАЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

257. **Первоульф И.** Славяне, их взаимные отношения и связи. Т. 1–2. Варшава, 1886–1888.
258. **Любавский М.** История западных славян. М., 1918.
259. **Páta J.** Lužice, Československo a Slovanstvo. Praha, 1935.
260. Художественная литература славянских народов в переводах на русский язык. Указатель литературы. М., 1943. – 95 с.
261. **Marti O.** Völker West- und Mittel-Europas im Altertum. Baden-Baden, 1947.
262. **Pörtner R.** Die Erben Roms. Städte und Stätten des deutschen Früh-Mittelalters. Berlin; Darmstadt; Wien; 1964.
263. **Hroch M.** Die Vorkämpfer der nationalen Bewegung bei den kleinen Völkern Europas. Eine vergleichende Analyse der gesellschaftlichen Schichtung der patriotischen Gruppen. Praha, 1968.
264. **Ludat H.** An Elbe und Oder um das Jahr 1000: Skizzen zur Politik des Ottonreiches und der slavischen Mächte in Mittelalter. Ausgewählte Aufsätze zu Fragen ihrer politischen, sozialen und kulturellen Beziehungen. Köln; Wien, 1982 (Mittel-deutsche Forschungen. Hrsg. von R. Olesch u. a. Bd. 6).
265. **Lübke Ch.** Regesten zur Geschichte der Slaven an Elbe und Oder (vom Jahr 900 an). Т. 1–5. Berlin, 1984–1988 (Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens. Bd. 131; Bd. 133; Bd. 134. Bd. 152; Bd. 157).
266. **Толстой Н.И.** История и структура славянских литературных языков. М., 1988.
267. **Zeil W.** Slawistik in Deutschland. Forschungen und Informationen über die Sprachen, Literaturen und Volkskulturen slawischer Völker bis 1945. Köln; Weimar; Wien, 1994. – 666 S.
268. **Седов В.В.** Славяне в древности. М., 1994.
269. **Седов В.В.** Славяне в раннем средневековье. М., 1995.
270. **Толстой Н.И.** Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
271. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М., 1995. – 414 с.
272. Славянские древности. Этнолингвистический словарь в пяти томах. Т. 1. А–Г. Под редакцией Н.И. Толстого. М., 1995. – 578 с.; Т. 2. В–К. М., 1999. – 704 с.
273. **Zeil W.** Slawistik an der deutschen Universität in Prag (1882–1945). München, 1995. – 150 S.
274. **Назаренко А.В.** Русско-германские связи древнейшей поры (IX–XI вв.): состояние проблемы. М., 1995 (Доклады Научного центра славяно-германских исследований. 1). – 61 с.
275. История литератур Восточной Европы после второй мировой войны. Том первый. 1945–1960 гг. Отв. редактор В.А. Хорев. М.: Индрик. 1995. – 695 с.

276. Очерки истории культуры славян. Ред. коллегия В.К. Волков, В.Я. Петрухин, А.И. Рогов, С.М. Толстая, Б.Н. Флоря. М.: Индрик, 1996. – 463 с.
277. История литератур западных и южных славян. Том первый. От истоков до середины XVIII в. Отв. редактор А.В. Липатов. М.: Индрик, 1997. – 888 с.
278. История литератур западных и южных славян. Том второй. Формирование и развитие литератур Нового времени. Вторая половина XVIII века – 80-е годы XIX века. Отв. редактор С.В. Никольский. М.: Индрик, 1997. – 672 с.
279. Малые языки Евразии: социолингвистический аспект. Сборник статей. Составители: А.И. Кузнецова, О.В. Раевская, С.С. Скорвид. М., 1997. – 208 с.
280. Völkel M. Trać dyrbi Serbstwo. 150 let Maćicy Serbskeje. Budyšin, 1997. – 56 S.
281. Славянские литературные языки эпохи национального возрождения. Отв. редактор Г.К. Венедиктов. М., 1998. – 317 с.
282. Zdźerženje, rewitalizacija a wuwiće mjeńšinowych rěčow. Teoretiske zakłady a praktiske naprawy. Hrsg. von L. Šatava und S. Hose. Bautzen/Budyšin, 2000. – 110 S.
283. Славяно-германские исследования. Т. 1–2. Отв. редактор серии и первого тома А.А. Гугнин. Отв. редактор второго тома А.В. Циммерлинг. М.: Индрик, 2000. – 654 с.
284. История литератур Восточной Европы после второй мировой войны. Том второй. Отв. редактор Г.Я. Ильина. М.: Индрик, 2001. – 800 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**БИБЛИОГРАФИЯ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ,
ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИХ ПУБЛИКАЦИЙ
И ПЕРЕВОДОВ А.А. ГУГНИНА**

I. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И КРИТИКА

1970

1. Раннее творчество Л. Уланда и немецкий романтизм (тезисы доклада) // Студенты Москвы – науке, культуре, производству. М., 1970. С. 114–115.

1971

2. *Рецензия:* Werner H.-G. Geschichte des politischen Gedichts in Deutschland von 1815 bis 1840. B., Akademie-Verlag, 1969 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1971. № 5. С. 91–93.
3. *Рецензия:* Büttner W. Georg Gerwegh – ein Sänger des Proletariats. Der Weg eines bürgerlich-demokratischen Poeten zum Streiter für die Arbeiterbewegung. B., Akademie-Verlag, 1970 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1971. № 5. С. 93–96.
4. Проблемы литературы Просвещения (Отчет о конференции в МГУ) // "Вопросы литературы". М., 1971. № 6. С. 249–250.

1972

5. Heinrich Heine (Zum 175. Geburtstag) // "Иностранные языки в школе". М., 1972. № 6. С. 122–125.
6. *Рецензия:* Frühes deutsches Arbeitertheater 1847–1918. Eine Dokumentation von Fridrich Knilli und Ursula Münchow. B., Akademie-Verlag, 1970 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1972. № 1. С. 92–95.
7. *Рецензия:* Internationale Bibliographie zur Geschichte der deutschen Literatur von den Anfängen bis zur Gegenwart. Bd. II. Th.1. Von 1789 bis zur Gegenwart. B., Volk und Wissen, 1971 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1972. № 3. С. 92–94.

1973

8. *Рецензия:* Reinhold U. Antihumanismus in der westdeutschen Literatur. Situation und Alternative. B., Dietz Verlag, 1971; Plavius H. "Zwischen Protest und Anpassung". Westdeutsche Literatur. Theorie-Funktion. Halle (Saale), Mitteldeutscher Verlag, 1971 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1973. № 3. С. 124–128.
9. *Рецензия:* Seeger B. Vater Batti singt wieder. Roman. Halle (Saale), Mitteldeutscher Verlag, 1972 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1973. № 3. С. 28–30.
10. *Рецензия:* Theater in der Zeitenwende. Zur Geschichte des Dramas und des Schauspieltheaters in der Deutschen Demokratischen Republik. 1945–1968. Bd. 1–

2. В., Henschelverlag, 1972 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1973. № 5–6. С. 64–66.
11. *Рецензия*: Frühes Leipziger Arbeitertheater. Friedrich Bosse. Hrsg. von Gustav Schröder. В., Akademie-Verlag, 1972 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1973. № 5–6. С. 66–68.
12. Конференция по проблемам современной зарубежной литературы // "Филологические науки". М., 1973. № 5. С. 93–95.
13. *Реферат*: Michael W.F. Das deutsche Drama des Mittelalters. В.-New York, 1971 // "Общественные науки за рубежом. Филологические науки". М.: ИНИОН АН СССР, 1973. № 1.
14. *Реферат*: Reinhold U. Antihumanismus in der westdeutschen Literatur. В., 1971; Plavius H. "Zwischen Protest und Anpassung". Halle (Saale), 1971 // "Общественные науки за рубежом. Филологические науки". М.: ИНИОН, 1973. № 1.

1974

15. Johann Wolfgang Goethe (Zum 225. Geburtstag) // "Иностранные языки в школе". М., 1974. № 4. С. 118–122.
16. *Рецензия*: Begegnung und Bündnis. Sowjetische und deutsche Literatur. Historische und theoretische Aspekte ihrer Beziehungen. Hrsg. von G. Ziegenggeist. В., Akademie-Verlag, 1972 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1974. № 1. С. 100–101.
17. *Рецензия*: Handke P. Der Kurze Brief zum langen Abschied. Frankfurt a. M., Suhrkamp Verlag, 1972 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1974. № 2. С. 10–12.
18. *Реферат*: Storz G. Klassik und Romantik. Eine stilgeschichtliche Darstellung. Mannheim-Wien-Zürich, 1972 // "Общественные науки за рубежом. Филологические науки". М.: ИНИОН, 1974. № 4. С. 64–70.
19. *Реферат*: Bernhard H.J. Hesse-Pflege und Hesse-Kult. "Neue deutsche Literatur". В., 1973. № 1 // "Общественные науки за рубежом. Филологические науки". М.: ИНИОН, 1974. № 1. С. 179–182.
20. *Реферат*: Erlach D. Wolfgang Koeppen als zeitkritischer Erzähler. Dissertation. (Uppsala). Düsseldorf, 1973 // "Общественные науки за рубежом. Филологические науки". М.: ИНИОН, 1974. № 2. С. 188–191.
21. *Реферат*: Begegnung und Bündnis. Sowjetische und deutsche Literatur. В., 1972 // "Общественные науки за рубежом. Филологические науки". М.: ИНИОН, 1974. № 2. С. 167–170.
22. *Реферат*: Dedner В., Vom Schäferleben zur Agrarwirtschaft. Poesie und Ideologie des "Landlebens" in der deutschen Literatur des 18. Jahrhunderts. – Jahrbuch 1972 der Jean Paul Gesellschaft // "Общественные науки за рубежом. Филологические науки". М.: ИНИОН, 1974. № 2. С. 128–130.

23. Тривиальная литература в критике ФРГ (*Обзор*): Zimmermann H.D. Das Vorurteil über die Trivialliteratur, das ein Vorurteil über die Literatur ist. – "Акзенты". 1972, Heft 5; Schultz-Gerstlein Ch. Das Interesse an der Trivialliteratur. – "Акзенты", 1972, Heft 5 // "Общественные науки за рубежом. Филологические науки". М.: ИНИОН, 1974. № 1. С. 158–162.
24. *Реферат*: Hofmann T. Der ewige deutsche Landser oder Helden unserer Jugendliteratur. – "Kürbiskern", 1974, N 1 // "Общественные науки за рубежом. Филологические науки". М.: ИНИОН, 1974. № 3. С. 197–199.
25. *Реферат*: Gellidrich H. Heine und spanisch-amerikanische Modernismo. Bern und Frankfurt, 1971 // "Общественные науки за рубежом. Филологические науки". М.: ИНИОН, 1974. № 3. С. 150–153.

1975

26. "Швабская школа" и Л. Уланд в оценке Генриха Гейне // "Вестник МГУ". Филология. М., 1975. № 6. С. 42–49.
27. Хандке П. Краткая литературная энциклопедия. Т. 8. М., 1975. С. 209.
28. Херцфельде В. // Краткая литературная энциклопедия. Т. 8. М., 1975. С. 270.
29. Цшокке Г. // Краткая литературная энциклопедия. Т. 8. М., 1975. С. 407.
30. Штельцхамер Ф. // Краткая литературная энциклопедия. Т. 8. М., 1975. С. 796.
31. Эберс Г. // Краткая литературная энциклопедия. Т. 8. М., 1975. С. 825.
32. *Рецензия*: Angres D. Die Beziehungen Lunačarskijs zur deutschen Literatur. В., Akademie-Verlag, 1970 // "Филологические науки". М., 1975. № 6. С. 119–120.
33. Обсуждение итогов литературного года (Отчет о конференции в МГУ) // "Вестник МГУ". Филология". М., 1975. № 4. С. 88–93.
34. *Реферат*: Froeschle M. Ludwig Uhland und die Romantik. Köln, 1973 // "Общественные науки за рубежом. Литературоведение". М.: ИНИОН, 1975. № 4. С. 143–151.
35. *Реферат*: Rönisch S. Zum Spätwerk Louis Fünrbergs. – "Weimarer Beiträge", В. Weimar, 1975, N 1. // "Общественные науки за рубежом. Филологические науки". М.: ИНИОН, 1975. № 4. С. 260–264.
36. *Реферат*: Berger Ch. Prosa meiner Banknachbarn. Entwicklungstendenzen in der Prosa jungerer Autoren. – "Neue deutsche Literatur". В., 1974, N 9 // "Общественные науки за рубежом. Литературоведение". М.: ИНИОН, 1975. № 3. С. 224–227.
37. *Реферат*: Molzan A. Der grosse Gegenstand. Klopstock-Tradition in der sozialistischen Lyrik der DDR. – "Neue deutsche Literatur". В., 1974, N 1. // "Общественные науки за рубежом. Литературоведение". М.: ИНИОН, 1975. № 3. С. 275–278.

38. *Реферат*: Albrecht M. von. Goethe und das Volkslied. Darmstadt, 1972 // "Общественные науки за рубежом. Литературоведение". М.: ИНИОН, 1975. № 2. С. 181–186.
39. *Реферат*: Laws G. Malcolm. British literary Ballad. A study in Poetic Imitation. London and Amsterdam, 1972 // "Общественные науки за рубежом. Литературоведение". М.: ИНИОН, 1975. № 2. С. 132–138.
40. Рефиш Х.Й. // Большая советская энциклопедия. Издание третье. Т. 22. М., 1975. С. 152.
41. Рихтер Г.В. // Большая советская энциклопедия. Т. 22. М., 1975. С. 413–414.

1976

42. Основные этапы развития поэзии Л. Уланда. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1976. 30 с.
43. О понятии "швабская школа" в немецком романтизме // "Филологические науки". М., 1976. № 4. С. 93–100. ("Памяти Р.М. Самарина, учителя").
44. *Рецензия*: Обрести человека. Повести и рассказы писателей ГДР // "Литературное обозрение". М., 1976. № 9.
45. Entdeckung eines Menschen // "Sowjetliteratur". М., 1976, N 12. S. 150–153.
46. *Рецензия*: Eröffnungen. Schriftsteller über ihr Erstlingswerk. Hrsg. von G. Schneider. В.-Weimar, Aufbau-Verlag, 1974; Auskünfte. Werkstattgespräche mit DDR-Autoren. Hrsg. von A. Löffler. В.-Weimar, Aufbau-Verlag, 1974 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1976. № 3. С. 121–123.
47. Стефан Хермлин // "Иностранная литература". М., 1976. № 9. С. 254–255.
48. Германисты берлинского университета им. Гумбольдта в МГУ (Г.Д. Данке и Ева Кауфман) // "Вестник МГУ. Филология". М., 1976. № 5. С. 77–79.
49. *Реферат*: Дмитриев А.С. Проблемы йенского романтизма. М.: МГУ, 1975 // "Общественные науки в СССР. Литературоведение". М.: ИНИОН, 1976. № 2.
50. *Рецензия*: Schillemeit J. Bonaventura. Der Verfasser der "Nachtwachen". München. Beck, 1973 // Современные зарубежные исследования по романтизму. М.: ИНИОН, 1976. С. 37–46.
51. *Реферат*: Krabiel K.-D. Tradition und Bewegung. Zum sprachlichen Verfahren Eichendorffs. Stuttgart, 1973 // "Общественные науки за рубежом. Литературоведение". М.: ИНИОН, 1976. № 1. С. 126–132.
52. *Реферат*: Schumann G. Reichtum und Vielfalt sowjetischer Literatur. – "Neues Deutschland". В., 1975. 13. Juni // "Общественные науки за рубежом. Литературоведение". М.: ИНИОН, 1976. № 1. С. 231–232.
53. *Реферат*: Träger K. Ursprünge und Stellung der Romantik. – "Weimarer Beiträge". В., 1975, Jg. 21. N 2. S. 37–73; // "Общественные науки за рубежом. Литературоведение". М.: ИНИОН, 1976. № 2. С. 84–88.

54. *Реферат*: Harich W. Jean Pauls Revolutionsdichtung. Versuch einer neuen Deutung seiner historischen Romane. B., Akademie-Verlag, 1974 // "Общественные науки за рубежом. Литературоведение". М.: ИНИОН, 1976. № 2. С. 132–137.
55. *Реферат*: Schumann K. Aspekte des Verhältnisses zwischen Individuum und Gesellschaft in der Gegenwartsliteratur der DDR. – "Weimarer Beiträge". B.-Weimar, 1975, N 7 // "Общественные науки за рубежом. Литературоведение", 1976. № 2. С. 218–222.
56. *Реферат*: Krenzlin L. Rückblick aus dem Heute. Die Auseinandersetzung mit Faschismus, Krieg und ersten Nachkriegsjahren in einigen Werken der jüngsten Gegenwartsliteratur der DDR. – "Sonntag". B., 1975, N 37–38. // "Общественные науки за рубежом. Литературоведение". М.: ИНИОН, 1976. № 2. С. 222–225.
57. *Реферат*: Batt K. Leben im Zitat. Notizen zu Peter Handke. – "Sinn und Form". B., 1974, N 3 // "Общественные науки за рубежом. Литературоведение". М., 1976. № 4.
58. *Реферат*: Beitz W. Die Sowjetliteratur in den sechziger Jahren. – "Sonntag". B., 1975. N. 26; N 29. // "Общественные науки за рубежом. Литературоведение". М.: ИНИОН, 1976. № 3.
59. *Реферат*: Reinhold U. Erfahrung und Realismus. Über Martin Walser. – "Weimarer Beiträge". B., 1975, N 7 // "Общественные науки за рубежом. Литературоведение". М., 1976. № 4.
60. *Реферат*: John E. Leninsche Widerspiegelungstheorie und Ästhetik. Überlegungen zu W.I. Lenins "Aus dem philosophischen Nachlass". – "Weimarer Beiträge". B., 1972, N 1. // В.И. Ленин и зарубежное марксистское литературоведение. М.: ИНИОН, 1976. С. 81–87.

1977

61. *Комментарии* // Европейская поэзия XIX века. [БВЛ. т. 65] М.: Художественная литература, 1977. С. 820–830 (раздел "Германия": Гёте, Гёльдерлин, Новалис. Тик, Брентано, Шамиссо, Уланд, Эйхендорф, Кёрнер. В. Мюллер. Платен, Дросте-Гюльсгоф, Мёрике, Фрейлиграт, Гервег, Веерт, Геббель, Шторм, В. Буш, Лилиенкрон).
62. Уланд Л. // Большая советская энциклопедия. Издание 3-е. Т. 26. М., 1977. С. 1788.
63. Обсуждение итогов литературного года (отчет о конференции в МГУ) // "Вестник МГУ. Филология". М., 1977. № 6. С. 87–90.
64. Франк Л. // Большая советская энциклопедия. Издание 3-е. Т. 27. М., 1977. С. 1828.
65. Фосс И.Г. // БСЭ. Т. 27. М., 1977. С. 1656.

66. Современная политическая поэзия ФРГ // "Иностранная литература". М., 1977. № 9. С. 96–98.
67. Петер Шютт // "Иностранная литература". М., 1977. № 9. С. 258–259.
68. Рецензия: Schiller D. "...Von Grund auf anders". Programmatik der Literatur im antifaschistischen Kampf während der dreissiger Jahre. В., Akademie-Verlag, 1974 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1977. № 1. С. 129–131.
69. Рецензия: Kaufmann E., Kaufmann H. Erwartung und Angebot. Studien zum gegenwärtigen Verhältnis von Literatur und Gesellschaft in der DDR. В., Akademie-Verlag, 1976 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1977. № 1. С. 127–129.
70. Рецензия: Braun V. Tinka. – Braun V. Die Kipper. Hinze und Kunze. Tinka. Drei Stücke. В., Henschelverlag, 1975 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1977. № 2. С. 80–82.
71. Рецензия: Gotsche O. ... und haben nur Zorn. Roman. Halle (Saale), Mitteldeutscher Verlag, 1975 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1977. № 3. С. 22–23.
72. Рецензия: Müller H. Stücke. В., Henschelverlag, 1975 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1977. № 6. С. 116–117.
73. Реферат: Feudel W. Politisches Gedicht und revolutionärer Kampf. Der politische Dichter Georg Herwegh. – "Weimarer Beiträge". В.-Weimar, 1975, Jg. 21, N 8. S. 139–152 // "Общественные науки за рубежом. Литературоведение". М.: ИНИОН, 1977. № 2. С. 119–123.
74. Реферат: Schumann K. Aspekte des Verhältnisses zwischen Individuum und Gesellschaft in der Gegenwartsliteratur der DDR. – "Weimarer Beiträge". В., 1975, Jg. 21, N 7. S. 5–36 // "Проблемы современного творческого процесса в литературоведении зарубежных социалистических стран. М.: ИНИОН, 1977. С. 111–115.
75. Проблемы современного литературного процесса (Обзор) // Литература зарубежных социалистических стран в 60–70 годы. Реферативный сборник. М.: ИНИОН, 1977. С. 65–79 (в соавторстве с В.В. Соловьевой).
76. Современная проза ГДР в оценке французской критики (Обзор) // Литература зарубежных социалистических стран в 60–70 (в соавторстве с А.Ю. Постниковой).
77. Реферат: Berger Ch. Die Prosa meiner Banknachbarn. Entwicklungstendenzen in der Prosa jungerer Autoren. – "Neue deutsche Literatur". В., 1974, N. 9. S. 113–129 // Литература зарубежных социалистических стран в 60–70 годы. Реферативный сборник. М.: ИНИОН, 1977. С. 90–93.

78. *Предисловие* // Браун Ф. Беззаботная жизнь Каста. М.: Прогресс, 1978. С. 5–13.
79. Писатель в боях нашего времени (О VIII съезде писателей ГДР) // "Иностранная литература". М., 1978. № 10. С. 215–218.
80. Итоги и перспективы (*Рецензия*): Матузова Н. М. Рабочий класс в художественной литературе ФРГ. Киев, "Наукова думка", 1977. // "Знамя". М., 1978. № 4. С. 254–256.
81. Во имя человечности. (*Рецензия*): Вельм А. Пуговица или Серебряные часы с ключиком. Повесть. М.: Детская литература, 1978 // "Знамя". М., 1978. № 12. С. 245–247.
82. Обсуждение итогов литературного года (Отчет о конференции в МГУ) // "Вопросы литературы". М., 1978. № 9. С. 312–314.
83. Новые книги рассказов писателей ГДР. *Обзор*: Stade M. 17 schöne Fische. Erzählungen. B., Buchverlag Der Morgen, 1976; Stachowa A. Stunde zwischen Hund und Katz. Erzählungen. Halle (Saale). Mitteldeutscher Verlag, 1976; Wolter Ch. Wie ich meine Unschuld verlor. Erzählungen. B.-Weimar, Aufbau-Verlag, 1976; Schubert H. Lauter Leben. Geschichten. B., Aufbau-Verlag, 1975 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1978. № 2. С. 30–34.
84. *Рецензия*: Braun V. Gegen die symmetrische Welt. Gedichte, Halle (Saale), Mitteldeutscher Verlag, 1975; Braun V. Gedichte. Leipzig, Recam, 1976; Braun V. Poesialbum 115. B., Neues Leben, 1977 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1978. № 3. С. 31–35.
85. *Рецензия*: Gratzik P. Transportpaule. Monolog. Rostock, Hinstorff Verlag, 1977 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1978. № 4. С. 29–30.
86. Хельга Шуберт // "Иностранная литература". М., 1978. № 7. С. 263–264.
87. Апиц Б. // "Краткая литературная энциклопедия". Т. 9. М., 1978. С. 94.
89. Браун Ф. // "Краткая литературная энциклопедия". Т. 9. М., 1978. С. 147.
90. Бройн Г. де // "Краткая литературная энциклопедия". Т. 9. М., 1978. С. 149.
91. Винс П. // "Краткая литературная энциклопедия". Т. 9. М., 1978. С. 191.
92. Гангхофер Л. // "Краткая литературная энциклопедия". Т. 9. М., 1978. С. 218.
93. Горкина И. А. // "Краткая литературная энциклопедия". Т. 9. М., 1978. С. 238–239.
94. Грасс Г. // "Краткая литературная энциклопедия". Т. 9. М., 1978. С. 240.
95. Грюн М. фон дер. // "Краткая литературная энциклопедия". Т. 9. М., 1978. С. 248.
96. Кайзер В. // "Краткая литературная энциклопедия". Т. 9. М., 1978. С. 340.
97. Кудруна // "Краткая литературная энциклопедия". Т. 9. М., 1978. С. 397.
98. Паниц Э. // "Краткая литературная энциклопедия". Т. 9. М., 1978. С. 596.

99. Швабская школа // "Краткая литературная энциклопедия". Т. 9. М., 1978. С. 792–793.
100. Харт (братья) Г. и Ю. // "Большая советская энциклопедия". Издание 3-е. Т. 28. М., 1978. С. 594.
101. Хауф В. // "Большая советская энциклопедия". Издание 3-е. Т. 28. М., 1978. С. 643.
102. Хермлин С. // "Большая советская энциклопедия". Издание 3-е. Т. 28. М., 1978. С. 707.
103. Штритматтер Э. // "Большая советская энциклопедия". Издание 3-е. Т. 29. М., 1978. С. 1495.
104. Шубарт К.Ф.Д. // "Большая советская энциклопедия". Издание 3-е. Т. 29. М., 1978. С. 1511. *(Без подписи)*.
105. Шульц М.В. // "Большая советская энциклопедия". Издание 3-е. Т. 29. М., 1978. С. 1526 *(Без подписи)*.
106. Фуке Ф. де Ла Мотт // "Большая советская энциклопедия". Издание 3-е. Т. 28. М., 1978. С. 351 *(Без подписи)*.
107. Хебель И.П. // "Большая советская энциклопедия". Издание 3-е. Т. 28. М., 1978. С. 662 *(Без подписи)*.
108. Хартлебен О.Э. // "Большая советская энциклопедия". Издание 3-е. Т. 28. М., 1978. С. 671 *(Без подписи)*.
109. Хейзе П. // "Большая советская энциклопедия". Издание 3-е. Т. 28. М., 1978. С. 671 *(Без подписи)*.
110. *Реферат*: Literaturen europäischer sozialistischer Länder. Universeller Charakter und nationale Eigenart sozialistischer Literatur. Leitung des Autorenkollektivs: H. Olschowsky, L. Richter, G. Ziegengeist u. a. B.-Weimar, Aufbau-Verlag, 1975 // "Общественные науки за рубежом. Литературоведение". М., 1978. № 1. С. 103–107.
111. *Реферат*: Durzak M. Gespräche über den Roman mit Joseph Breitbach, Elias Canetti, Heinrich Böll, Siegfried Lenz, Hermann Lenz, Wolfgang Hildesheimer, Peter Handke, Hans Erich Nossack, Uwe Johnson, Walter Höllerer. Formbestimmungen und Analysen. Frankfurt a. M., 1976 // "Общественные науки за рубежом. Литературоведение". М., 1978. № 4. С. 63–66.
112. *Реферат*: Kimpel D. Der Roman der Aufklärung (1670–1774). Stuttgart, 1977. // "Общественные науки за рубежом. Литературоведение". М., 1978. № 5. С. 67–70.
113. *Реферат*: Матузова М.Н. Рабочий класс в художественной литературе ФРГ. Киев, "Наукова думка", 1977. // "Общественные науки в СССР. Литературоведение". М., 1978. № 1. С. 179–182.

114. Раскрывая правду жизни (Литература ГДР сегодня) // "Знамя". М., 1979. № 10. С. 238–245.
115. Справки о писателях: Альтен К., Арендт Э., Безелер Х., Бергер У., Бергер Ф., Бехер И.Р., Бобровский И., Браун Ф., Бредель В., Брезан Ю., Брехт Б., Бройнинг В., Вайнерт Э., Винс П., Вогацкий Б., Вольф К., Герцфельде В., Госсе П., Готше О., Грессман У., Дейке Г., Ендришик М., Заковский Г., Зегер Б., Зегерс А., Калау Г., Кант Г., Кирстен В., Кириш Р., Крон П.Г., Куба (Курт Бартель), Кунерт Г., Лаабс И., Леонгард Р., Лорбер Г., Лоренц К., Маурер Г., Микель К., Новотный И., Нойман М., Нойч Э., Пех К., Пичман З., Прейслер Г., Рейман А., Реннерт Ю., Рихтер Г., Ротер Г., Ткачик В., Трагелен Б.К., Фиртель М., Фриз Ф.Р., Фюман Ф., Фюрнберг Л., Хакс П., Хермлих С., Цибулка Г., Циммеринг М., Чеховский Г., Швахгофер Р., Штриттматтер Эва, Штриттматтер Эрвин, Штройбель М., Шульц М.В., Шульце А., Шюц Х., Эйзенхут К., Эрб Э., Эрпенбек Д. // Поднимаясь к новой жизни. Стихи и проза писателей ГДР. М.: Художественная литература, 1979. С. 675–709.
116. Рецензия: Arendt E. Gedichte. Leipzig, Philipp Reclam jun., 1976; Arendt E. Memento und Bild. Gedichte. Leipzig, Insel-Verlag, 1976; Arendt E. Unterm Eingriff. "Neue deutsche Literatur". В., 1978, N 3. S. 31–36 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1979. № 2. С. 7–9.
117. Новинки поэзии (Обзор): Schulze A. Der Grosse Tisch Gedichte. — "Neue deutsche Literatur". В., 1978; N 1; Rennert J. Märkische Depeschen. В., Union Verlag, 1977; Rennert J. Gedichte. — "Sinn und Form", В., 1979, N 2; Reimann A. Die Weisheit des Fleisches. Gedichte. Halle (Salle), 1978 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1979. № 6. С. 21–23.
118. Ответы на анкету журнала "Sowjetliteratur" (Drei Generationen der sowjetischen Germanisten: Jewgenija Knipowitsch, Pawel Topor, Alexander Guginin) // "Sowjetliteratur". М., 1979. N 10. S. 148–150.
119. DDR-Literatur in der Sowjetunion: Die Bekanntschaft wird fortgesetzt // "Sowjetliteratur". М., 1979. N. 10. S. 150–154 (Под псевдонимом Alexander Gurow).
120. Становление социалистической личности, развитие социалистической культуры (Обзор работ советских германистов о литературе ГДР) // Жизнь. Общество. Литература. Реферативный сборник. М.: ИНИОН, 1979. С. 149–161 (Библиография с. 159–161).

121. Пути западногерманской поэзии // История литературы ФРГ. Отв. редактор И.М. Фрадкин. М.: Наука, 1980. С. 399–428.

122. *Составление книги* // Heine H. Das Glück auf Erden. Ausgewählte Gedichte. Deutschland. Ein Wintermärchen. Составление, предисловие и комментарий А.А. Гугнина. М.: Прогресс, 1980. – 639 с.
123. Генрих Гейне и его поэзия // Heine H. Das Glück auf Erden. Ausgewählte Gedichte. Deutschland. Ein Wintermärchen. М.: Прогресс, 1980. С. 5–36.
124. *Комментарий* // Gedichte. Deutschland. Ein Wintermärchen. Составление, предисловие и комментарий А.А. Гугнина. М.: Прогресс, 1980. С. 535–623.
125. *Составление раздела "Германия"* (Мартин Опиц, Фридрих фон Логау, Юстус Георг Шоттель, Кристиан Вейзе) // Литературные манифесты западноевропейских классицистов. Под ред. Н.П. Козловой. М.: МГУ, 1980 ("Университетская библиотека"). С. 443–497.
Рец.: Ханмурзаев К. Эстетическое наследие европейского классицизма // "Вопросы литературы". М., 1982. № 7. С. 259–264.
126. *Комментарии* (М. Опиц, Ф. фон Логау) // Литературные манифесты западноевропейских классицистов. Под ред. Н.П. Козловой. М.: МГУ, 1980 ("Университетская библиотека"). С. 591–605.
127. *Составление книги* // Новелла ГДР: 70-е годы. Составление и предисловие А.А. Гугнина. М.: Прогресс, 1980. 560 с.
Рец.: Львов С. Основательность и широта // "Иностранная литература". М., 1982. № 7. С. 240–242.
128. *От составителя* // Новелла ГДР: 70-е годы. Составление и предисловие А. Гугнина. М.: Прогресс, 1980. С. 5–13.
129. Манифесты "литературной революции" XVIII века в Германии // "Вопросы литературы". М., 1980. № 11. С. 277–285. (*Рецензия:* "Sturm und Drang". Weltanschauliche und ästhetische Schriften. Hrsg. von Peter Müller. Bd. 1–2. B.-Weimar, Aufbau-Verlag. 1978).
130. О несгибаемых людях и несгоревших книгах // "Знамя". М., 1980. № 11. С. 254–256. (*Рецензия:* Девекин В.Н. Не сгоревшие на костре. М.: Советский писатель, 1978).
131. *Рецензия:* Schütz H. Jette in Dresden. B.-Weimar, Aufbau-Verlag, 1977 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1980. № 2. С. 44–46.
132. *Рецензия:* Panitz E. Die verlorene Tochter. Erzählungen und Auskünfte. Halle-Leipzig, Mitteldeutscher Verlag, 1979; Panitz E. Die Moral der Nixe. Eine Sommer-Geschichte. Halle-Leipzig, Mitteldeutscher Verlag, 1978 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1980. № 4. С. 19–22.
133. Панорама малой прозы // "Книжное обозрение". М., 1980, 19 сентября. С. 8–9 (О книге: Новелла ГДР: 70-е годы. См. № 127).

134. *Составление книги* // Из современной поэзии ГДР. Сборник. Составление и предисловие А. Гугнина. М.: Прогресс, 1981, 312 с. (Эрих Арендт, Георг Маурер, Хельмут Прайслер, Хайнц Калау, Карл Микель, Фолькер Браун).
135. *Эскизы к шести портретам* // Из современной поэзии ГДР. Сборник. Составление и предисловие А. Гугнина. М.: Прогресс, 1981. С. 5–26.
136. *Примечания* // Шиллер Ф. Драммы. М.: Художественная литература, 1981 ("Классики и современники. Зарубежная литература"). С. 361–373.
137. На пороге восьмидесятых (Заметки о концепции личности в литературах социалистических стран Европы) // "Знамя". М., 1981. № 7. С. 222–229.
138. Литература ГДР // Литература социалистических стран. М.: Знание, 1981. С. 66–97 (Соавтор: Г.И. Ратгауз).
139. Прокладывая новые пути (*Рецензия*: И снова встреча. Повести писателей социалистических стран. М.: Художественная литература, 1980. Роман-газета. № 8) // "Знамя". М., 1981. № 3. С. 254–256.
140. *Рецензия*: Braun V. Die Tribüne. – Braun V. Das ungezwungne Leben Kasts. B.-Weimar, Aufbau-Verlag, 1979; Braun V. Training des aufrechten Gangs. Gedichte. Halle (Saale), Mitteldeutscher Verlag, 1979 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1981. № 1. С. 46–49.
141. *Рецензия*: Preissler H. Erträumte Ufer. Gedichte. B., Neues Leben, 1979 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1981. № 4. С. 22–23.
142. *Рецензия*: Veränderte Landschaft. Gedichte. Hrsg. von W. Kirsten: Leipzig, Insel-Verlag, 1980 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1981. № 5. С. 27–29.
143. *Рецензия*: Kaufmann H. Versuch über das Erbe. Leipzig, Verlag Philipp Reclam jun., 1980 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1981. № 6. С. 100–103.
144. Современное зарубежное литературоведение о литературе немецкого барокко (Научно-аналитический обзор) // Современные зарубежные исследования по литературе XVII–XVIII веков. Выпуск 1. М.: ИНИОН, 1981. С. 177–199.
145. Geschichte eines Buches // "Sowjetliteratur". V., 1981, № 7. С. 153–156.

1982

146. Вступая в мир Фейхтвангера... // Фейхтвангер Л. Гойя; Мудрость чудака: Романы. Кишинев, Литература артистикэ, 1982. С. 3–13.
147. *Составление книги* // Кант Г. Объяснимое чудо. Рассказы, очерки. Составление и послесловие А. Гугнина. М.: Известия, 1982, 141 с. (Библиотека журнала "Иностранная литература").
148. *Послесловие* // Кант Г. Объяснимое чудо. Рассказы, очерки. М.: Известия, 1982. С. 134–139.

149. *Составление книги* // Новотный И. Новость. Рассказы. М.: Известия, 1982, 142 с. (Библиотека журнала "Иностранная литература").
150. Художественная публицистика Германа Канта // "Вопросы литературы". М., 1982. № 2. С. 243–248.
151. *Рецензия*: Kant H. Zu den Unterlagen. Publizistik 1957–1980. Auswahl von L. Krenzlin. B.-Weimar, Aufbau-Verlag, 1981 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1982. № 1. С. 98–100.
152. *Рецензия*: Kant H. Der dritte Nagel. B., Rütten und Loening, 1981 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1982. № 4. С. 29–31.
153. *Рецензия*: Schütt P. Zwischen Traum und Alltag. Fischerfude, Verlag Atelier im Bauernhaus, 1981 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1982. № 6. С. 81–84.
154. Hermann Kants Publizistik // "Kunst und Literatur". B., Verlag Volk und Welt, 1982, N 10. S. 1110–1114.

1983

155. Встреча через столетия // Встреча. Повести и эссе писателей ГДР об эпохе "Бури и натиска" и романтизма. Составление М. Рудницкого. Предисловие и комментарии А. Гугнина. М.: Радуга, 1983. С. 5–18.
156. *Комментарии* // Встреча. Повести и эссе писателей ГДР об эпохе "Бури и натиска" и романтизма. М.: Радуга, 1983. С. 600–620.
157. *Составление книги* // Немецкие народные баллады – Deutsche Volksballaden. Сборник на немецком и русском языках. Составление, предисловие и комментарий А.А. Гугнина. М.: Радуга, 1983. – 415 с.
158. Немецкая народная баллада: эскиз ее истории и поэтики // Немецкие народные баллады – Deutsche Volksballaden. М., Радуга, 1983. С. 5–25.
159. *Комментарии* // Deutsche Volksballaden – Немецкие народные баллады. М.: Радуга, 1983. С. 341–407.
160. *Составление книги* // Deutsche Volkslieder – Немецкие народные песни. Сборник на немецком и русских языках. Составление и предисловие А.А. Гугнина. М.: Радуга, 1983. – 478 с.
Рец.: Dittmar J. // Jahrbuch für Volksliedforschung. Hrsg. von O. Holzapfel und J. Dittmar. 32. Jg. 1987. Erich Schmidt Verlag. S. 139–140.
161. *От составителя* // Deutsche Volkslieder – Немецкие народные песни. М.: Радуга, 1983. С. 5–7.
162. Поэзия широких горизонтов // Поэзия ГДР: Антология. С параллельным текстом на немецком и русском языках. Послесловие А. Гугнина. М.: Художественная литература, 1983.
163. Литература ГДР: тридцать пять лет творческих свершений [*Рецензия*: История литературы ГДР. Редакт. коллегия: А.Л. Дымшиц (Отв. редактор), Г.Л. Его-

- рова, Е.Ф. Книпович, И.В. Млечина, П.М. Топер). М.: Наука, 1982] // "Вопросы литературы". М., 1983. № 7. С. 263–268.
164. На магистральных путях литературоведения (*Рецензия*: Топер П. Овладение реальностью. Статьи. М.: Советский писатель, 1980) // "Знамя". М., 1983. № 5. С. 238–240.
165. Пути и перепутья (*Рецензия*: Анджапаридзе Г.А. Потребитель? Бунтарь? Борец? Заметки о молодом герое западной прозы 60–70-х годов. М.: Молодая гвардия, 1982) // "Москва". М., 1983. № 11. С. 196–198.
166. *Рецензия*: Strittmatter E. Selbstermünderungen. В., Aufbau-Verlag, 1981 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1983. № 1. С. 34–36.

1984

167. Фридрих Шиллер и его новая биография // Ланштейн П. Жизнь Шиллера. М.: Радуга, 1984. С. 374–386.
168. *Комментарий* // Лапштейн П. Жизнь Шиллера. М.: Радуга, 1984. С. 387–397.
169. *Составление книги* // Писатели Германской Демократической Республики. Составление А. Гугнина. М.: Радуга, 1984. – 484 с.
170. *От составителя* // Писатели Германской Демократической Республики. М.: Радуга, 1984. С. 5–6.
171. *Библиография* // Писатели Германской Демократической Республики. М.: Радуга, 1984. С. 445–472. (В соавторстве с Г. Альбрехтом).
172. *Составление книги* // Современная повесть ГДР, 70–80-е годы. Сборник. Составление и предисловие А. Гугнина. М.: Радуга. 1984. 464 с. (Г. Нахбар. Мальчик в коротких штанишках; Э. Рихтер. Обманщик и бомба; Х.Х. Шульц. Феликс Мора; А. Мецкес. Родимый дом; А. Мюллер. Бу-мажный голубь; Б. Мартин. Этот трудный поиск счастья).
173. *Предисловие* // Современная повесть ГДР, 70–80-е годы. М.: Радуга. 1984. С. 3–10.
174. *Послесловие* // Гитара или стетоскоп? Повесть и рассказы. М.: Молодая гвардия, 1984. С. 251–254.
175. Этапы эстетического самосознания (*Рецензия*: Fühmann F. Essays. Gespräche. 1964–1981. Rostock, Hinstorff Verlag, 1983) // "Вопросы литературы". М., 1984. № 11. С. 253–260.
176. *Рецензия*: Braun V. Guevara oder Der Sonnenstaat. Leipzig, Verlag Philipp Reclam jun., 1983 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1984. № 4. С. 36–38.
177. Новые произведения Юрия Брезана. Обзор (1979–1982) // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1984. № 5. С. 40–43.

178. *Рецензия*: Höpske K. Probe für das Leben. Literatur in einem Leseland. Halle-Leipzig, Mitteldeutscher Verlag, 1982. // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1984. № 5. С. 46–49.
179. *Рецензия*: Tkaczyk W. Rundflüge im Abendrot. Ausgewählte Gedichte. Halle-Leipzig, Mitteldeutscher Verlag, 1983; Tkaczyk W. Meine Wolken sind irdisch. Gedichte. Halle-Leipzig, Mitteldeutscher Verlag, 1982. // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1984. № 6. С. 44–47.
180. *Реферат*: Höpcke K. Probe für das Leben. Literatur in einem Leseland. Halle-Leipzig, Mitteldeutscher Verlag, 1982. // "Общественные науки за рубежом. Литературоведение". М.: ИНИОН, 1984. № 6. С. 146–148.
181. Für Freundschaft und Verständigung // "Sowjetliteratur". М., 1984. № 10. S. 186–189.

1985

182. *Составление книги* // Зарубежная поэзия в переводах В.А. Жуковского в двух томах. Составление: А.А. Гугнина. М.: Радуга, 1985. (Т. 1. – 606 с.; Т. 2. – 638 с.).
Рец.: Ратгауз Г. Сокровищница русского перевода // "Иностранная литература". М., 1987. № 12. С. 241–243.
183. *От составителя* // Зарубежная поэзия в переводах В.А. Жуковского в двух томах. Т. 1. М.: Радуга, 1985. С. 9–14.
184. Комментарии (К разделу "Из немецкой поэзии") // Зарубежная поэзия в переводах В.А. Жуковского в двух томах. Т. 2. М.: Радуга. С. 576–596.
185. Проблемы изучения и издания Гейне (Критико-библиографические заметки) // "Вопросы литературы". М., 1985. № 11. С. 247–257.
186. *Комментарии* // Шиллер Ф. Разбойники. Коварство и любовь. М.: Детская литература, 1985. С. 199–207. ("Школьная библиотека").
187. *Составление книги* // Брезан Ю. Черная мельница. Повесть и рассказы. Составление и предисловие А. Гугнина. М.: Известия, 1985. 160 с. (Библиотека журнала "Иностранная литература").
188. Юрий Брезан в поисках глубинных источников жизни // Брезан Ю. Черная мельница. Повесть и рассказы. М.: Известия, 1985. С. 5–8.
189. *Составление книги* // За что мы боремся. Современная политическая поэзия ФРГ и Западного Берлина. Составление и справки об авторах А. Гугнина. М., Радуга, 1985. 232 с. (Э. Кестнер, Г. Земмер, Л. Раунер, Р. Лимперт, Г.Д. Хюш, А. Тропман, Ф.Й. Дегенхардт, Г. Хербургер, Д. Зюверкрюп, Ф. фон Тёрне, А. Райнфранк, Д. Киттнер, П. Шютт, В.П. Шнетц, У. Тимм, Х. Вадер, Н. Ульман, Ф.К. Делиус, Р. Риттер, Г. ван Ойен).
190. *Об авторах* // За что мы боремся. Современная политическая поэзия ФРГ и Западного Берлина. М.: Радуга, 1985. С. 213–220.

191. Литературная традиция в прозе ГДР 70-х годов // DDR-Literatur der sechziger und siebziger Jahre. Wissenschaftliche Konferenz der Staatlichen Georgischen Universität Tbilissi und der Friedrich-Schiller-Universität Jena. Jena-Tbilissi, 1985. S. 40–46.
192. Память народа (*Рецензия*: Кант Г. Рассказы и размышления. Составление Е.А. Кацевой. М.: Радуга, 1984) // "Знамя". М., 1985. № 8. С. 239–240.
193. *Составление раздела книги* (Германия, ГДР, ФРГ) // Навеки проклят. Антифашистская публицистика писателей мира. М.: Прогресс; София, Партиздат, 1985. 432 с. [Составители П. Топер (СССР), Ф. Палайотов (НРБ) и др.].
194. Обзор новых книг И. Новотного (Novotny J. Der erste Auftritt der Komparsen. B., Kinderbuchverlag, 1984; Novotny J. Äpfel der Jugend. Halle-Leipzig, Mitteldeutscher Verlag, 1984) // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1985. № 1. С. 40–43.
195. *Рецензия*: Arendt E. Entgrenzen. Gedichte. Leipzig, Insel-Verlag, 1983 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1985. № 2. С. 29–35.
196. *Рецензия*: Schütt P. Entrüstet euch! Gedichte für den Frieden. Dortmund, Weltkreis-Verlag, 1983 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1985. № 3. С. 114–116.
197. *Рецензия*: Koch J. Pintlaschk und das goldene Schaf. B., Albertiner Verlag, 1983 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1985. № 4. С. 113–114.
198. *Рецензия*: Krauss W. Literaturtheorie, Philosophie und Politik. Hrsg. von M. Naumann. (Krauss W. Das wissenschaftliche Werk. Bd. I). B.-Weimar, Aufbau-Verlag, 1984 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1985. № 5. С. 96–100.
199. Обзор новых книг Ф. Фюмана (Fühmann F. Irrfahrt und Heimkehr des Odysseus. Prometheus. Der geliebte der Morgenröte und andere Erzählungen. Rostock, Hinstorff-Verlag, 1982; Fühmann F. Reineke Fuchs. Märchen nach Shakespeare. Das Nibelungenlied. Märchen auf Bestellung. Rostock, Hinstorff-Verlag, 1984; Fühmann F. Essays, Gespräche, Aufsätze. 1964–1981. Rostock, Hinstorff-Verlag, 1983; Fühmann F. Vor Feuerschlünden. Erfahrung mit Georg Trakls Gedicht. Rostock, Hinstorff-Verlag, 1983; Fühmann F. Saiäns-Fiktischen. Erzählungen. Rostock, Hinstorff-Verlag, 1983; Fühmann F. Kirke und Odysseus. Ein Balett. Rostock, Hinstorff-Verlag, 1984) // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1985. № 6. С. 26–33.
200. Достоевский и литература (*Рецензия*: Schriften des Komitees der Bundesrepublik Deutschland zur Förderung der Slawischen Studien. Hrsg. von H. Rothe. 7. Dostojewski und Literatur. Vorträge zum 100. Todesjahr des Dichters auf 3. internationalen Tagung des "Slavenkomitees" in München 12.–14. Oktober 1981.

- Hrsg. von H. Rothe. Köln-Wien: Böhlau-Verlag, 1983) // "Информационный бюллетень МАИРСК". Выпуск 12. М.: Наука, 1985. С. 55–58.
- То же на французском языке // Bulletin d'information. Livraison 12, Moskou, 1985. P. 53–56.
201. Достоевский и литература (*Реферат книги*: см. наст. библиограф. № 200) // "Общественные науки за рубежом. Литературоведение". М.: ИНИОН, 1985. № 1. С. 195–198.
202. Franz Fühmanns ästhetisches Selbstverständnis // "Kunst und Literatur". В., 1985, N 4, S. 501–505.
203. *Рецензия*: Павлова Н.С. Типология немецкого романа. М.: Наука, 1982 // "Sowjetliteratur". В., 1985, N 3. S. 178–180.
204. *Рецензия*: Кант Г. Рассказы и размышления. М.: Радуга, 1984 // "Sowjetliteratur". М., 1985, N 9. S. 177–180.

1986

205. Современные писатели ГДР. М.: Знание, 1986. – 64 с. (Из содержания: Основные вехи развития литературы ГДР (с. 6–16); Эрих Арендт (с. 15–25); Герман Кант (с. 25–34); Криста Вольф (с. 34–43); Фолькер Браун (с. 43–61). Библиография с. 62–63 и к статьям об отдельных писателях.
Рец.: Höpcke K. Neue Arbeit eines sowjetischen Fachmanns für Germanistik // "Sowjetliteratur". В., 1987, N 2. S. 153–154.
206. В.А. Жуковский как переводчик Л. Уланда // Традиции и новаторство немецкого и английского романтизма конца XVIII – начала XIX вв. Межвузовский сборник научных трудов. Владимир, 1986. С. 49–71.
207. Генрих Гейне // История эстетической мысли: Становление и развитие эстетики как науки. В шести томах. Т. 3. М.: Искусство, 1986. С. 217–224.
208. Вопросы периодизации истории литературы ГДР в трудах литературоведов ГДР 1970–1980-х годов // Современные литературы европейских социалистических стран. 1945–1980. (Историография, периодизация, методология исследования). М.: Наука, 1986. С. 157–176.
209. *Составление книги* // Свобода пришла не сразу... Антифашистская проза писателей ГДР. Составление, предисловие, справки об авторах А.А. Гугнина. М.: Молодая гвардия, 1986. – 320 с.
210. Уроки борьбы и мужества // Свобода пришла не сразу... М.: Молодая гвардия, 1986. С. 3–12.
211. Об авторах // Свобода пришла не сразу... М.: Молодая гвардия, 1986. С. 305–318. (А. Абуш, Б. Апиц, И.Р. Бехер, К. Бойхлер, В. Бредель, Б. Брехт, В. Бройнинг, Э. Вайнерт, Ф.К. Вайскопф, К. Вольф, В. Горриш, О. Готше, К. Давид, Д. Нолль, Я. Петерсен, Б. Узе, Ф. Фюман, С. Хермли).

212. Составление раздела "Германия" // Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западно-европейской литературы XX века. Под общей ред. Л.Г. Андреева. М.: Прогресс, 1986.
(Г. Манё, А. Дзблин, К. Эдшмид, Х. Балль, Р. Хюльзенбек, И. Голль, И.Р. Бехер, Г. Бенн, Б. Брехт, Э. Вайнерт, Ф. Вольф, Г. Бёлль, Т. Манн, П. Вайс).
213. *Комментарии к разделам "Германия" и "Австрия"* // Называть вещи своими именами. М.: Прогресс, 1986. С. 580–596.
(В разделе "Австрия": Р. Музиль, Ф. Кафка, Г. Брок, Г.К. Артман, Х. фон Додерер, П. Хандке, Э. Яндль).
214. *Переключка через столетия* // Менцель Г.В. Годы в Вольфенбюттеле: Бройн Г. де. Жизнь Жан-Поля Фридриха Рихтера. Предисловие А. Гугнина. М.: Книга, 1986. С. 5–12. ("Писатели о писателях").
215. *Краткая библиография основных переводов и критической литературы на русском языке* // История немецкой литературы в трех томах. Т. 3. М.: Радуга, 1986. С. 431–450.
216. *Рецензия*: Werner W. Das Gras hält meinen Schatten. Gedichte – Prosa – Aufsätze. Halle-Leipzig, Mitteldeutscher Verlag, 1983 (Im Querschnitt); Werner W. Der Baum wächst durchs Gebirge. Halle-Leipzig, Mitteldeutscher Verlag, 1984 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1986. № 2. С. 28–31.
217. *Рецензия*: Braun V. Stücke: Die Kipper. Hinze und Kunze. Schmitt. Tinka. Guevara, oder Der Sonnenstaat., Grosser Frieden. Simplex Deutsch. Dmitri. B., Henschelverlag, 1984; Braun V. Berichte von Hinze und Kunze. Halle-Leipzig, Mitteldeutscher Verlag, 1984; Braun V. Hinze-Kunze-Roman. Halle-Leipzig, Mitteldeutscher Verlag, 1985 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1986. № 3. С. 29–33.
218. *Рецензия*: Menzel G. W. Lessing und andere Dichtergeschichten. Halle-Leipzig, Mitteldeutscher Verlag, 1985 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1986. № 4. С. 34–37.
219. *Рецензия*: Novotny J. Schäfers Stunde. Erzählungen. Halle-Leipzig, Mitteldeutscher Verlag, 1985 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1986. № 5. С. 17–19.
220. *Рецензия*: Kant H. Bronzezeit. Erzählungen. B., Rütten und Loening, 1986 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1986. № 6. С. 34–37.
221. *Рецензия*: Braun V. Dmitri. B., Henschelverlag, 1986. // "Современная зарубежная драматургия". М., 1986. № 5. С. 50–54.

222. Современная литература ГДР. Учебное пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1987. – 111 с. [Из содержания: Развитие традиций и новаторский поиск в истории литературы ГДР (с. 5–39); Наследие и наследники: очерки творчества Э. Арендта (с. 40–46), Ю. Брезана (с. 46–52), Ф. Фюмана (с. 53–69), Г. Канта (с. 69–78), Х. Мюллера (с. 79–82), И. Новотного (с. 82–87), Ф. Брауна (с. 88–100); библиография с. 105–110].
Рец.: Смирнов А.В. // "Филологические науки". М., 1988. № 2. С. 84–86.
223. Германской Демократической Республики литература // Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия. 1987. С. 76–77.
224. 50 статей-справок для аннотированного указателя имен (немецкие писатели-антифашисты и писатели ГДР) // Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. (См. перечень авторов статей Указателя, с. 534).
225. Иоганн Вольфганг Гёте и тернистая тропа биографа // Конради К.О. Гёте. Жизнь и творчество. Т. 1–2. Предисловие и общая редакция А.А. Гугнина. Т. 1. Половина жизни. М.: Радуга, 1987. С. 5–25.
226. *Комментарии* (Я. Гримм. "Немецкая мифология") // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Трактаты, статьи, эссе. Под ред. Г.К. Косикова. М.: МГУ, 1987. С. 449–454.
227. *Комментарии* (В. Краус. Применение марксизма к истории литературы и литературной критике; В. Краус. Методологические замечания к марксистской теории литературы к структурализму в литературоведении и рецептивной эстетике) // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. М.: МГУ, 1987. С. 493–495.
228. *Комментарии* // Фриш М. Листки из вещевого мешка. Художественная публицистика. М.: Прогресс, 1987. С. 302–315.
229. Переоценка традиций и проблема культурного наследия в литературе ГДР первых послевоенных лет // Выбор пути. Литература европейских социалистических стран в первые послевоенные годы. М.: Наука, 1987. С. 53–92.
230. *Рецензия:* Anna Seghers – Wieland Herzfelde. Ein Briefwechsel 1939–1946. Hrsg. von U. Emmerich und E. Pick. B.-Weimar, Aufbau-Verlag, 1985 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1987. № 2. С. 33–35.
231. *Рецензия:* Braun V. Siegfried Frauenprotokolle Deutscher Furor. Ein Drama. – "Theater der Zeit". B., 1987, N 2. // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1987. № 5. С. 31–33.
232. *Рецензия:* Müller H. Wolokolamsker Chaussee I: Russische Eröffnung (nach einem Motiv von Alexander Bek). – "Sinn und Form". B., 1985, N 2; Müller H. Wolokolamsker Chaussee II: Wald bei Moskau (nach einem Motiv von Alexander

Бек). – "Theater der Zeit". В., 1982, N 2 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1987. № 6. С. 28–31.

1988

233. *Составление книги* // Уланд Л. Стихотворения. Составление, вступительная статья и комментарии А. Гугнина. М.: Художественная литература, 1988. 222 с.
234. Романтический челн в бурных волнах истории, или поэзия Людвиг Уланда // Уланд Л. Стихотворения. М.: Художественная литература, 1988. С. 3–22.
235. *Комментарии* // Уланд Л. Стихотворения. М.: Художественная литература, 1988. С. 193–215.
236. *Составление книги* // Новотный И. Избранная проза. Повести, рассказы. Составление и предисловие А.А. Гугнина. М.: Художественная литература, 1988. 383 с.
237. Эта необъятная "малая" родина, или Размышления о творчестве Иоахима Новотного // Новотный И. Избранная проза. М.: Художественная литература, 1988. С. 5–12.
238. Литература ГДР в 70–80-х годах и проблемы культурного наследия // Литература европейских социалистических стран в 70–80-е годы (Материалы международной конференции. Москва, 12–14 апреля 1988 г.). М., 1988. С. 136–142.
239. "Моя утопия – это реализм". Беседа Александра Гугнина с Фолькером Браунм // "Литературное обозрение". М., 1988. № 12. С. 28–31.
240. *Комментарии* // Вольф Ф. Годы и люди: Художественная публицистика. Составление, предисловие В.Н. Дебекина. М.: Прогресс, 1988. С. 354–366.
241. Das Schaffen Volker Brauns aus der Sicht der 80-er Jahre // Das Wort. Germanistisches Jahrbuch DDR – UdSSR. Zwickau, 1988. S. 167–176.
242. Edition, Studium und Rezeption der DDR – Gegenwartsliteratur in der UdSSR // Die Literatur der DDR. 1976–1986. Akten der Internationalen Konferenz. Piza, 1987. Hrsg. von Anna Chiarloni, Gemma Sartori, Fabrizio Gambi. Piza, 1988. S. 107–114. (Кроме того см. выступления в дискуссиях: с. 222–223; с. 434; с. 454).
243. *Рецензия*: Wolf Ch. Die Dimension des Autors. Essays und Aufsätze, Reden und Gespräche. 1959–1985. Bd. 1–2/ В.-Weimar, 1986 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1988. № 1. С. 37–40.
244. *Рецензия*: Braun V. Transit Europa (Nach Motiven von Anna Seghers). В. Henschelverlag, 1987 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1988. № 1. С. 40–43.
- То же (с изменениями) // "Современная зарубежная драматургия". М., 1988. № 1. С. 40–42.

245. *Рецензия*: Fühmann F. Simplicissimus, Der Nibelungen Not und andere Arbeiten für den Film. Hrsg. von Ingrid Prignitz. Rostock. Hinstorff, 1987 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1988. № 5. С. 28–31.
246. *Рецензия*: Expressionismus. Составитель Н.С. Павлова. М.: Радуга, 1986 // "Sowjetliteratur". М., 1988. № 5. С. 190–192.
247. *Комментарии* // Хёпке К. Жизненные ценности и наши книги. М.: Радуга, 1988.
248. *Рецензия*: Müller H. Wolokolamsker Chaussee III: Das Duell (Nach Motiven von Anna Seghers). – "Theater der Zeit". В., 1987, N 6 // "Современная зарубежная драматургия". М., 1988. № 1. С. 43–44.
249. Серболужицька література в контексті літератури НДР // Проблеми слов'янознавства. Республіканський міжвідомчий науковий збірник. Випуск 37. Львів, 1988. С. 109–110.
250. Hermann Kants Werke in der UdSSR // "Sowjetliteratur". М., 1988, N 6. С. 158–160.
251. *Рецензия*: Plenzdorf U. Ein Tag länger als ein Leben (Пьеса по роману Ч. Айтматова "И дольше века длится день"). В., Henschelverlag, 1988 // "Современная зарубежная драматургия". М., 1988. № 3.
252. *Рецензия*: Mickel K. Volks Entscheid. 7 Theaterstücke. Leipzig, 1987 // "Современная зарубежная драматургия". М., 1988. № 4. (78).
253. *Рецензия*: Müller H. Wolokolamsker Chaussee IV: Kentauren (Ein Greuelmärchen aus dem Sächsischen des Gregor Samsa). – "Theater der Zeit". В., 1988, N 2 // "Современная зарубежная драматургия". М., 1988. № 4 (78).
254. Драматургия Фолькера Брауна // "Современная зарубежная драматургия". М., 1988. № 5. С. 85–92.
255. Драматургия Хайнера Мюллера // "Современная зарубежная драматургия". М., 1988. № 5. С. 93–101.

1989

256. *Составление книги*: Эолова арфа: Антология баллады. Составление, подготовка текста, предисловие и комментарии А.А. Гугнина. М.: Высшая школа, 1989. 671 с. ("Библиотека студента-словесника").
Рец.: Гиривенко А.Н. // "Филологические науки". М., 1990. № 3. С. 116–118.
257. Постоянство и изменчивость жанра // Эолова арфа: Антология баллады. М.: Высшая школа, 1989. С. 7–26.
258. *Комментарии* // Эолова арфа: Антология баллады. М.: Высшая школа, 1989. С. 606–660.
259. *Составление книги* // Фюман Ф. Избранное. Составление и предисловие А.А. Гугнина. М.: Радуга, 1989. 544 с. ("Мастера современной прозы").
260. *Предисловие* // Фюман Ф. Избранное. М.: Радуга, 1989. С. 5–16.

261. *Составление книги* // Встреча на Эбро: Немецкие писатели в борьбе против фашизма (1933–1945). Составление, предисловие, комментарии А.А. Гугни-на. М.: Прогресс, 1989. 542 с.
262. *Испытание любовью и ненавистью...* // Встреча на Эбро: Немецкие писатели в борьбе против фашизма (1933–1945). М.: Прогресс, 1989. С. 3–16.
263. *Комментарии* // Встреча на Эбро: Немецкие писатели в борьбе против фашизма (1933–1945). М.: Прогресс, 1989. С. 494–530.
264. Анна Зегерс // Анна Зегерс. Биобиблиографический указатель. М.: ВГБИЛ, 1989. С. 10–21.
265. *Предисловие* // Нойч Э. Мир на Востоке: Когда гаснут огни. Роман. М.: Радуга, 1989. С. 5–10.
266. Братья Гримм в зеркале современной биографии // Скурла Г. Братья Гримм. Очерк жизни и творчества. М.: Радуга, 1989. С. 5–13.
267. *Послесловие* // Гофман Э.Т.А. Сказки. М.: Детская литература, 1989. С. 243–248.
268. *Составление книги* // Неоконченная история: Писатели ГДР о молодежи. Составление А. Гугнина и В. Вебера. М.: Молодая гвардия, 1989. 318 с.
269. *Предисловие* // Неоконченная история: Писатели ГДР о молодежи. М.: Молодая гвардия, 1989. С. 5–14.
270. *Справки об авторах* // Неоконченная история: Писатели ГДР о молодежи. М.: Молодая гвардия, 1989. С. 314–316 (В. Арндт, Ф. Браун, В. де Бройн, Э. Брюнинг, Э.-Г. Зассе, Х. Кёнигсдорф, Ю. Кох, В. Ленц, Х. Маттиас, А. Стахова, В. Трампе, К. Хайн, М. Штефан, Х. Шуберт).
271. Сравнительное литературоведение ГДР и некоторые аспекты изучения славяно-германских литературных взаимосвязей // Сравнительное литературоведение и русско-польские литературные связи в XX веке. Отв. редактор В.А. Хорев. М.: Наука, 1989. С. 53–63.
272. Великий Октябрь и пути развития немецкой марксистской критики в 1910–1930-х годах // Октябрьская революция и новая концепция литературы. К истории марксистской литературной критики европейских социалистических стран. М.: Наука, 1989. С. 85–131.
273. Эмпирические размышления о том, как мы "перегнали" мировую литературу... // "Литературное обозрение". М., 1989. № 8. С. 34–39.
274. Zur Rezeption von Sowjetliteratur ("Zement" und "Wolokolamsker Chaussee" I und II) // Müller H. Material. Texte und Kommentare. Hrsg von Frank Hörnigk. Leipzig, Verlag Philipp Reclam jun., 1989. S. 213–225.
Та же статья в издании с таким же названием: Göttingen; Steidl, 1989. S. 213–225.
275. *Комментарии* // Бёль Г. Каждый день умирает частица свободы: художественная публицистика. М.: Прогресс, 1989. С. 352–363.

276. *Об авторах* // Современная повесть ГДР. 80-е годы. М.: Радуга. 1989. С. 619–623 (И. Гайдучек, Х. Герлах, Х. Заковский, Х. Кёнигсдорф, Г. Рюкер, П. Хакс, Э. Штримматтер).
277. *Рецензия: Моторный В.А., Трофимович К.К. Серболужицкая литература. История. Современность. Взаимосвязи. Львов, 1987* // "Советское славяноведение". М., 1989. № 5. С. 98–100.
278. *Рецензия: Müller H. Germania Tod in Berlin – "Theater der Zeit". В., 1989, N 1.* // "Современная зарубежная драматургия". М., 1989. № 4. С. 47–52.
279. *Выступление в дискуссии "Зарубежная литература XX века и задачи критики"* // "Вопросы литературы". М., 1989. № 2. С. 76–86.
280. *Несколько слов (о Ф. Брауне)* // "Вопросы литературы". М., 1989. № 12. С. 256–257.

1990

281. *Зигмунд Фрейд – повторение пройденного?* // "Вопросы литературы". М., 1990. № 8. С. 150–160.
282. *Год 1990 – что дальше?* // "Вопросы литературы". М., 1990. № 10. С. 3–35.
283. *К вопросу о фольклорных и литературных источниках зонгов Б. Брехта* // Брехт – классик XX века. Материалы Брехтовского диалога 1988–90 гг. "Брехт – классик! Брехт – классик? Брехт – классик..." во ВНИИ искусствознания. М., 1990. С. 27–36.
284. *Составление книги* // Сильнее всего на свете: Сборник произведений немецких писателей – участников революции 1918–1919 гг. в Германии. Составитель. автор предисловия и комментариев А. Гугнин. М.: Детская литература, 1990. 207 с.
(В книге опубликованы: Б. Апиц, И.Р. Бехер, Р. Брауне, В. Бредель, Б. Брехт, В. Газенклевер, О. Канель, П. Кёрнер-Шрадер, Э.Э. Киш, К. Кюн, К. Либкнехт, К. Либман, Г. Лорбер, Г. Мархвица, Э. Мюзам, Д. Нолль, Я. Петерсен, В. Пик, Л. Ренн, Э. Толлер, Л. Турек, В. Херцфельде, Э. Хёрнле, М. Циммерлинг, А. Шаррер, О. Штайнике).
285. *Предисловие* // Сильнее всего на свете: Сборник произведений немецких писателей – участников революции 1918–1919 гг. в Германии. М.: Детская литература, 1990. С. 5–10.
286. *Справки об авторах* // Сильнее всего на свете: Сборник произведений немецких писателей – участников революции 1918–1919 гг. в Германии. М.: Детская литература, 1990. С. 198–203.
287. *Комментарий* (к немецкому, австрийскому, польскому, чешскому разделам) // Зарубежная поэзия в переводах Б.Л. Пастернака. М.: Радуга. 1990. С. 609–625; С. 632–635.
288. *Фрагменты выступления на "круглом столе": "Россия и Германия"* // "Литературная учеба". М., 1990. № 5. С. 120; С. 122–123.

То же: "Sowjetliteratur". М., 1990, N 5. S. 139; S. 141.

289. Рецензия: Günther E. Der Pirat. Roman. В., Aufbau-Verlag, 1988 // "Современная художественная литература за рубежом". М., 1990. № 5. С. 22–24.
290. Серболужицкая литература в славянско-германском контексте (тезисы доклада) // Славяне: адзинства і мнагастайнасць. Міжнародная канферэнцыя 24–27 мая 1990. Тэзісы дакладаў і паведамленняў. Мінск, 1990. 5 секцыя. С. 28–29.
291. Серболужицкие гуманисты и Италия (тезисы доклада) // Италия и славянский мир. Советско-итальянский симпозиум. Тезисы докладов. М., 1990. С. 32–33.
292. Концепция личности в романе Я. Лоренца-Залеского "Остров забытых" и проблема серболужицкого модерна // Человек в культуре народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Международная конференция. М., 1990. С. 9–11.
293. Empirische Überlegungen darüber, wie wir die Weltliteratur "überflügelt" haben // "Sowjetliteratur". V., 1990, N 8. S. 162–177.

1991

294. Серболужицкая литература // История всемирной литературы. Т. 7. М.: Наука, 1991. С. 516–518.
295. Составление книги: Браун Ф. Избранное: Составление и предисловие А. Гугнина. М.: Радуга, 1991. 511 с.
296. Творчество Фолькера Брауна // Браун Ф. Избранное. М.: Радуга, 1991. С. 5–22.
297. "Моя утопия – реализм". Беседа Александра Гугнина с Фолькером Брауном в марте 1988 года // Браун Ф. Избранное. М.: Радуга, 1991. С. 500–508.
298. Через иллюзии к реальностям: заметки о творчестве Кристи Вольф // Вольф К. От первого лица: Художественная публицистика. М.: Прогресс, 1991. С. 5–24.
299. Комментарии // Вольф К. От первого лица: Художественная публицистика. М.: Прогресс, 1991. С. 402–408.
300. Тревожная идиллия перед большим пожаром // Вольф К. Летний этюд. М.: Радуга, 1991. С. 237–251.
301. И.Р. Бехер (К 100-летию со дня рождения) // "Памятные книжные даты". М.: Книга, 1991. С. 214–218.
302. Комментарий // Древиц И. Беттина фон Арним: Романтизм. Революция. Утопия. Биография. М.: Радуга, 1991. С. 287–302.
303. "Необозримые поля" Готфрида Бенна // "Вопросы литературы". М., 1991. № 7. С. 121–132.
304. Генрих фон Клейст (1777–1811) // Клейст Г. фон. Биобиблиографический указатель. Отв. редактор и автор вступительной статьи А.А. Гугнин. М.: ВГБИЛ, 1991. С. 3–21.

305. Магический реализм: на примере романа Германа Казака "Город за рекой" (1947) // Творчество Иво Андрича. Миф. Фольклор. История. Литература. Симпозиум к 100-летию со дня рождения писателя. Тезисы и материалы. М., 1992. С. 40–44.
306. Современная немецкая литература – одна или две литературы? // Новые проблемы, новые решения. Актуальные аспекты изучения литератур Румынии и других стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1992. С. 179–194.
307. Идеология, культурная политика и культура: на примере истории литературы ГДР // Социокультурные процессы в странах Восточной Европы (после второй мировой войны). Отв. редактор Ю.С.Новопашин. М., 1992. С. 120–169.
308. Несколько вводных замечаний // Власть и интеллигенция (Из опыта послевоенного развития стран Восточной Европы). М., 1992. С. 3–4.
309. Литература ГДР и культурная политика СЕПГ (1949–1990) // Власть и интеллигенция (Из опыта послевоенного развития стран Восточной Европы). Редактор-составитель А.М. Орехов. М., 1992. С. 78–112.
310. Составление книги // Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. Составление, послесловие и комментарии А.А. Гугнина. М.: Прогресс, 1992. – 568 с.
311. Загадки и парадоксы Зигмунда Фрейда // Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М.: Прогресс, 1992. С. 519–542.
312. Комментарии // Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М.: Прогресс, 1992. С. 545–566.
313. Лион Фейхтвангер, его время и произведения // Фейхтвангер Л. Избранные произведения. Т. I. Еврей Зюсс. Роман. М.: Фирма АРТ, 1992. С. 481–492.
314. Новые издания ранних славянских Библий [Обзор серии: Biblia Slavica. Nachdrucke der ältesten Ausgaben slavischer und baltischer Bibelübersetzungen. Hrsg. von Reinhold Olesch und Hans Rothe unter Mitarbeit von Fr. Scholz (I. Leopolda; II. Trediakovskij)] // UNESCO. Международная ассоциация по изучению и распространению славянских культур. Информационный бюллетень. Выпуск 26. М., 1992. С. 103–106.

315. Становление серболужицкой литературы в славянско-германском контексте // Славянские литературы. XI Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М.: Наука, 1993. С. 56–66.
316. Романтизм, модернизм, авангард (Несколько эмпирических наблюдений) // Литературный авангард. Особенности развития. Отв. редактор Л.Н.Будагова. М., 1993. С. 36–52.

317. XX век как литературная эпоха (Выступление на "круглом столе") // "Вопросы литературы". М., 1993. Выпуск второй. С. 68–74.

1994

318. Серболужицкая литература в эпоху романтизма: Из серболужицкой поэзии. Новополоцк, 1994. 40 с.
Рец.: Völkel M. Ruske pojednanje wo serbskej romantice // "Rozhlad". Serbski kulturny časopis. Budyšin, 1994, N 10. Str. 386.
Рец.: Leszczyński R. Niezwykła książka o literaturze łużyckiej // Zeszyty łużyckie. Том 13. № 3 (15). Warszawa, 1995. S. 84–85.
Рец.: Ритчик Ю.И. Верность теме // "Информационный бюллетень МАИРСК". Выпуск 28–29. М.: ИСБ РАН, 1996. С. 96–98.
Рец.: Лаптева Л.П. // "Славяноведение". М., 1996. № 4. С. 113–114.
319. Серболужицкая словесность в эпоху Просвещения. Краткий обзор. Новополоцк, 1994. – 32 с.
Рец.: Лаптева Л.П. // "Славяноведение". М., 1996. № 4. С. 113–114.
320. Составление книги // Серапионовы братья: Э.Т.А. Гофман. Серапионовы братья; "Серапионовы братья" в Петрограде: Антология. Составление, предисловие, комментарий, подготовка текста А.А. Гугнина. М.: Высшая школа, 1994. – 736 с.
321. "Серапионовы братья" в контексте двух столетий // Серапионовы братья: Э.Т.А. Гофман. Серапионовы братья; "Серапионовы братья" в Петрограде: Антология. М.: Высшая школа, 1994. С. 5–40.
322. Комментарий // Серапионовы братья: Э.Т.А. Гофман. Серапионовы братья; "Серапионовы братья" в Петрограде: Антология. М.: Высшая школа, 1994. С. 693–734.
323. Краткий очерк русско-немецких литературных связей от истоков до первой трети XIX века // Немцы в России: историко-культурные аспекты. М., 1994. С. 63–109.
324. Вуппертальский проект "Германия и немцы глазами русских" и его историко-культурное значение // Немцы в России: историко-культурные аспекты. М., 1994. С. 6–22.
То же // "Россия и современный мир". М., 1994. № 1. С. 132–142.

1995

325. Библиография литературоведческих, литературно-критических публикаций и переводов (1970–1995). Москва – Новополоцк, 1995. – 64 с.
326. Верхнелужицкая литература в эпоху национального возрождения XIX века. Вводная глава. Новополоцк, 1995. – 54 с.

327. Проблемы серболужицкой культуры эпохи Просвещения // "Славяноведение". М., 1995. № 3. С. 62–77.
328. Литература ГДР (1945–1967) // История литератур Восточной Европы после второй мировой войны. Т. 1. Отв. редактор В.А. Хорев. М.: Индрик, 1995. С. 465–518.
Рец.: Стыкалин А.С. // "Славяноведение". М., 1997. № 1. С. 106.
Рец.: Шабловская И.В. // "Славяноведение". М., 1998. № 1. С. 111.
329. Серболужицкая литература (1945–1967) // История литератур Восточной Европы после второй мировой войны. Т. 1. Отв. редактор В.А. Хорев. М.: Индрик, 1995. С. 519–532.
330. Магический реализм и социалистический реализм (Несколько тезисов для сопоставительных исследований) // Знакомый незнакомец. Социалистический реализм как историко-культурная проблема. Отв. редактор Н.М. Куренная. М., 1995. С. 76–90.
331. Концепция личности в серболужицком модерне // Человек в контексте культуры. Славянский мир. Отв. редактор И.И. Свирида. М.: Индрик, 1995. С. 158–164.
332. Возвращение великого разбойника // Вульпиус К.А. Ринальдо Ринальдини, атаман разбойников. М.: Ладомир, 1995. С. 3–10.
333. Литература ГДР в предчувствии исторических перемен 1989–1990 годов // "Славяноведение". М., 1995. № 5. С. 36–39.
334. "Благотворная сила..." (О сказках братьев Гримм) // "Педагогика". М., 1995. № 2. С. 34–39.

1996

335. История серболужицкой литературы: краткий очерк с библиографией. М., 1996. – 32 с. (Обзоры научного центра славяно-германских исследований. 1).
336. Народная и литературная баллада: судьба жанра // Поэзия западных и южных славян и их соседей. Развитие поэтических жанров и образов. Отв. редактор Л.Н. Будагова. М.: Индрик, 1996. С. 74–92.
337. Феномен Фрейда и человек // "Педагогика". М., 1996. № 2. С. 114–119.
338. Серболужицкая литература (1937–1945) (Доклад на "круглом столе": "Литература западных и южных славян периода второй мировой войны") // "Славяноведение". М., 1996. № 3. С. 72–74.
339. "... Людвиг Тик, соперник Шиллера и Гёте..." // Проблемы истории литературы. Сборник статей. Выпуск первый. Отв. редактор А.А. Гугнин. М., 1996. С. 27–41.
340. Герхарт Гауптман и его проза. К 50-летию со дня смерти // Проблемы истории литературы. Сборник статей. Выпуск первый. М., 1996. С. 79–89.

341. Некоторые проблемы изучения модернизма // Проблемы истории литературы. Сборник статей. Выпуск первый. М., 1996. С. 107–112.
342. Die nationale Bewegung der Sorben im slawisch-deutschen Kontext // Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte. Osteuropäische Geschichte in vergleichender Sicht. B., 1996. N 1. S. 267–272.
343. Литература Германии // Зарубежная литература XX века. Учебник. Под ред. Л.Г. Андреева. М.: Высшая школа, 1996. С. 434–479 (в соавторстве с А.В. Карельским).
344. Krotki zarys sorabistiki w Sowjetskim zwjazku a w Ruskej po 1945 // "Rozhľad". Budyšin, 1996, N 9. S. 330–332.
345. Уроки большой жизни. Памяти А.В. Михайлова // "Филологические науки". М., 1996. № 6. С. 123–127. (Соавторы: Б.П. Гончаров, П.А. Николаев, Е.И. Чигарева).
346. Центр славяно-германских исследований // Институт славяноведения и балканистики. 50 лет. М., 1996. С. 265–266.

1997

347. Введение в историю серболужицкой словесности и литературы от истоков до наших дней. М., 1997. – 224 с. (Труды Научного центра славяно-германских исследований. I)
Рец.: Scholze D. // "Lëtopis". Bautzen/Budyšin, 1998, N 2. S. 126–129.
348. Серболужицкая литература // История литератур западных и южных славян. Том первый. От истоков до середины XVIII века. Отв. редактор А.В. Липатов. М.: Индрик, 1997. С. 695–710.
349. Серболужицкая литература // История литератур западных и южных славян. Том второй. Формирование и развитие литератур Нового времени. Вторая половина XVIII века – 80-е годы XIX века. Отв. редактор С.В. Никольский. М.: Индрик, 1997. С. 201–221.
350. Серболужицкая литература // История литератур западных и южных славян. Том второй. М.: Индрик, 1997. С. 472–490.
351. Июньские события 1953 г. в истории, идеологии и литературе ГДР // Конфликты в послевоенном развитии восточноевропейских стран. Отв. редактор Ю.С. Новопашин. М., 1997. С. 21–37.
352. Роман Альфреда Кубина "Другая сторона" (1909) и истоки модернизации немецкоязычной прозы в XX веке // Проблемы истории литературы. Сборник статей. Выпуск второй. Отв. редактор А.А. Гугнин. М., 1997. С. 85–90.
353. Йозеф Вайнхебер, великий австрийский поэт XX века. // Проблемы истории литературы. Сборник статей. Выпуск второй. М., 1997. С. 90–106.

354. Альфред Кубин и его роман "Другая сторона" в историко-культурном контексте XX века // Литература в контексте культуры. Материалы научного семинара. Выпуск I. Отв. редактор Ю.Г. Круглов. М., 1997. С. 91–96.
355. Нелли Закс (1891–1970) // Поэты – лауреаты Нобелевской премии. М.: Панорама, 1997. С. 303–305.
356. Рецензия на кн.: Zeil W.: Sorabistik in Deutschland. Eine wissenschafts-geschichtliche Bilanz aus fünf Jahrhunderten. Bautzen, 1996. 216 s. // "Славяноведение". М., 1997. № 6. С. 95–100.
357. Encyklopedija sorabistiki. // "Rozhľad". Budyšin, 1997, N 11. Str. 423–425.
358. Einige Besonderheiten der zeitgenössischen gesellschaftlichen und kulturellen Situation in Russland und ihr Einfluss auf die Bildung und Änderung der öffentlichen Meinung // Veränderungsprozesse in den Literaturen und Kulturen Osteuropas (der ehemaligen UdSSR). Hrsg. von R.-D. Kluge. Tübingen, 1997. S. 43–56. (Skripten des Slavischen Seminars der Universität Tübingen. N 31).
359. Памяти А.В. Михайлова // Гётевские чтения 1997. Под ред. С.В. Тураева. М., 1997. С. 281–283.

1998

360. Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века. (Феномен и некоторые пути его осмысления). М., 1998. – 117 с. (Доклады Научного центра славяно-германских исследований. 2)
361. Основные этапы развития серболужицкой литературы в славянско-германском контексте. Научный доклад на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1998. – 76 с.
362. От редактора // Проблемы истории литературы. Сборник статей. Выпуск четвертый. М., 1998. С. 3–4.
363. Альбин Цоллингер (Материалы по истории швейцарской литературы XX века) // Проблемы истории литературы. Сборник статей. Выпуск четвертый. М., 1998. С. 63–77.
364. Магический реализм в контексте литературных и художественных течений XX века (Обоснование концепции спецкурса и некоторые материалы) // Проблемы истории литературы. Выпуск четвертый. М., 1998. С. 97–105.
365. Литература ГДР 1970–1980-х годов как сейсмограф глубинных общественных процессов (несколько тезисов к проблеме: литература и общество) // Проблемы истории литературы. Сборник статей. Выпуск пятый. М., 1998. С. 129–135.
366. Зигмунд Фрейд и литература – несколько наблюдений // Проблемы истории литературы. Сборник статей. Выпуск шестой. М., 1998. С. 113–123.

367. Георг Гейслер (в романе А. Зелере "Седьмой крест") // Энциклопедия литературных героев: Зарубежная литература XX века. Под общей редакцией Н.С. Павловой. М.: Олимп, 1998. С. 229–230.
368. Филоктет (в драме Х. Мюллера "Филоктет") // Энциклопедия литературных героев: Зарубежная литература XX века. Под общей редакцией Н.С. Павловой. М.: Олимп, 1998. С. 385–387.
379. Трагедия гуманистического сознания (Герхарт Гауптман) // Драматурги — лауреаты Нобелевской премии. М.: Панорама, 1998. С. 148–151.

1999

370. Австрийская поэзия от экспрессионизма до конца второй мировой войны // Проблемы истории литературы. Сборник статей. Выпуск седьмой. М., 1999. С. 90–111.
371. Густав Мейринк и экспрессионизм: первое приближение к проблеме // Проблемы истории литературы. Сборник статей. Выпуск седьмой. М., 1999. С. 111–113.
372. О неизбежном единстве естественной и гуманитарной науки // Проблемы истории литературы. Сборник статей. Выпуск восьмой. М., 1999. С. 3–12.
373. Поэзия немецкоязычной Швейцарии после второй мировой войны // Проблемы истории литературы. Сборник статей. Выпуск восьмой. М., 1999. С. 118–132.
374. Материалы по истории литературоведения и литературной критики XX века (Г. Вольфганг Кайзер.) // Проблемы истории литературы. Сборник статей. Выпуск восьмой. М., 1999. С. 133–152.
375. Баллады о Робин Гуде: популярное введение в проблему // Проблемы истории литературы. Сборник статей. Выпуск девятый. М., 1999. С. 3–7.
376. Пути вхождения литературы ГДР в литературу ФРГ (конец 1980-х – начало 1990-х годов) // Литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы 1990-х годов. Прерывность – непрерывность литературного процесса. Тезисы докладов международной конференции 2–4.11. 1999. Москва. М.: ИСЛ РАН, 1999. С. 6–7.
377. Традиции Ф. Гёльдерлина в поэзии Эриха Арендта // Привычное ощущение кризиса (в "соцлагере" и вокруг). М.: "Наследие", 1999. С. 59–75.
378. Пауль Хейзе, романтик бидермайера // Хейзе П. Новеллы. Шпиттлер К. Избранные произведения. М.: Панорама, 1999. С. 133–142 (Библиотека "Лауреаты Нобелевской премии").

379. Австрийская литература XX века: статьи, переводы, комментарии, библиография. Новополоцк – Москва, 2000. – 208 с. (Материалы Научного центра славяно-германских исследований. 1).
380. Литература Германии // Зарубежная литература XX века. Учебник. Под ред. Л.Г. Андреева. Издание второе, исправленное и дополненное. М.: Высшая школа, 2000. С. 421–464 (в соавторстве с А.В. Карельским).
381. Составление книги // Английская поэзия в переводах В.А. Жуковского. М.: Радуга, 1999 (в соавторстве с К.Н. Атаровой). – 368 с.
382. Несколько замечаний о проблематике славяно-германских исследований // Славяно-германские исследования. Тома первый, второй. Отв. редактор А.А. Гугнин, А.В. Циммерлинг. М.: Индрик, 2000. С. 11–18 (В соавторстве с А.В. Циммерлингом).
383. Сорабистика в Германии. Научно-исторический итог пяти столетий // Славяно-германские исследования. Тома первый, второй. М.: Индрик, 2000. С. 365–370.
384. Памяти А.В. Михайлова // Славяно-германские исследования. Тома первый, второй. М.: Индрик, 2000. С. 383–385.
385. Серболужицкое национальное возрождение XIX века в славянско-германском контексте // Славяно-германские исследования. Тома первый, второй. М.: Индрик, 2000. С. 613–619.
386. Составление книги // Немецкая поэзия в переводах В.А. Жуковского. Составление, предисловие и комментарии А.А. Гугнина. М.: Радуга, 2000. – 735 с.
387. В.А. Жуковский и немецкая литература // Немецкая поэзия в переводах В.А. Жуковского. М.: Радуга, 2000. С. 9–18.
388. Комментарии // Немецкая поэзия в переводах В.А. Жуковского. М.: Радуга, 2000. С. 651–735.
389. От редактора // Проблемы истории литературы. Сборник статей. Выпуск десятый. М., 2000. С. 3–4.
390. Фантастическая реальность Э.Т.А. Гофмана // Проблемы истории литературы. Сборник статей. Выпуск десятый. М., 2000. С.
391. Пауль Хейзе и немецкая литература XIX века // Проблемы истории литературы. Выпуск десятый. М., 2000. С.
392. Историко-контекстуальный подход к изучению национальной литературы (на примере истории серболужицкой литературы) // Пятая международная научная конференция "Белорусско-русско-польское сопоставительное языкознание и литературоведение. 25–27 мая 2000 г. Тезисы преподавателей ПГУ – участников конференции. Новополоцк, 2000. С. 93–105.
393. Мысли после прогулки по "Перекрестку" (предисловие к книге) // Скрыжыванне. Літаратурна-мастацкі альманах. Новополоцк, 2000. С. 4–7.

394. Материалы по истории и теории экспрессионизма (Австрия и Германия).
Часть первая // Проблемы истории литературы. Сборник статей. Выпуск
одиннадцатый. М., 2000. С. 103–146.
395. Антон Вильдганс. С. 103–104.
396. Курт Вольф. С. 104–106.
397. Вильгельм Воррингер. С. 106–109.
398. Якоб ван Годдис. С. 109–111.
399. Альберт Парис Гютерсло. С. 111–114.
400. Рихард Демель. С. 114–116.
401. Теодор Дойблер. С. 116–118.
402. Карл Краус. С. 119–121.
403. Георг Кристоф Кулька. С. 121–123.
404. Рудольф Леонгард. С. 123–125.
405. Густав Мейринк. С. 125–128.
406. Курт Пинтус. С. 128–130.
407. Оскар Маурус. Фонтана. С. 130–131.
408. Франц Теодор Чокор. С. 132–135.
409. Эрнст Штадлер. С. 135–137.
410. "Сумерки человечества". С. 137–140.
411. "Товарищи человечества". С. 140–142.
412. Австрийский экспрессионизм. С. 142–146.
413. Генрих Гейне в России на пороге третьего тысячелетия (несколько заметок) // Проблемы истории литературы. Сборник статей. Выпуск двенадцатый. М., 2000. С. 81–91.
414. Первый литературно-художественный альманах новополоцких лицейстов // Проблемы истории литературы. Сборник статей. Выпуск двенадцатый. М., 2000. С. 143–145.
415. Фантастическая реальность Э.Т.А. Гофмана // Э.Т.А. Гофман. Сказки. М.: Детская литература, 2000. С. 5–22.
416. Литература ГДР 1970–1980-х гг. как сейсмограф глубинных общественных процессов (несколько тезисов к проблеме: литература и общество) // Политика и поэтика. Сборник статей. Отв. редактор Ю.В. Богданов. М., 2000. С. 79–86.
417. Историко-контекстуальный подход к изучению национальной литературы (на примере истории серболужицкой литературы) // Пятая международная научная конференция "Беларуска-руска-польскае супастаўляльнае мовазнаўства. літаратуразнаўства, культуралогія". Матэрыялы V міжнароднай навуковай канферэнцыі. Віцебск, 25–27 мая 2000 г. С. 142–144.

418. Пророк в своем отечестве (О творчестве Гюнтера Грасса) // Грасс Г. Избранное. М.: Панорама, 2001 ("Библиотека "Лауреаты Нобелевской премии").
419. Литература ГДР // История литератур Восточной Европы после второй мировой войны. Том второй. Отв. редактор Г.Я. Ильина. М.: Индрик, 2001.
420. Серболужицкая литература // История литератур Восточной Европы после второй мировой войны. Том второй. Отв. редактор Г.Я. Ильина. М.: Индрик, 2001.

ПЕРЕВОДЫ

1977

421. Дитрих Киттнер. Памфлеты
/ "Иностранная литература". М., 1977. № 2.
422. Людвиг Тик.: Напутствие; Уверенность.
Людвиг Уланд.: К Родине; Новая сказка; Последний пфальцграф; Новая муза; А.Ш.; Осенняя паутинка; Напутствие.
Людвиг Георг Веерт.: "В покрове дивной тайны..."; "Смущая вечерний покой"; "Беспредельно тебя люблю я..."
// Европейская поэзия XIX века. М.: Художественная литература, 1977 (БВЛ, т. 85).

1979

423. Гейнц Калау. Воодушевление.
Юрген Рённерт. Соборование 1945.
Рудольф Леонгард. Баланс.
Вильгельм Ткачик. Меня вытесняет весна.
Криста Альтен. Кухня в квартире Ленина в Кремле
// Поднимаясь к новой жизни. Стихи и проза писателей ГДР. М.: Художественная литература, 1979.
424. Уве Бергер. Трудовые будни // "Знамя". М., 1979. № 10.

1980

425. Эрик Нойч. Встречи с Шолоховым // "Знамя". М., 1980. № 5.
426. Людвиг Уланд.: Об объективной и субъективной поэзии; О сущности поэзии; О романтическом (фрагмент); О романтическом; Фрагменты из "Воскресного листка"; Отрывок из "Песни о нибелунгах" и объяснение его связей с целым; "Нет!" — дворянской палате // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М.: МГУ, 1980.
427. Генрих Гейне. Доктрина // Heinrich Heine. Das Glück auf Erden. Ausgewählte Gedichte. М., 1980. С. 26.
429. Уве Бергер. Танцуют неба своды... // Бергер У. Улыбка в полете. Избранные стихотворения. М.: Прогресс, 1980.
430. Мартин Опиц. Книга о немецкой поэзии. (1624)
Фридрих фон Логау. Из сборника "Три тысячи немецких эпиграмм"; К читателю; Немецкий язык; О моих стихах: Плодоносящее общество: Отважная истина; Придворные искусства
// Литературные манифесты западно-европейских классицистов. М.: МГУ, 1980.

1981

431. Ирмтрауд Моргниер. Добраться до ядра... // "Иностранная литература". М., 1981. № 3 (в соавторстве с Т.А. Холодовой).
432. Вольфганг Вейраух. Человек в полицейской форме // Самолет над домом. Рассказы писателей ФРГ о молодежи. М.: Молодая гвардия, 1981.
433. Альбин Цоллингер: Сумерки детства; Флокс; Боденское озеро; Раздумье; Ночные превращения // Из современной швейцарской поэзии. М.: Прогресс, 1981.
434. Эрих Арендт: Дальнее странствие Улисса; Руки; Пробуждение; Пни.
Георг Маурер: Все для любимой; Мировой оркестр; Мужественный поступок; Судьбы искусства; Плавка; Труд приходит на смену войне.
Хайнц Калау. Каждый день.
Фолькер Браун: Предисловие; Летняя ночь; Лесная квартира; Дождь; Дерево; Всем; Прометей 8; Фридриху Гёльдерлину; Еще слишком рано. Уже слишком поздно
// Из современной поэзии ГДР. М.: Прогресс, 1981.

1983

435. Вильгельм Леман: Отцветший одуванчик; Незнаменитое местечко; Старшему сыну.
Готфрид Бенн: Слово; Мелодии; Две сущности есть; Эпилог 1949 (IV).
Мария Луиза Кашниц: Реальность; Не сказано.
Гюнтер Айх: Декабрьское утро; Начало весны; Мгновение в июне; Голуби
// Из современной поэзии ФРГ. Выпуск первый. М.: Радуга, 1983.
436. Бертольт Брехт. Студентам рабоче-крестьянского факультета.
Рудольф Леонгард. Мадрид – Берлин; Дерево; Баланс.
Георг Маурер. Плавка; Январские картинки. Когда буря перелистывает страницы пейзажа.
Вальтер Вернер. Под Орлом; Другу; Пейзаж; Под звуки рабочего гудка; Терновник; Трамплин возле моей деревни.
Фолькер Браун. Прометей 8.
Соня Шюлер. Отчет
// Поэзия ГДР. Антология. М.: Художественная литература, 1983.

1984

437. Людвиг Тик. Уверенность.
Людвиг Уланд.: Лес; Безотрадная весна; Локоны; Букет; Заключительный сонет; В альбом; Последний пфальцграф.
Георг Веерт: "Смущая вечерний покой..."

// Немецкая поэзия XIX века. На немецком и русском языках. М.: Радуга, 1984.

438. Хёпке К. Предисловие // Писатели Германской Демократической Республики. М.: Радуга, 1984. С. 7–20.

1985

439. Людвиг Тик. Напутствие.
Клеменс Брентано. "Слушай, флейта вновь рыдает..."
Леонгард фон Роткирх. Живопись.
Людвиг Уланд.: Замок в лесу; Безотрадная весна; Локоны; Весной; К Родине; Новая сказка; Осенняя паутинка; Вино и хлеб; Напутствие
// Поэзия немецких романтиков. М.: Художественная литература, 1985.
440. Позднее средневековье (конец XIII – конец XV века);
Литература XVII века;
Литература эпохи Просвещения (1700–1789)
// История немецкой литературы в трех томах. Т. 1. От истоков до 1789 г. М.: Радуга, 1985 (в соавторстве с Т.А. Холодовой).
441. Немецкая классика
// История немецкой литературы в трех томах. Т. 2. 1789. 1895. М.: Радуга, 1986 (в соавторстве с Т.А. Холодовой).
442. Фридрих Вольф: Твой народ; Наш вклад.
Фолькер Браун: Предисловие; Летняя ночь; Прометей
// Верность. Эстафета поколений: Сборник. Составление и предисловие В.Н. Девекина. М.: Радуга, 1985.
443. Артур Тропман: Дружба; После двух инфарктов.
Петер Шютт: Искусство жизни; Мечта и жизнь; Возражение; Немецкий пейзаж; Гроза в большом городе; Транспарант и душа; Голод; Любовь в наше время; Картина луга; Посещение военных маневров; Места больше нет.
// За что мы боремся. Современная политическая поэзия ФРГ и Западного Берлина. М.: Радуга, 1985.

1986

444. Людвиг Уланд: К Родине; Напутствие
// Поэзия народов мира (от древнейших времен до рубежа XIX–XX веков. М.: Детская литература, 1986. (Библиотека мировой литературы для детей. Т. 50).
445. Вильгельм Ткачик: Мне бы крылья; Протяни лавр.
Вальтер Вернер: Элленбоген; У воды; Прогулка; Маленькая история творчества; Подснежник; Сенокос; В марте сад; Дни моей кошки; У забытого колодца; Лесная прогулка с М.; При крике ястреба-перепелятника; Эпитафия.
// Из современной поэзии ГДР. Выпуск второй. М.: Радуга, 1986.

446. Ева Кауфман. Тема труда и рабочего класса (в литературе ГДР) // Общие закономерности и национальная специфика в литературах европейских социалистических стран (проза 60–70-х гг.). Отв. редактор Е.З. Цыбенко. М.: МГУ, 1986. С. 125–130.
447. Генрих Ольшовский, Людвиг Рихтер. О соотношении сравнительного, коммуникативного и функционального аспектов в литературоведении // Современные литературы европейских социалистических стран. 1945–1980. Историография, периодизация, методы исследования. М.: Наука, 1986. С. 31–37.
448. Ингеборг Мюнц-Кенен. Понятие литературы и предмет истории литературы // Современные литературы европейских социалистических стран. 1945–1980. Историография, периодизация, методы исследования. М.: Наука, 1986. С. 38–44.

1987

449. Иоганн Вольфганг Гёте (переводы отдельных стихотворений и фрагментов) // Конради К.-О. Гёте. Жизнь и творчество. Т. 1–2. М.: Радуга, 1987 (см. именные указатели к томам).
450. Мария Луиза Кашниц. Реальность.
Вильгельм Леман. Отцветший одуванчик.
Гюнтер Айх. Декабрьское утро.
Петер Шютт: Гроза в большом городе; Голод; Места больше нет.
Людвиг Фельз: Холодная война; Для моей жены (уле Рози); Попытка сближения (еще раз для Рози); Маленькая обвинительная речь; Встающие рано; Прекрасный день.
// Вести дождя: Стихи поэтов ФРГ и Западного берлина. М.: Художественная литература, 1987.
451. Якоб Гримм. Немецкая мифология (предисловие к изданию 1844 г.) // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX веков. Собрание текстов. М.: МГУ, 1987 (перевод опубликован с сокращениями).

1988

452. Людвиг Уланд: Третья элегия; Замок в лесу; Безотрадная весна; Завещание; Тайлефер; Весной; К Родине; Осенняя паутинка; Вино и хлеб; Жаворонковая война; Последний пфальцграф; Напутствие; Власть.
// Уланд Л. Стихотворения. М.: Художественная литература, 1988.
453. Альфонс Петцольд. Бодрствующий // Золотое сечение: Австрийская поэзия XIX–XX веков. На немецком языке с параллельным русским текстом. М.: Радуга, 1988.

1989

454. Людвиг Уланд: О балладе: Предупреждение против использования криминальных происшествий для балладных сюжетов; Последний пфальцграф // Эолова арфа: Антология баллады. М.: Высшая школа, 1989.
455. Рикарда Хух. Письмо президенту Прусской Академии искусств. Вернер Краус. Марбург при нацистском режиме. Эрих Арендт. Театр на войне. Сценический эксперимент. Франц Фюман. О 10 мая 1933 года. Рут Вернер. Интервью Гансу Якобусу. // Встреча на Эбро: Немецкие писатели в борьбе против фашизма (1933–1945). М.: Прогресс. 1989.

1990

456. Зигмунд Фрейд: Поэт и фантазия (в соавторстве с Ю.И. Архиповым): Речь в доме Гёте во Франкфурте-на-Майне // "Вопросы литературы". М., 1990. № 8.
457. Карл Либкнехт. Уверенность. Бруно Апиц. Радуга (Отрывок из романа: в соавторстве с Е. Вильмонт). Неизвестный автор. Песня Лойны. // Сильнее всего на свете. Сборник произведений немецких писателей – участников ноябрьской революции 1918–1919 годов в Германии. М.: Детская литература. 1990.
458. Криста Вольф: Франц Фюман: Речь в связи с присуждением премии сестры и брата Шюль города Мюнхена // Вольф К. От первого лица. Художественная публицистика. М.: "Прогресс". 1990.

1991

459. Фолькер Браун: Предисловие: Летняя ночь; Лесная квартира; Дождь; Дерево; Всем; Прометей 8; Фридриху Гёльдерлин: Еще слишком рано. Уже слишком поздно. // Браун Ф. Избранное. М.: Радуга, 1991.
460. Зигмунд Фрейд. Одно детское воспоминание из "Поэзии и правды" // "Диапазон. Вестник иностранной литературы". М., 1991. № 1.
461. Хайнер Мюллер. Волоколамское шоссе (II–V) // "Суфлер. Журнал зарубежной драматургии". М., 1991. № 1–2. С. 66–82.
462. Готфрид Бени. Проблемы лирики // "Вопросы литературы". М. 1991. № 7. С. 133–164.
463. Зигмунд Фрейд: Бренность: Психопатические характеры на сцене // "Диапазон. Вестник иностранной литературы". М., 1991. № 2. С. 247–251.

1992

464. Хайнер Мюллер. Германия. Смерть в Берлине // "Суфлер. Журнал зарубежной драматургии". М., 1992. № 2. С. 49–68.
465. Герман Казак. Город за рекой. Роман (в соавторстве с Т.А. Холодовой) // Гелиополис: Немецкая антиутопия. Романы (Г. Казак, Э. Юнгер, А. Шмидт). М.: Прогресс, 1992.
466. Зигмунд Фрейд: Неизбежна ли война? Письмо Альберту Эйнштейну; Омарченое воспоминание на Акрополе. Письмо Ромену Роллану // Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М.: Прогресс, 1992.

1983

467. Готфрид Август Бюргер: Моему сердцу: Любовь без приюта. Людвиг Уланд: Безотрадная весна; Локоны; Букет: Завешание; Весной; В альбом; Последний пфальцграф; Напутствие; Власть. Георг Веерт. Смущая вечерний покой. Готфрид Бенн.: Слово; Две сущности есть // Гугнин А. Пути земные и иные. Стихотворения и переводы. Новополоцк, 1993. С. 46–53.
468. Хайнер Мюллер. Волоколамское шоссе III: Дуэль // "Современная драматургия". Литературно-художественный журнал. М., 1993. № 2. С. 124–126.

1994

469. Каспар Пойкер. Идиллия родины. Ян Бок. Лужица. Хандрош Тара. Автор своему катехизису. Юрий Лудовица. Хвалебная песнь Михалу Френцелю. Юрий Рак. Жажда бессмертия. Гендрих Август Кригар. Сербскому товариществу. Гандрий Зейлер: Сербской Лужице; Причитание. // Гугнин А. Серболужицкая литература в эпоху романтизма. Из серболужицкой поэзии. Новополоцк, 1994.
470. Рудольф Штайнер. Краткий очерк антропософии. М.: Антропософия, 1994.
471. Эрнст Теодор Амадей Гофман. Предисловие (К "Серапионовым братьям") // Серапионовы братья: Э.Т.А. Гофман. Серапионовы братья; "Серапионовы братья" в Петрограде: Антология. М.: Высшая школа, 1994.

1995

472. Герман Гессе: 65 стихотворений // Гессе Г. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 4. М.-Харьков, 1995.

473. Герман Гессе. Прерванный урок // Гессе Г. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 7. М.-Харьков, 1995. С. 251–264.
474. Герман Гессе. Юность прекрасна // Гессе Г. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 6. М.-Харьков, 1995. С. 66–98.
475. Гуго фон Гофмансталь. Поэт и нынешнее время // Гофмансталь Г. фон. Избранное. М.: Искусство, 1995. С. 579–603 (В соавторстве с Е.В. Шлоссер).

1996

476. Лудольф Мюллер. Владимир Соловьев и католицизм // "Славяноведение". М., 1996. № 2. С. 48–53.
477. Юстинус Кернер. Водяной. Прощание.
Вильгельм Мюллер. Винета.
Людвиг Уланд. В Гейдельбергском замке. Летняя песнь пастуха. Поэт у одра умирающей (отрывок). Проплывшая на челне. Тебе. Петрарке.
Фридрих Ницше. Ессе Номо.
// Гугнин А. Пленник земных горизонтов. Вторая книга стихов. М. – Полоцк, 1996. С. 119–124.
478. Людвиг Уланд. Напутствие. К Родине.
// Поэзия народов мира. Сборник. М.: Детская литература, 1996. С. 237.
(Библиотека мировой литературы для детей. Выпуск второй. Том 27.)

1997

479. Йозеф Вайнхебер. Лесные тропы. У цели. Мотыльку. В траве. Барабан. Шепчет душа...
// Проблемы истории литературы. Выпуск второй. М., 1997. С. 92; 94; 96; 97–98; 98–99; 104; 105–106.
480. Каспар Пойкер. Идиллия родины.
Ян Бок. Лужица.
Хандрош Тара. Катехизис.
Юрий Лудовица. Хвалебная песнь Михалу Френцелю.
Юрий Рак. Жажда бессмертия.
Генрих Август Кригар. Сербскому товариществу.
Гандрий Зейлер. Сербской Лужице. Причитание.
Якуб Барт-Чишинский. Свет с вышины.
// А.А. Гугнин. Введение в историю серболужицкой словесности и литературы от истоков до наших дней. М., 1997. С. 26; 28; 32; 39; 60; 86; 90–91; 92–93; 125. (Труды Научного центра славяно-германских исследований ИС РАН. 1.)

1998

481. Альбин Цоллингер. Раздумье. Ночные превращения. Флоренция. // Проблемы истории литературы. Выпуск четвертый. М., 1998. С. 70; 71; 73.
482. Герман Гессе. Путь в ночи // Проблемы истории литературы. Выпуск четвертый. М., 1998. С. 71–72.

1999

483. Вольфганг Кайзер. Литературная оценка и интерпретация // Проблемы истории литературы. Выпуск восьмой. М., 1999. С. 135–150.

2000

484. Людольф Мюллер. Вл. Соловьев и католицизм // Мюллер Л. Понять Россию: историко-культурные исследования. М., 2000. С. 321–330.
485. Йозеф Вайнхебер: Лесные тропы: Чистое стихотворение. У цели. Мотылька. В траве. Барабан. Шепчет душа, пора...
Пауль Целан. Скажи и ты. Смена дыхания.
Эрих Фрид. Игра слов.
В кн.: Гугнин А.А. Австрийская литература XX века: статьи, переводы, комментарии, библиография. Новополюск – Москва, 2000. С. 55; 57; 59–60; 61–62; 68; 70; 133; 134; 139.

ОТРЕДАКТИРОВАННЫЕ КНИГИ

486. Штритматтер Э. Романы в стенограмме. М.: Прогресс, 1978 (Совместно с А.А. Смирновой).
487. Бройн Г. де. Жизнь Жан-Поля Фридриха Рихтера. М.: Прогресс, 1978 (Совместно с С.Л. Львовым и А.А. Смирновой).
488. Заковский Х. Даниэль Друкат. М.: Прогресс, 1979.
489. Новотный Й. Некто по имени Робель. М.: Прогресс, 1979.
490. Брезан Ю. Крабат, или Преображение мира. М.: Прогресс, 1979 (Совместно с А.А. Смирновой).
491. Современная повесть ГДР: 70-е годы. М.: Прогресс, 1979.
492. Кант Г. Остановка в пути. М.: Прогресс, 1979.
493. Новелла ГДР: 70-е годы. М.: Прогресс, 1980.
494. Райман Б. Франциска Линкерханд. М.: Прогресс, 1980 (Совместно с А.А. Смирновой).
495. Зегерс А. И снова встреча. Повести и рассказы. М.: Прогресс, 1980.
496. Бергер У. Улыбка в полете. Избранные стихотворения. М.: Прогресс, 1980.
497. Из современной поэзии ГДР. Сборник. М.: Прогресс, 1980.
498. Гёрлих Г. Извещение в газете. М.: Прогресс, 1982.
499. Бройн Г. де. Избранное. (Библиотека литературы ГДР). М.: Прогресс, 1981.
500. Вогацкий Б. Дуэт с Амелией. М.: Прогресс, 1981.
501. Шульц М.В. Солдат и женщина. М.: Прогресс, 1981 (Совместно с И.В. Ошаниной).
502. Вернер Р. Гонг торговца фарфором. М.: Прогресс, 1981 (Совместно с И.В. Ошаниной).
503. Нолль Д. Киппенберг. М.: Прогресс, 1981 (Совместно с А.А. Смирновой).
504. Щюц Х., Кольхаазе В., Хофман Ф., Стахова А. Повести и рассказы писателей ГДР. М.: Прогресс, 1981.
505. Хаммель К. Второе сотворение мира и другие пьесы. М.: Прогресс, 1982.
506. Фюман Ф. Половина жизни. М.: Прогресс, 1982.
507. Флос Р. Уроки танцев. М.: Радуга, 1983.
508. Хермлих С. Вечерний свет. Избранная проза. М.: Радуга, 1983.
509. Литературоведение и литературная критика ГДР 1960–1970-х годов. Сборник статей критиков ГДР. М.: Художественная литература, 1983.
510. Современные литературы европейских социалистических стран. 1945–1980. Историография, периодизация, методология исследования. М.: Наука, 1986. (Редколлегия: Ю.В. Богданов, А.А. Гугнин, В.Т. Серeda, В.А. Хорев, С.А. Шерлаимова).

511. Выбор пути. Литература европейских социалистических стран в первые послевоенные годы. Отв. редактор В.А. Хорев (Редколлегия: А.А. Гугнин, В.А. Хорев, С.А. Шерлаимова). М.: Наука, 1987.
512. Конради К.О. Гёте. Жизнь и творчество. Т. 1–2. М.: Радуга, 1987.
513. Сравнительное литературоведение и русско-польские литературные связи в XX веке. Отв. редактор В.А. Хорев. (Редколлегия: Б. Бялокозович, А. Гугнин, В. Хорев, С. Шерлаимова, Л. Язукевич-Оселковская, Х. Янашек-Иваничкова). М.: Наука, 1989.
514. Генрих фон Клейст. Биобиблиографический указатель. М.: ВГБИЛ, 1991.
515. Власть и интеллигенция (Из опыта послевоенного развития стран Восточной Европы). Отв. редактор Ю.С. Новопашин. (Редколлегия: Ю.С. Новопашин, А.А. Гугнин, Н.Ю. Калашникова). М.: ИСБ РАН, 1992.
516. Новые проблемы, новые решения. Актуальные аспекты изучения современных литератур Румынии и других стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Отв. редактор М.В. Фридман. (Редколлегия: А.А. Гугнин, Н.Н. Морозов). М.: ИСБ РАН, 1992.
517. Социокультурные процессы в странах Восточной Европы (после второй мировой войны). Редактор-составитель А.М. Орехов. (Редколлегия: А.А. Гугнин, М.Б. Ешич, А.М. Орехов). М.: ИСБ РАН, 1992.
518. Васари Г. Монти. Роман. М.: Радуга, 1993.
519. Рансмайр К. Последний мир. Роман с Овидиевым репертуаром. М.: Радуга, 1993.
520. Краус В. Нигилизм сегодня, или Долготерпение истории: Следы рая. Об идеалах. Эссе. М.: Радуга, 1994.
521. Зиммель Й.М. Горькую чашу – до дна! Роман. М.: Радуга, 1994.
522. Назаренко А.В. Русско-германские связи древнейшей поры (IX–XI вв.): состояние проблемы. (Доклады Научного центра славяно-германских исследований. 1). М., 1995. – 63 с.
523. Проблемы истории литературы. Сборник статей. Выпуск первый. М., 1996. – 127 с.
524. Античная литература. Программа для филологического факультета МГОПУ. Сост. Е.В. Жаринов, В.В. Тимохин. М., 1996.
525. Созвучье слов живых. Литературно-художественный сборник. Книга первая. Отв. редактор Ю.Г. Круглов. (Редколлегия: Р.Т. Певцова, А.А. Гугнин, Н.Д. Котовчихина). М.: Издательство МГОПУ, 1996. 122 с.
526. Лаптева Л.П. Российская сорабистика XIX–XX веков в очерках жизни и творчества ее представителей. Справочник. (Справочники Научного центра славяно-германских исследований. 1) М., 1997. – 132 с.
527. Проблемы истории литературы. (Сборник статей. Выпуск второй. М., 1997. – 136 с. (Отв. редактор.)

528. Проблемы истории литературы. Сборник статей. Выпуск третий. М., 1997. – 132 с. (Отв. редактор.)
529. Зарубежная литература Средних веков и Возрождения. Программа для филологического факультета МГОПУ. Сост. В.В. Тимохин. М., 1997. – 72 с. (Отв. редактор.)
530. Проблемы истории литературы. Сборник статей. Выпуск четвертый. М., 1998. – 114 с. (Отв. редактор.)
531. Проблемы истории литературы. Сборник статей. Выпуск пятый. М., 1998. – 138 с. (Отв. редактор.)
532. Проблемы истории литературы. Сборник статей. Выпуск шестой. М., 1998. – 144 с. (Отв. редактор.)
533. Тимохин В.В. Приемы композиции в средневековом героическом эпосе. Литература и фольклор. М., 1998. – 157 с.
(Монографии Научного центра славяно-германских исследований. 1) (Отв. редактор.)
534. Проблемы истории литературы. Сборник статей. Выпуск седьмой. М., 1999. – 148 с. (Отв. редактор.)
535. Проблемы истории литературы. Сборник статей. Выпуск восьмой. М., 1999. – 167 с. (Отв. редактор.)
536. Проблемы истории литературы. Сборник статей. Выпуск девятый. М., 1999. – 165 с. (Отв. редактор.)
537. Тимохин В.В. Поэтика средневекового героического эпоса. Символы. Литература и фольклор. М.: МГОПУ, 1999. – 135 с. (Отв. редактор.)
538. "Рифмотворная псалтирь" Симеона Полоцкого и Василия Титова. Подготовка текста, вступительная статья и послесловие Л.Н. Сидорович. Новополоцк: ПГУ, 1999. – 160 с. (Отв. редактор.)
539. Славяно-германские исследования. Тома первый, второй. М.: Индрик. 2000. – 656 с. (Отв. редактор серии и первого тома.)
540. Проблемы истории литературы. Сборник статей. Выпуск десятый. М., 2000. – 184 с. (Отв. редактор.)
541. Пятая международная научная конференция "Белорусско-русско-польское сопоставительное языкознание и литературоведение. 25–27 мая 2000 г. Витебск. Тезисы преподавателей ПГУ – участников конференции. Новополоцк, 2000. – 23 с. (Отв. редактор.)
542. Проблемы истории литературы. Сборник статей. Выпуск одиннадцатый. М., 2000. – 200 с. (Отв. редактор.)
543. Проблемы истории литературы. Сборник статей. Выпуск двенадцатый. М., 2000. – 200 с. (Отв. редактор.)

544. Шаманская Л.П. Жуковский и Шиллер: поэтический перевод в контексте русской литературы. Монографическое исследование. М., 2000. – 96 с. (Отв. редактор.)
545. Давыдова Е.В. Голубой цветок и русский символизм: творчество Новалиса в контексте русской литературы начала XX века. Москва, 2001. – 76 с. (Доклады Научного центра славяно-германских исследований. 3) (Отв. редактор.)

1. Хёпке К. Предисловие // Гугнин А.А. Современные писатели ГДР. М., "Знание", 1986. С. 3–4.
2. "Serbska literatura je woprawdže wiwota a sajimawa" (Interview z Alexandrom A. Guginom) // "Nova doba". 40 (24.05.1986), 121, Předženak.
3. Der Moskauer Germanist Alexander Gugin über den Dichter Uhland in Rußland // "Süddeutsche Zeitung", 2.11.1990.
4. Кто есть кто в русском литературоведении. Справочник Ч. 1: А–И. М., 1991. С. 136–137.
5. Овчаренко В.И. Гугнин Александр Александрович (как переводчик и комментатор работ З. Фрейда) // Психоаналитический глоссарий. Минск, Высшая школа, 1994. С. 67.
6. Архипов Ю.И. Заметки друга-одноклассника // Гугнин А.А. Библиография литературоведческих, литературно-критических публикаций и переводов М.–Новополоцк, 1995. С. 47–48.
7. Wokno dodaloka. Germanist a slawist prof. Alexander Gugin z Moskwy wotmołwja na prašenja Boženy Pawlikec // "Serbske Nowiny". Předženak. 22 měrca 1996. S. 1, 5.
8. Лаптева Л.П. Александр Александрович Гугнин // Лаптева Л.П. Российская социология XIX–XX веков в очерках жизни и творчества ее представителей. Справочник. М., 1997.
9. Völkel M. Na rozmołwach w Moskwje // "Rozlad". Serbski kulturny časopis. Budyšin, 1998, N 10. Str. 391.
10. Михнович Л.А. "Снова жизнь принимаю как чудо" (Люди нашего города) // "Химик". Новополоцк, 5 мая 2000 г. С. 4.
11. Профессор из бригады Блохина (беседа писателя А.М. Черницкого с А.А. Гугниным) // "Новая газета". Новополоцк, 26 сентября 2000 г. С. 3–4; 3 октября 2000 г. С. 3–4.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От автора</i>	3
<i>Введение. Историко-контекстуальный подход к изучению национальной литературы: тезисы и пояснения</i>	5
<i>Первая глава. На рубеже XIX–XX веков</i>	23
Верхнелужицкая литература.....	27
Поэзия.....	27
Проза.....	33
Драма.....	38
Нижнелужицкая литература.....	39
Поэзия.....	40
Проза.....	44
<i>Вторая глава. Литература межвоенного двадцатилетия</i>	47
Верхнелужицкая литература.....	51
Поэзия.....	51
Проза.....	56
Драма.....	62
Нижнелужицкая литература.....	63
Поэзия.....	63
Проза.....	68
Драма.....	69
<i>Третья глава. В тисках национал-социализма</i>	72
<i>Четвертая глава. От разгрома немецкого фашизма до конца 1960-х годов</i>	79
Поэзия.....	82
Проза.....	87
Драма.....	91
<i>Пятая глава. Основные тенденции историко-литературного процесса 1970–1990-х годов</i>	93
Поэзия.....	96
Проза.....	103
Драма.....	110

Библиография.....	114
I. Серболужицкая литература в русских переводах.....	114
II. Справочные и библиографические издания.....	117
III. Словари.....	118
IV. Языкознание.....	119
V. Мифология, фольклор, народная культура.....	120
VI. Искусство.....	121
VII. История и культурные взаимосвязи.....	122
VIII. История словесности и литературы.....	125
IX. Некоторая дополнительная библиография.....	129

ПРИЛОЖЕНИЕ

Библиография литературоведческих, литературно-критических публикаций и переводов А.А. Гугнина

I. Литературоведение и критика.....	133
II. Переводы.....	165
III. Отредактированные книги.....	173

Научное издание

**СЕРБОЛУЖИЦКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX ВЕКА
В СЛАВЯНСКО-ГЕРМАНСКОМ КОНТЕКСТЕ**

Александр Александрович Гугнин

Серболужицкая литература XX века в славянско-германском контексте.
Москва, 2001. – 180 с.

Ответственный редактор *В. А. Хорев*

Технический редактор *З. М. Гугнина*

Графика *Б. Л. Бородин*

Издательство «Индрик»

Лицензия ЛР № 070644 от 19 декабря 1997 г.
Подписано в печать 18.02.2001. Формат 60×84¹/₁₆. Печать офсетная.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная № 1. Печ. л. 11,25.
Уч.-изд. л. 8,07. Тираж 500 экз. Заказ № 5027.

Издательско-производственная фирма «ИНДРИК»
113452, г. Москва, ул. Азовская, д 25, корп. 2, кв. 130

Отпечатано в Производственно-издательском комбинате ВИНТИ,
140010, г. Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.
Тел. 554-21-86

